

**Институт Истории Национальной Академии Наук Белоруссии
Институт Африки Российской Академии Наук**

**ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ
ВОЙНЫ В АНГОЛЕ
И ДРУГИХ ЛОКАЛЬНЫХ
КОНФЛИКТОВ**

**Москва 2011
Издательство «Memories»**

Редакторы-составители:

**к.и.н. Кузнецова-Тимонова Александра Владимировна (Институт
Истории Национальной Академии Наук Белоруссии)**

к.и.н. полковник запаса Токарев Андрей Александрович

подполковник запаса Ждаркин Игорь Анатольевич

к.и.н. Шубин Геннадий Владимирович

Редактор **Гришина Нина Владимировна**

В книге представлены воспоминания офицеров, военных переводчиков и журналистов, работавших в составе советских/российских войск в «горячих точках» – Анголе и Чечне. Диалоги, построенные на обширном документальном материале, заинтересуют как профессиональных военных, так и широкие круги читателей, равнодушных к событиям недавнего прошлого, активным участником которых была наша страна.

© Институт Истории Национальной
Академии Наук Белоруссии, 2011

© Институт Африки РАН, 2011

© Военный университет, 2011

© Кузнецова-Тимонова А.В., составление, 2011

© Токарев А.А., составление, 2011

© Ждаркин И.А., составление, 2011

© Шубин Г.В., составление, 2011

© Издательство Memories, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

СОБОЛЕВ Борис Иванович, подполковник запаса	4
МОРОЗОВ Юрий Михайлович, майор запаса	15
СЕРГИЕНКО Геннадий Иванович, подполковник запаса	44
БАЯГИН Сергей Петрович, лейтенант запаса	59
НАКОНЕЧНЫЙ Николай Степанович, полковник в отставке.....	67
ЛЯКИН Владимир Александрович, капитан второго ранга запаса.....	87
СИНЯНСКИЙ Валерий Иванович, подполковник запаса	100
БАРАНОВ Алексей Владимирович, полковник запаса	121
ТИХОМИРОВ Александр Николаевич, старший лейтенант запаса	145
КОРОЛЬКОВ Владимир Анатольевич, старший лейтенант запаса	168
ДЕДЕШКО Владимир Иванович, офицер запаса.....	197
Приложение к воспоминаниям ветеранов войны в Анголе Из переписки по электронной почте военного переводчика майора запаса Сергея Шкариненко с к.и.н. Геннадием Шубиным 08.12. 2010 – 12. 12. 2010.....	209
Старший офицер спецназа Министерства Юстиции в звании подполковника Воспоминания о командировке в Чечню	215
КОНОВАЛОВ Иван Павлович.....	223

Соболев Борис Иванович,

подполковник запаса,

специалист по РТО¹

– **Представьтесь, пожалуйста.**

– Подполковник запаса **Соболев Борис Иванович.**

Был награждён в мирное время орденом «**Знак Почёта**» (За переучивание личного состава). Представлялся к ордену «**Красной Звезды**», но по некоторым обстоятельствам приказали наградить кого-то из лётного состава, потому комэска получил, а я нет.

Мой путь в Анголу был такой. Я был старший инженер полка, в/ч 48231, которая располагалась в г. **Иваново**. Это был ещё даже не полк, а первая эскадрилья военно-транспортных самолётов **Ан-22 «Антей»**.

В то время – это самый тяжёлый и самый большой в мире транспортный самолёт, насыщенный новой аппаратурой (цифровая вычислительная машина **ЦВМ**, новая локационная система **КП-2, КП-3**, система «**VOR-1 LS**», радиотехническая система дальней навигации «**Тропик-С**»). Он летал по международным трассам.

– **Какое звание было у Вас в то время?**

– Майор. Старший инженер полка – и должность была майорская.

В 20-х числах декабря 1975 г. правительством перед нами была поставлена задача об оказании помощи Народной Республике Ангола. И эту помощь мы оказали. Задача воз-

¹ Запись сделана 25 июня 2010 года в г. Витебске **А.В. Тимоновой**.

главить группу по обеспечению перелёта была возложена на меня.

К выполнению задания готовились серьёзно, как к подготовке лётных экипажей к перелёту, так и к комплектованию технических аптек по специальностям, учитывая ненадёжные новые системы оборудования самолёта. Также занимались комплектованием бортовых пайков для лётных экипажей в расчёте на 3 дня, для инженерного состава – на 1 месяц. Некоторым жены передавали посылки с очередными прилётами самолётов в Анголу. Обеспечили 35 самолёто-вылетов. Потерь среди лётного и инженерного состава не было. Задание выполнили успешно. Все получили «благодарности» от командующего ВТА (Военно-транспортной авиации)...

– **Какого числа Вы прибыли в Луанду?**

– Мы прибыли 24 или 25 декабря 1975 г., точно не помню уже, больше тридцати лет прошло. Встречал нас сам президент. Мы везли в тот момент установку «Град» (**БМ-21 Град**) с ящиками боеприпасов. С нами летели два консультанта – наши советские офицеры по использованию этой ракетной установки, специалисты по применению. Всю остальную работу по эксплуатации установок выполняли заранее подготовленные кубинские военнослужащие. За всё время моей службы я не видел настолько знающих людей, обладающих такими навыками использования этого оружия, как те кубинцы. Ежедневно один **Ту-154** прилетал с **Кубы**, садился в Луанде. Прилетали в гражданском, военная форма была уложена в вещмешки.

Мы тоже летели как гражданские, никаких звёздочек на бортах. Всё смыли в Ташкенте в течение четырёх дней на всех пяти самолётах. Смыли – и перекрасили под **АЭРОФЛОТ**. Когда мы туда прилетели, трап выбросили – командир корабля **Чебогарев**, комэска, говорит: «**Борис Иванович**, давай ты, иди первым с трапа». Я – ну ладно, и сошёл первым на ангольскую землю.

Нас встретил президент страны с группой сопровождающих. И тут же нам вручил медали. На медали изображён во-

оружённый солдат с винтовкой, и надпись «За Родину» или «За свободу», не помню, а тыльная сторона вообще чистая. Вручил, пожал всем руки, поблагодарил за помощь. Он говорил очень чисто на русском языке, даже, честно говоря, лучше, чем мы². Ещё всем были вручены Грамоты перелётавшим экватор и значки. Так вот и пообщались.

Самолёт прируливали к ангару – разворачивались, чтобы хвостом прямо туда попасть, потому что в это время в воздухе ещё португальские истребители кружили и стреляли. Разгрузились – а разгружали всё кубинцы, и тут же установка (РСЗО «Град») запускалась, и они шли в бой.

Успехи были большие. Пятёрки прилетали, привозили туда «Град» и истребители МиГ-19. Как положено, демонтировали, снимали крылья у самолётов, также перевозили питание, боеприпасы, автоматы. Всё, что было нужно для революции – хотя это была не революция, а вооружённый переворот.

– **Вы сказали, что на ракетных установках залпового огня «Град» работали исключительно кубинцы?**

– Да. А консультанты были наши. Офицеры – майоры, подполковники, не ниже. А все действия выполняли кубинцы.

– **Кубинцы говорили по-русски?**

– Да.

– **А с Вами языковую подготовку проводили?**

– Нет. Мы работали только через переводчиков.

Перелёт был из Иваново до Чкаловского под Москвой, где мы загружались. Вылетали рано утром. Летели по маршруту Москва – Будапешт, далее в зависимости от погоды – посадка в Алжире, дозаправка, взлёт – и до Гвинеи-Бисау, там тоже посадка и дозаправка, потому что еле-еле дотягивали, почти девять часов летели через всю Африку, и оттуда – уже до Луанды.

Из Луанды португальцы ушли. Не хватало топлива, нечем было заправлять самолёты. И тогда договорилась с француз-

² Возможно, что встречал не президент **Нето**, а будущий президент **Душ Сантуш**.

ской кампанией в Браззавиле, чтобы они дозаправляли наши самолёты.

– **Фамилии переводчиков Вы не помните, с кем работали?**

– Не помню, но это были курсанты четвёртого курса.

– **То есть, Ваша задача состояла в том, что вы шли из Москвы на Луанду, там разгружались и возвращались назад? Или вы там жили где-то?**

– Мы, как группа обеспечения, жили в гостинице. Сначала прожили дней десять. Нас неплохо встретили. Президент поставил задачу, чтобы нас хорошо кормили, мы ходили в ресторан. Потом создалось такое положение, что самолёты заправлять стало нельзя, и первая пятерка перелётела в Браззавиль, заправились там. Неисправностей – куча, потому что самолёт АН-22 ещё был «сырой» – и мы уже в Браззавиль летали.

– **Скажите, со стороны кубинцев или ангольских военных были какие-нибудь жалобы на техническое состояние вооружения и техники, поставлявшейся из Союза?**

– Нет, никаких. Они были очень довольны. Когда эти установки «Град» (БМ-21) привезли (а это новая была установка, один залп около пяти гектаров накрывал), с севера шла колонна заирских войск для захвата Луанды и свержения МПЛА. Оставшиеся в живых после этих залпов не знали, куда бежать! Выгорало и уничтожалось всё! Получается, эти «Грады» и спасли положение.

Отношение к нам было очень хорошее. **Фидель Кастро** поставил своим конкретную задачу: русских носите на руках, охраняйте, как зеницу ока! И куда бы ты ни пошёл, куда б ни отвернулся – всегда кубинцы рядом: спрашивали, чем помочь, может, что надо? Большинство хорошо говорили по-русски. Весьма приятные ребята, воспоминания о них остались очень тёплые.

– **Сколько времени продолжалась Ваша командировка, когда Вы окончательно убыли в Союз?**

– Мы вернулись домой в феврале семьдесят шестого. Когда возвращались из Анголы, пережили небольшое приключение. Подходили к Алжиру в очень сложных метеоусловиях: была страшная гроза. Только подлетели к аэродрому – такая туча накрыла! Попали во фронт ужаснейший. Мы свернули в море, пробовали его обойти – не смогли.

Командир поседел... Я никогда в жизни не видел, чтобы за сорок минут человек полностью стал седым! Болтало ужасно, я уже думал – всё, отлетался. Молния как будто прямо по нам бьёт, самолёт бросает из стороны в сторону, такое ощущение, что сейчас перевернёмся. Шли на ручном управлении. Еле-еле, чудом проскочили эту грозу, я считаю, только благодаря высокому мастерству экипажа.

Нас посадили не в Алжире, а перенаправили в Марокко, в Рабат. Но там из самолёта нас не выпускали. Марокканцы выставили вокруг нашего самолёта человек шесть вооружённых солдат и держали на прицеле. Даже дверь нельзя было открыть или рампу опустить, чтоб воздухом подышать.

Так в жуткой духоте мы и просидели в самолёте полтора часа, пока не приехал наш посол и не решил вопрос о нашем пребывании там, о дозаправке, о питании и проживании. Нас выпустили, разместили в гостинице, покормили, там мы переночевали. Вылетели на Москву из Рабата через Будапешт.

– **А где Вы служили потом?**

– Оттуда я вернулся в Иваново.

– **А как оказались в Витебске?**

После Иваново, когда получил орден «Знак Почёта», я был назначен старшим инженером 19-й военно-транспортной дивизии. Она располагалась в Сеще, под Брянском. Там большой аэродром, его ещё немцы построили. После Сещи было приглашение в Москву. Командующий генерал-полковник **Пакилев** дал мне три дня, и я приехал в Москву, в Медвежьи Озёра. Я уже был подполковником. Говорит: езжай, посмотри, если понравится – скажешь, завтра будет приказ о твоём назначении сюда.

А там – городок, пять пятиэтажных домов для офицеров и Центр по переучиванию личного состава. Называлось это ШМАС – школа младших авиационных специалистов. Стоял июль – жара, местность болотистая, комары заели! Все женщины и дети с веточками ходили, обмахивались, чтобы комаров отогнать. Потом пришёл в гостиницу – а это были две квартиры в одном жилом доме – дежурная встретила, принесла мне графин воды, а вода красная! Спрашиваю: и вы её пьете? В ответ слышу: да вот, кипятим несколько раз, потом пьём. Встретил ещё своих друзей, что там служили, спросил: как, есть смысл сюда переезжать? Они говорят: лучше не переводись. Вернулся я к командующему, доложил: товарищ командующий, отбой. Он мне: больше не дождёшься таких предложений, повышения не будет! Там-то полковничья должность была, то есть он на повышение меня хотел отправить.

Я вернулся в Сещу, пробыл там ещё два с половиной года. И оттуда был переведён на **Ил-76**, в Витебск, где стоял авиационный полк. По оборудованию они похожи на **Ан-22**, и в полку нужны были люди, которые эту технику знали.

– **Ил-76 работали на заграницу?**

– Всё время на заграницу. Как и **Ан-22**. Так сложилась моя судьба, что пришлось почти весь мир облетать. Проще, наверное, сказать, где я не был.

Сначала была одна эскадрилья **Ан-22**, когда в Анголу летали. На первых порах они проходили войсковые испытания на предмет годности для использования в вооружённых силах. Самолёт был сначала однокильный, и его бросало из стороны в сторону. Только лётчик-испытатель мог управлять таким самолётом и посадить его. Потом приняли решение сделать два киля, и тогда полёт стал более-менее стабильным. Перед Ташкентом³ поставили задачу построить три полка этих самолётов⁴.

В самолёте был грузовой отсек и удобная гермокабина, так

³ Авиастроительный завод в Ташкенте.

⁴ Информация нуждается в уточнении.

что лётчикам и возможным пассажирам уже были созданы нормальные условия.

Десять самолётов передали в распоряжение Красного Креста. Они выполняли задачи, связанные с ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций: землетрясений, наводнений, боевых действий, перевозили гуманитарную помощь и так далее.

Случались у нас и потери. Во время служебной командировки в Перу мы потеряли один борт, и я чудом остался жив, потому что должен был лететь в составе группы именно на этом борту.

В Перу тогда произошло сильнейшее землетрясение, целый город стёрло с лица земли, засыпало пеплом. В живых не осталось почти никого. Была сформирована группа для оказания помощи, задействован персонал Второго медицинского института. Подготовили палатки, продукты, спасательные средства, в общем, всё самое необходимое, чтобы оказать помощь.

Маршрут был проложен через Финляндию в Исландию, на Рейкьявик. Потом летели в Канаду, и уже из Канады по нейтральным водам шли на Перу.

Перед отправкой на инструктаж в Чкаловском приехал командующий, потому что предстоял первый подобный перелёт. Мы все построились, ему доложили состав групп и оборудования для транспортировки на наших бортах. Он сразу внёс коррективы: нельзя в первой группе отправлять всех специалистов, надо разделить на несколько. А у нас всю передовую группу инженеров полка – по СД (самолёт-двигатель), вооружению, авионике и радиооборудованию сконцентрировали на одном борту, и я должен был лететь этим бортом. Но командующий приказал первым бортом отправить только инженера по СД и инженера по вооружению, всех остальных – вторым рейсом. И меня перекинули на другой борт. А тот наш самолёт только вылетел из Рейкьявика, набрал 5000 метров – и связь с ним пропала. Так его и не обнаружили. Такая вот судьба!

После того, как тогда погиб наш первый самолёт, между

Рейкъявиком и побережьем Канады стали постоянно дежурить три наших корабля. В их задачу входило обеспечение связи для наших бортов, идущих этим маршрутом.

– **Командировка в Анголу отразилась на Вашей дальнейшей службе? Или это был просто эпизод среди многих?**

– Нет, не отразился. В то время такие командировки никак особо не отражались.

После окончания академии – а я был в первом выпуске Академии Жуковского, который начал изучать цифровые вычислительные машины (они стали внедряться в авиацию в те годы) – я приехал в Иваново. Там проходили войсковые испытания. На одном самолёте стояла цифровая машина, а на другом – авиационно-вычислительный комплекс: это другой тип связи (не цифровой), её сутками настраиваешь, малейшее изменение – и она сбивается. Я участвовал в комиссии по обоим типам связи, подписывал акт и поддерживал цифровую систему. Так она стала внедряться и развиваться. Выпускалась на ЛОМО⁵. Естественно, сначала она была достаточно «сырая», отказов было много, потом пошли доработки. Это очень сложная техника, она требовала аккуратности и бережного отношения. Потом стали делать хорошие машины, которые по два-три года летают и ни одного отказа.

– **В Мозамбик летать Вам не доводилось?**

– Нет. Мимо – да, было. В Сирии был дважды. Тоже в семьдесят пятом – семьдесят шестом, седьмом. С тем же заданием, что и в Анголе – поставляли технику, боеприпасы. Сирийские пилоты были хорошие, они переучивались в Одессе на истребители. А мы поставляли им эту технику, **Миг-21**, и обучали их по системе опознавания.

– **Какой у Вас срок выслуги?**

– Тридцать лет. Без учёта лётной выслуги. Если сосчитать лётную, хватило бы человека на четыре. Ведь я летал больше, чем порой летали сами лётчики. Потому что без радио ты шаг в воздухе не сделаешь! Немного было полётов и в полку, и

⁵ Ленинградское оптико-механическое объединение – А.Т.

в дивизии, где бы меня не задействовали. У кого-то что-то не получилось – где **Соболев**? Дома. Послать за ним машину! Забирают меня, везут на аэродром, сажают в самолёт. Выполняем одну-две коробочки⁶, большую или маленькую. Всё нормально – хорошо, ездай домой.

– **Вы были инженер по АО и РЭО?**

– Только по радио. У нас это было **РТО** – радиотехническое оборудование: связные станции, навигационное оборудование, радиолокационные станции (**РЛС**), два-три локатора. Когда раскрыли систему опознавания, сделали **СБД**. Вот какую службу я возглавлял.

Вообще, было приятно работать на **Ил-76**. Во всех учениях участвовали. В общевойсковых – их было четыре в год. В дивизионных – два. Армейские, ВТАшные. Всё это – с выбросом техники и личного состава.

С таким опытом после увольнения в запас меня тут же «с руками и ногами» взяли на самолёты **А-50**⁷. Это очень интересный самолёт радиолокационного обзора. Я восемь лет был начальником базы этих самолётов – уже в Витебске, здесь их четыре штуки стояло. Этот самолёт – как бы наш ответ «**AWACS**»⁸. **А-50** обеспечивал управление до 90 самолётов в воздухе.

Проводили испытания в Ташкенте, запускали ракеты малого действия, наводили цель с этого самолёта. Все испытания

⁶ Коробочка – траектория полёта самолёта в виде прямоугольника, стороны которого расположены параллельно или перпендикулярно месту посадки или взлёта. Используется при взлёте или посадке или в ожидании посадки на аэродром. (*Прим. ред.-сост.*)

⁷ **А-50** – самолёт дальнего радиолокационного обнаружения и управления. Создан на базе военно-транспортного самолёта **Ил-76МД**. На вооружении с 1985 г. Было произведено 35 единиц.

⁸ **AWACS** – Airborne Warning and Control System (система дальнего обнаружения и обзора) производства США. Создана на базе самолёта **Боинг-707-300**. Данная модификация самолёта официально именуется **Боинг Е-3 «Сентри» (Boeing E-3 Sentry)**. На вооружении с 1975 г. Было произведено до 1992 г. 68 единиц для ВВС США, Англии, Франции и Саудовской Аравии.

прошли очень успешно. Оборудование на **А-50** очень сложное. Мне на него переучиваться пришлось в Москве.

В 1991 г. эти машины перевели в г. **Энгельс**. Меня туда звали, но я не поехал, устроился в Витебске. А их потом на Север перебросили. Зачем – не знаю. Это ведь такая техника, которой ни в коем случае на север нельзя! Бросили их туда, всё оборудование замерзло. Потом с Севера перевели их в Иваново, сейчас они там находятся, пять или шесть бортов, которые летают⁹, а было тридцать пять.

– **Может, ещё в какие-нибудь «горячие точки» доводилось летать?**

– Было дело. Шли на Вьетнам. Тогда ещё шла война с американцами. Бомбили нас шариковыми бомбами. Мы подлетели со стороны Индонезии: маршрут был Ташкент – Дели – до Индонезии и дальше по нейтральным водам, по коридору, который был тогда разрешён. Летим – и два **«Фантома»** американских подошли к нам близко-близко, лётчиков видно! Улыбаются нам и ручкой машут! Почти до самого Вьетнама нас сопровождали, но ничего не сделали. Видимо, посмотрели, сфотографировали всё, что нужно, и отпустили.

Мы приземлились. Встречает нас **Герой Вьетнама**, полковник, командир истребительного полка. Американские самолёты сбивал. Ведь там вьетнамцы, что ли, воевали в воздухе? Там наши воевали!¹⁰ Потом уже, когда вторая группа полетела туда – говорят, он уже дважды **Герой Вьетнама!**

– **Фамилию его не помните?**

– Нет, к сожалению. Сами понимаете, фамилиями мы не обменивались. Тут смотришь – быстрой колёса на самолёте за-

⁹ По другим сведениям, 19 самолётов **А-50** находятся на вооружении ВВС России.

¹⁰ Не совсем так. Другое дело, что во время войны во Вьетнаме (1964–1975 гг.) ходили очень упорные слухи, что больше, чем вьетнамские асы сбили американских боевых самолётов именно советские военные лётчики «маскировавшиеся» под вьетнамцев. (*Прим. ред. сост.*)

крывать щитами от осколков, чтобы шариковые бомбы не повредили. Поэтому уж не до фамилий было.

– **В Вашей биографии указано, что Вы летали также на Кубу.**

– Да, на Кубе я тоже был. Сопровождал **Леонида Ильича Брежнева**. Тоже, по-моему, семьдесят пятый год, июль. На двух **Ан-22** мы везли фельдсвязь – она разворачивалась в Вашингтоне, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. То есть там, куда он планировал ехать. Сам-то он слабо ориентировался и в экономике, и в вооружении, и в других делах, а чтобы заключить договор какой-нибудь, ему нужно было проконсультироваться с соответствующим министром. Тогда он трубочку поднимал, и его с нужным министром соединяли.

В тот раз мы везли эту связь в Вашингтон. А там установка дорого обходилась. Потому мы вынуждены были договориться с Кубой, и нас посадили в Гаване. Мы там недельку отдохнули, в Мексиканском заливе купались. Потом свернули связь, загрузили в самолёт и привезли обратно, в Союз.

– **Немножко личной информации о себе, о семье.**

– Женат. Имею сына. Сын – подполковник, служит в ВТА, в Москве, в 61-й Воздушной армии. У меня два внука.

Гремела эта Воздушная армия в свое время, но когда появилось МЧС, то самолёты растащили. Сейчас забрали совсем, фактически осталась только одна дивизия. Распалось всё.

С 1992 г. работал педагогом-организатором при детском клубе Октябрьского района г. Витебска до 2006 года. В 2006 г. был избран ветеранами района председателем общественного объединения ветеранов Октябрьского района г. Витебска, где и сейчас работаю.

Морозов Юрий Михайлович, майор запаса¹

Морозов Юрий Михайлович, родился 21 февраля 1961 г. в г. Минске в семье инженера и филолога. В 1978 г. после окончания 10 классов поступил в Минское ВИЗРУ ПВО на специальность «радиотехнические средства».

Почему я выбрал эту профессию? Наверное, повлияло то, что в юности любил читать книжки и смотреть фильмы про войну (в те годы их много и часто показывали). Наша семья сугубо гражданская, но у нас было много знакомых, которые сами были военными или у них дети учились в военном училище. Со многими я общался, они мне рассказывали об учёбе, о перспективах. В совокупности всё это предопределило мой выбор и дальнейшую жизнь.

В 1983 г. я окончил училище с отличием и в звании лейтенанта был направлен для дальнейшего прохождения службы в Прибалтийский военный округ, г. Таллин Эстонской ССР. Служил на должностях начальника расчёта, офицера-наведения зенитного ракетного дивизиона **С-125**.

Зимой 1985 г. я получаю распоряжение из отдела кадров нашей части пройти медицинский осмотр на предмет пребывания в странах с жарким и влажным климатом. Потом в течение месяца я прошёл все служебные инстанции и собеседования, начиная с нашей части и заканчивая штабом округа. Из всех бесед я понял, что меня хотят направить в Алжир. Примерно

¹ Воспоминания написаны **Ю.М. Морозовым** собственноручно и дополнены комментариями, записанными **А.В. Тимоновой** в г. Минске 22 июля 2010 года.

через год, в начале июня 1986 г., когда я уже и забыл, что меня оформляли за границу (я в это время готовился для очередного выезда на полигон в Казахстан), меня срочно вызывают в штаб части, где начальник отдела кадров сказал: «Тебе даётся 3 дня для сдачи должности и улаживания личных проблем, после чего ты обязан явиться в 10 Главное управление Генерального Штаба».

Я сдал свою должность, собрал холостяцкие пожитки в два чемодана и благополучно убыл в Москву, где в назначенный срок явился сначала в управление кадров Войск ПВО, а затем был отправлен в распоряжение 10 Главного управления.

В Главном управлении мне сказали, что я включён в группу военных советников и специалистов для отправки в спецкомандировку в Анголу (тогда она называлась Народная Республика Ангола) в качестве специалиста при офицере наведения **ЗРК С-125**. Надо отметить, что кроме меня в группу входили офицеры разных родов войск и специальностей: лётчики, вертолётчики, артиллеристы, какие-то гражданские специалисты, ну и, естественно, переводчики.

В течение двух недель с нами проводили занятия по истории Анголы, рассказывали о её общественно-политическом устройстве, геополитическом положении в мире. Рассказывали о борьбе за независимость, о португальской революции 1974 г., о существующих там партиях, гражданской войне, которая началась после предоставления независимости Анголе в 1975 г. Медики предупреждали о местных заболеваниях. А напоследок с нами побеседовали в отделе ЦК КПСС, который курировал вопросы, связанные с заграничными командировками. Беседовали со всей группой одновременно. Нового ничего нам, естественно, не сказали, а напомнили о высоком доверии партии и правительства, моральном облике, ну и обо всём, что связано с идеологической подоплёкой такого рода мероприятий. Поэтому в принципе я знал, что еду в страну, где ведутся боевые действия.

Что мною двигало в тот момент? Наверное, то, что я был молод, холост. Интересно было побывать за границей, сменить окружающую обстановку. Естественно, и материальный вопрос не на последнем месте. Ну, где-то, наверное, мною двигал служебный долг, и, может, какие-то патриотические чувства.

25 июня 1986 г. ночным рейсом Аэрофлота «Москва-Луанда» наша группа военных специалистов взяла курс на Анголу с промежуточной посадкой в Будапеште. В общей сложности полёт занял 12–14 часов.

В аэропорту Луанды нас встретил представитель советской военной миссии советников и специалистов в Анголе. Интересно, что при прохождении паспортного контроля и заполнении таможенной декларации в графе «профессия» мы писали « моряк торгового флота». Хотя, наверно, на тот момент местным таможенным службам это было не важно: и так всё ясно, кто мы и зачем сюда приехали.

В советской миссии нас распределили по специальностям, и меня направили в распоряжение старшего советника при командующем ВВС и ПВО. Там я узнал, что буду работать в группе военных специалистов ЗРВ в городке Менонге на юге Анголы, где сформируют ангольскую 24 зенитную ракетную бригаду ПВО с дальнейшим местом дислокации в Куито-Куанавале провинции Квандо-Кубанго (6 военный округ).

Из советских специалистов вновь формируемой бригады я приехал самый первый, и около месяца находился в Луанде. Первые впечатления таковы: когда выходишь из самолёта, сразу вдыхаешь горячий влажный воздух вперемешку со специфическим запахом гниющих водорослей и йода с берега Атлантического океана, запах мусора и свалок, которых по всему городу раскидано предостаточно. Передвигались по городу на автобусах советской военной миссии. Пешие передвижения, а тем более в одиночку, были строго запрещены вплоть до отправки в Союз.

Самое интересное, что при достаточно интенсивном дви-

жении, узких дорогах, отсутствии светофоров (на отдельных круговых перекрёстках стояли полицейские и вручную регулировали автомобильный поток) и правил дорожного движения автомобильных аварий практически не наблюдалось.

Обращало на себя внимание то, что во всём чувствовалось некоторое запустение и неухоженность. Как я уже отмечал, по городу было очень много свалок мусора. По зданиям видно, что раньше, при португальцах, они были ухоженные и красивые. Но годы независимости и бесконечной гражданской войны наложили на всё отпечаток разрухи и уныния. Пару раз довелось искупаться в Атлантическом океане. Для нас специально выделялся пляж длиной 30–50 метров, по краям которого сидели кубинские охранники.

В Луанде я пробыл около месяца, и в августе 1986 г. меня отправили к месту моей постоянной службы – город Менонге, на юг Анголы. Надо отметить, что передвижения по стране осуществлялись воздушным путём нашими военно-транспортными самолётами **Ан-12**, **Ил-76**. Поэтому приходилось летать и на ящиках с боеприпасами, и на бочках с горючим, и на мешках с мукой, с рисом и другим провиантом. Уже непосредственно в Менонге проходило окончательное формирование нашей группы военных специалистов 24 зенитной ракетной бригады ВВС и ПВО вооружённых сил Республики Анголы (FALA/DAA). Основной нашей задачей в то время была встреча зенитно-ракетных дивизионов бригады, оказание помощи при развёртывании их в боевые порядки, проверка работоспособности прибывшей техники, знакомство с нашими ангольскими «подсоветскими». Вся техника перебрасывалась самолётами **Ил-76**, поэтому её приём растянулся на месяц.

Что касается выполнения нами непосредственных обязанностей, то каких-либо инструкций, жёстко регламентирующих нашу деятельность, по сути, не было. Существовали какие-то общие наставления, в которых основными словами были: «обучать», «помогать», «осуществлять», «рекомендовать», «доби-

ваться», «выполнять», иногда «отвечает за...» (вернее, несёт ответственность). Это связано с тем, что технический персонал, т. е. мы, специалисты, занимались практически тем же, чем и в Союзе в своих частях и подразделениях. За исключением того, что в Анголе у нас в подчинении не было личного состава – солдат срочной службы. К тому же при работе на технике есть инструкции по эксплуатации, различного рода наставления и руководства по применению. Поэтому нашими основными обязанностями были:

1. Обслуживание, настройка и ремонт техники;
2. Обеспечение готовности техники к её боевому применению;
3. Обучение ангольских военнослужащих и отработка навыков ведения боевой работы на технике;
4. Обучение грамотной эксплуатации техники и поддержание её в боеготовом состоянии.

Лично я отвечал за обучение и подготовку к боевой работе офицера наведения в составе боевого расчёта. Кроме того, при несении дивизионом боевого дежурства мы обязаны были находиться непосредственно на командном пункте дивизиона (так сказать, для страховки), а во время боевой работы – непосредственно на рабочих местах расчёта дивизиона. С выполнением первых двух пунктов наших обязанностей у нас трудностей не возникало, так как этим занимались непосредственно мы. Выполнение третьего пункта облегчалось тем, что многие ангольские офицеры обучались в Советском Союзе, рядовой состав в основной своей массе проходил обучение в кубинских дивизионах. А что касается последнего пункта, то здесь возникали трудности в основном из-за того, что ангольцы не имели необходимого технического образования и, по большому счёту, были малограмотными.

– **Расскажите подробнее про инструкцию на португальском языке, которую вы разработали для ФАПЛА.**

– Так как у наших подсоветных с образованием было не

очень, а инструкции были написаны только на русском языке, довести до них содержание этих инструкций было сложно. Я сначала просил переводчика – **Дима Герасимов** тогда с нами работал – переведи мне, как это и это называется. А он говорил, что это бесполезно – всё равно вряд ли запомнят.

Я тогда вспомнил, что у нас в Союзе на одну станцию были разработаны так называемые **мнемонические схемы** на уровне обозначений. Переключатель вниз – вверх, потенциометр влево – вправо, ещё какая-нибудь регулировка, «вкл-выкл». И я сам сделал что-то похожее, кое-что по тем схемам вспомнил, другое сам придумал – чтобы подопечным нашим было понятно. Обозначения все указал: тумблер – перевод, вверх – вниз, потенциометр – перевод, прибор, порог измерения – 0,1 вольт, 0,2 вольт, полвольта и так далее. Осциллограф – то же самое, все эти установки. Вот это всё я обозначил, перевёл, и потом написал по-португальски и нарисовал.

Получилась схема: **«Еженедельные регламентные работы»**. Например, **«Проверка питающих напряжений»**. И на уровне рисунка: вольтметр вставить сюда, провод подсоединить туда, стрелка – посмотреть туда, второй стрелкой – повернуть сюда. Вот на таком уровне для них было более понятно. Нажмёшь кнопку – получишь результат.

Ещё в Менонге у нас был старший – **Пахаревский**. Он этой схеме радовался безумно, говорил: сейчас я её в Луанду отвезу, там её отсканируют, размножат. И ведь действительно, отсканировали. Я их, правда, мельком потом видел один раз только.

– **И как, нормально всё работало?**

– Да, отлично получилось, все были довольны, особенно ангольцы. Однако всё равно надо было за ними следить и всё проверять. Потому что как только мы решили, что они уже всё умеют и знают, то доверили им проводить регламентные работы, а сами на дивизион выезжали редко. А потом вдруг раздавался звонок: **«Ассессор² (Советник), проблемы!»** Ладно, при-

² Ассессор (порт.) – советник.

езжаем. В чём проблема? Он отвечает, что и это не так, и то нормально, и вот это не работает. Я ему: неси прибор! Начинаю по схеме спрашивать: а вот это ты подсоединил? А вот это ты включал? Здесь переключил, предел переставил? Короче, после этих их «самостоятельных» регламентных работ начинаешь всё вкручивать обратно. Очень скоро мы поняли, что регламентные работы проводить всё-таки будем сами. Так и проводили. Или вообще не проводили, по принципу – не мешайте технике работать, относись к технике с добротой – и она к тебе будет относиться ещё добрее.

– **Занятия какие-либо проводили с личным составом?**

– Первоначально, пока я эту mnemonicскую схему не разработал, мы им давали просто инструкцию под запись, с переводом на португальский. Однако очень скоро стало понятно, что это бесполезно. После стали делать такие mnemonicские схемы, по моему образцу, и дело более-менее пошло. По схеме они понимали лучше, потому что она построена по принципу «научить обезьяну»: нажимай сюда – будет то-то. Потом смотри сюда – там должно быть столько-то на указателе, накрути, сколько нужно, и так далее.

– **А случались ли по-настоящему отказы в работе техники?**

– Реальных отказов, по сути дела, не было. По-моему, единственная причина перебоев – жара, то есть, как обычно пишут в документах, «причина – неблагоприятные погодные условия». Помню, у нас в Менонге ракета улетела. Молния ударила в пусковую установку во время грозы, кажется, был январь 1987 г., а это в Анголе лето. В один прекрасный день тревога на дивизионе – ракета улетела! Мы не поняли, куда улетела, когда? А перед этим гроза была. Молния ударила в пусковую установку, и ракета ушла! Прилетаем на дивизион и видим: пусковая обгоревшая, ракеты нет. Спрашиваем: куда улетела? Вызвали кубинцев, сапёров, как я понимаю. Они поехали на своей машине, километра за полтора от дивизиона нашли эту ракету, она в во-

ронке лежала. К счастью, не взорвалась. Кубинцы обложили её тротилом и подорвали сами.

Насколько я помню, в Союзе никогда не случалось, чтобы во время грозы пусковая срабатывала. Ни в приказах, ни в рапортах такого не упоминалось.

А как позже выяснилось, случилось это потому, что наши подсоветные забыли расстыковать разъем между пусковой и ракетой. В Союзе на такие случаи был конкретный приказ: во время грозы расстыковывать электрические цепи между пусковой и ракетой. До Анголы такой приказ, очевидно, на тот момент ещё не дошёл. И во время дежурства наших ПВО всё это дело было подстыковано. Потом я им рисовал схемы прохождения сигнала, из-за чего такое могло случиться, докладывали вышестоящему командованию в Луанду. После этого случая по Анголе тоже издали конкретный приказ: расстыковывать разъемы между пусковой и ракетой во время грозы.

В книге **И. Ждаркина** упоминается случай, когда стреляли по самолёту президента Ботсваны, и не сработал захват у ракеты. Это был второй такой случай. А первый произошел в январе-феврале 1988 года. Был налёт на пехотную бригаду **ФАПЛА**. Я в это время в дивизионе отсутствовал, а **Зиновьев** и **Черёмухин** находились на объединённом командном пункте для кубинцев, ангольцев и наших. Тогда был совершен ошибочный пуск по кубинскому **МиГ-23**. А вот когда стреляли по президенту Ботсваны – почему там захват у «**Печоры**» не сработал, не знаю, меня в Анголе уже не было. Скорее всего, потому, что попытались регламентные работы возложить на ангольцев, будто они уже подготовленные, и ангольцы это работы сделали неправильно. У меня такое объяснение.

– **Вопрос, который очень любят задавать и на который дают почему-то самые разные ответы: были ли конкретно с ангольской стороны жалобы на советскую технику, конкретно на «Печору»? Упоминаются ли случаи, когда ангольцы писали жалобы в Луанду, что техника плохая, асес-**

соры не работают как следует, и нашим из Луанды звонили и ругались: почему не работаете? А наши – ни сном, ни духом, что на них пожаловались.

– Лично у меня такого не было. Но я могу это объяснить даже с такой точки зрения. Ангольцы рассуждали так: вы – специалисты, вас наняло наше правительство, так, пожалуйста, обслуживайте технику, а если вы её плохо обслуживаете, так вот вам жалоба наверх.

Но в мою бытность там конкретных жалоб не было. Мне иногда задавали другие глупые вопросы: например, различаются ли поставки техники внутри Союза и на экспорт? То есть, волновались, что мы им сплавляем некачественную технику. Например, внутри станции два индикатора, в Союзе они применялись для совсекретной техники. Естественно, в Анголу такую технику не поставляли, поставляли попроще, но эти индикаторы тоже были, хотя и пустые. И вот они у меня спрашивают: а что это за индикаторы? Начинаешь им сочинять, для чего – аварийные или ещё что-то. А они смотрят – нет, ассессор, что-то ты нам не всё говоришь! Вот такие были моменты.

– Среди ваших подсоветных были яркие личности, которые действительно знали, за что они воюют, хотели что-то делать, хорошо работали? Среди офицеров, сержантов, солдат?

– Среди офицеров у меня были те, кто любил работать руками, рычаги нажимать, крутить штурвал и так далее. Как они по ночам любили танцевать, так и рычаги они любили нажимать. Самой «крутой» должностью у них считалась должность офицера наведения. Это считалось высшим шиком – выше него был только командир дивизиона. Каждый сержант мечтал стать офицером наведения.

Командир бригады, капитан – это же для них вообще были небожители. И мы все – даже я, старший лейтенант, не говоря уже о советнике командира бригады, полковнике – были просто у-ух!

На нашу деятельность влияло ещё и то, что приходилось решать много бытовых проблем для обеспечения элементарных условий существования, начиная от приготовления пищи, доставки воды, выпечки хлеба (этим тоже мы занимались, как ни странно) и тому подобных вещей. Например, построить земляное укрытие (блиндаж) для обеспечения нашей же безопасности при наличии минимума необходимых строительных материалов. Никто кроме нас этим заниматься не будет, как говорится, «спасение утопающих...»

В Анголе у нас сложились очень хорошие взаимоотношения с кубинскими военнослужащими. Они уважали «советско» как лучших друзей Кубы и братьев по оружию. Мы уважали их как лучших «бойцов» с высоким боевым духом, на которых можно положиться в тяжёлую минуту. Собственно говоря, на кубинском контингенте военнослужащих всё в Анголе и держалось. И в том, что Ангола отразила агрессию со стороны ЮАР, решающую роль сыграли кубинские войска.

Так вот, все значимые даты в истории наших стран, начиная со дня революции на Кубе 1 января³ и заканчивая 7 ноября с нашей стороны, мы отмечали вместе. Начиналось всё с торжественных мероприятий по принятому в этих случаях протоколу, а заканчивалось общением в неформальной обстановке со всеми «атрибутами» данных мероприятий. Запомнились и наши спортивные баталии с кубинцами на волейбольной площадке. Кстати, у них в команде присутствовал олимпийский чемпион по волейболу (наверное, с московской олимпиады). Также мы оказывали необходимую техническую помощь и кубинским дивизионам, которые осуществляли необходимую противовоздушную оборону своих войск. Короче говоря, самые тесные, тёплые и дружеские отношения.

Условия жизни в Менонге были более или менее сносные. Нам выделили отдельное одноэтажное здание, правда, без особых удобств (водопровода не было, электричество подавалось

³ Официальное кубинское название – День победы (триумфа) революции.

утром, в обед и вечером, иногда приходилось сидеть без света при свечах). Питались в советской миссии без особых изысков: тушёнка, картошка, макароны, консервы и т. п. Спали под москитными сетками, защищавшими от малярийных комаров. Тем не менее, в нашей группе все переболели малярией. Некоторые по два раза, в том числе и я.

Надо сказать, что самочувствие ужасное: температура под сорок градусов, сильный озноб, сильнейшая диарея, которая заставляет через каждые 3–4 часа в течение суток бегать в туалет. А так как при этом ничего не ешь, а только пьёшь жидкость, то при пустом желудке всего выворачивает наизнанку.

– **Небольшое дополнение о малярии и её профилактикие.**

– Вот что кубинцы советовали делать, чтобы не заболеть малярией или перенести её в легкой форме: ударная доза – четыре таблетки по три раза в день ризохин или что там ещё, не помню, в течение трёх дней. Если печень нормальная – выдержишь, не померёшь (*смеётся*)! Любая малярия погибает, лишь бы не вместе с больным. Кубинцы ставили людей на ноги за кратчайшие сроки: от трёх дней до максимум (!) двух недель.

Что греха таить, из Союза иногда приезжали некоторые военные врачи, прости Господи!.. Он больному должен капельницу поставить, раз пять в вену пытается попасть, и всё никак! Один раз был случай, когда больной вырвал у такого врача иголку, сам нашёл себе вену и сам поставил. Врач его подозрительно спрашивает: «Ты что, ширяешься?» А тот в ответ: «Да куда там, просто мама – врач, научила ещё в детстве». Кажется, такое с **Игорем Ждаркиным** было.

Однако большинство были настоящими профессионалами. В Менонге работал, помню, доктор **Файзуллин**, татарин, так к нему все ходили – и военные, и гражданские, и советские, и местные. Он очень опытный был врач, квалификации широчайшей. Как-то он нам рассказывал: приходит ко мне анголанка, лет двадцати-двадцати пяти, молодая. Говорит: что-то голова

болит. Ну ладно, давай посмотрю, я же врач. Смотрит – а у нее слева в черепе осколок засел, кость прошита! Типичное осколочное ранение. Достал этот осколок, перевязал – и она ушла, очень довольная! Хороший доктор, говорит.

– **Сами сколько раз болели малярией?**

– Два раза.

– **В тяжёлой форме?**

– А что понимать под тяжёлой формой? Лёгкой, вроде, у нас не было.

– **Ну, были люди, которые регулярно проводили профилактику (таблетками), так они малярию практически на ногах переносили.**

– Может быть... Первые ощущения при малярии – это температура, озноб и трясёт всего, понос и рвота. Первый раз я заболел в Менонге, в ноябре 1986 года. Все закончилось хорошо, потому что не попал в сезон дождей. А вот второй раз – в Куито-Куанавале – я заболел как раз в сезон дождей. Было весело: на улице дождь льёт, ты и так встать не можешь, а ещё под дождём в туалет выходить! Ощущение, конечно, не из приятных. А так я не помню, чтобы кто-то из наших на ногах переносил малярию.

Тем более что от этой таблеточной профилактики многие почти сразу отказались. Единственной профилактикой, по сути, оставались «наркомовские сто грамм», когда они были, конечно. Не зря же португальцы с циррозом печени все из Анголы убежали (*смеётся*)!

А если не было, мы сами делали. Брагу, например, ставили, «привет Горбачёву», с перчаткой на банке.

– **Про перчатку можно подробнее.**

– Что, рецепт рассказать (*улыбается*)? Берётся трёхлитровая банка, на три пальца засыпается рисом. Всё это заливается водой, ещё туда кидаются корки чёрного хлеба. Ну, а если были дрожжи – это высший пилотаж. Надевается сверху перчатка – резиновая, медицинская. Ставится под кровать, где всё это на-

чинает бродить. Бродит-бродит-бродит, перчатка начинает надуваться, раскачиваться, как будто кто-то рукой машет – вот это и называлось «привет Горбачёву»! А когда всё перебродило – перчатка падает. Продукт готов к употреблению. Можно было, конечно, ещё через самогонный аппарат перегнуть, только до него обычно не доходило, заканчивалось бачком браги. Как говорил у нас один полковник, не помню фамилии, «если б я когда-нибудь узнал, что, будучи полковником, стану самогонку гнать...» Он был из пехотной бригады.

А вот местную «капороте» мы не пили. Наши как-то пошли в «вёску» местную, к ангольцам, взяли этой «капороте», а один из наших, **Сергей Рымарь**, потом говорит: что-то у меня сомнения насчет неё. А что такое? Оказалось, её несли в полиэтиленовом пакете, а в нем была дырочка, чуть-чуть напитка пролилось, и показалось, что на том месте всё расплавилось! Может, там просто краска облезла, не знаю. Но пить побоялись. Сам я ни разу не пробовал. Хотя другие пили и нахваливали. Виски, было дело, покупали.

Климат в той местности, где я находился, тоже своеобразный. Лето в Южном полушарии начинается с января месяца, что знаменует собой сезон дождей с духотой и обилием комаров. Зима здесь начинается в июне. Это период характеризуется довольно большими перепадами температуры: днём – жарко (+35–40), ночью – холодно, но влажность относительно низкая. А так как на дивизионы выезжали очень рано, да ещё и на открытых наших машинах, холодный воздух пронизывал нас сквозь.

На той южной широте, где мы находились, темнеет рано – в 18.00. Поэтому на дивизионах в целях нашей безопасности находились до пяти часов вечера, чтобы не возвращаться в темноте.

Долгие тёмные вечера мы коротали по-разному. В основном, это «преферанс», «нарды», письма домой, что было единственной отдушиной в тех непростых условиях. Писем мы с не-

терпением ждали при каждом рейсе к нам самолёта из Луанды. Лично я начал изучать португальский язык, чтобы облегчить себе жизнь при общении со своими «подсоветными», так как на нашу группу из восьми человек был только один переводчик (молодой, лет двадцати, младший лейтенант⁴) после годичного обучения в Военном институте, который, в основном, обеспечивал работу старшего нашей группы. А с нами на дивизионах он работал уже по остаточному принципу: когда он есть, когда его нет. Короче говоря, через три месяца я уже мог объясняться с ангольцами на какие-то технические темы, а через шесть месяцев мог общаться с ними уже на бытовом уровне и обходиться без переводчика.

– **Португальский язык как стали изучать?**

– От скуки (*смеётся*)! Во-первых, меня это заинтересовало. Сначала переводчик **Дима Герасимов** провёл с нами занятия. Потом смотрю – в свободное время кто в шеш-беш играет, кто в карты, кто журналы рассматривает всякие... Я от скуки и попросил: **Дима**, дай мне учебник! **Дима** дал. Смотрю: окончания – как у нас, -эш, -аш. Вроде понятно (*улыбается*). Ещё сначала, когда только на дивизион приехали, я брал **Диму** за ворот и пытал – как это называется, как то называется, ангольцы называли, **Дима** переводил, и я всё себе в блокнот записывал. Потом почитал учебник, все спряжения, склонения, окончания, местоимения и прочее. Писать в тетрадке учился печатными буквами, как положено. Потом, когда уже начал что-то сообщать, **Дима** приволок комиксы на португальском и говорит: читай, а что непонятно – будем переводить. Таким вот методом большого первоначального желания и пошёл язык.

– **А начальство приветствовало изучение специалистами португальского или начальству было все равно?**

– Не знаю. Наверное, приветствовало, потому что мы переводчиков от них дёргать переставали. Переводчик ведь работал

⁴ Переводчиками в тот период были **Герасимов Дмитрий**, **Стрельцов Дмитрий**, **Ждаркин Игорь**.

со старшим, чаще всего с советником командира. Это и стало одной из причин, почему я язык начал учить. А то выезжаешь на дивизион без переводчика, и что там делать? Надоело, что старший с утра взял переводчика и умотал к командиру бригады, а вы тут как хотите, так и крутитесь. Да и самому было интересно что-то новое изучить – язык, например.

Вообще говоря, всё, что касается работы военных переводчиков, хорошо показано в сериале по сценарию **Володарского** «Русский перевод», в котором, конечно же, имеется определённый художественный вымысел, но суть схвачена очень верно.

Вот в таком более или менее сносном состоянии мы существовали в Менонге с августа 1986 до марта 1987 года. В марте месяце 1987 г. согласно планам военного руководства нашу группу и 24 бригаду FALA/DAA перебросили на 200 км юго-западнее Менонге, ближе к границе с Намибией: в Куито-Куановале, провинции Квандо-Кубанго. Здесь, начиная с июня 1987 г. и заканчивая августом 1988 года, и развернулись основные боевые действия.

Дело в том, что на июль 1987 г. планировалась войсковая операция по окончательному уничтожению противоборствующих правительству Анголы контрреволюционных группировок **УНИТА**, которые поддерживали регулярные войска ЮАР. В задачи нашей бригады ПВО входило обеспечение противовоздушной обороны войск, участвующих в операции, и прикрытие самого пункта Куито-Куанавале, вернее, его аэродрома, через который осуществлялась доставка грузов воздушным путём для обеспечения войсковой операции.

И опять на новом месте в очередной раз пришлось обустривать свой быт, в ещё более спартанских условиях. Нам выделили домик. Возможно, когда-то при португальцах это был гостевой домик, но годы войны и разрухи взяли своё. На момент нашего вселения там были только двери и окна со стёклами. Короче, водопровода нет, электричества нет. Всё это пришлось обустривать в дальнейшем самим. Для электропитания доста-

ли переносной генератор, а для ёмкости с водой использовали пустой дополнительный бак для топлива от истребителя **МиГ-21**. Все «удобства» на улице. Опять же, самим пришлось рыть себе укрытие от обстрелов. Кстати в дефиците были гвозди и доски, чтобы склотить тот же стол для обеда, поэтому особой популярностью пользовались пустые ящики от различного рода боеприпасов.

Еда, как и раньше, особыми изысками не отличалась. Всё готовилось на основе консервированных продуктов (тушёнка, консервированные овощи, рис, фасоль, хлеб опять же выпекали сами). Надо отдать должное, что при всей этой необустроенности баня в советской миссии **Куито-Куанавале** была превосходной, с небольшим бассейном и вениками из эвкалипта.

Боевые действия со **стороны правительственных войн Анголы на начальном этапе ознаменовались определёнными успехами. Войска начали продвижение на юг. Но в августе 1987 г.** для поддержки группировок **УНИТА** со стороны Намибии выдвинулись регулярные войска ЮАР, в составе которых были наёмники из печально известного 32-го батальона «**Буффало**». В результате боевых действий к началу ноября 1987 г. войска ЮАР продвинулись к Куито-Куанавале, но к 16 ноября были остановлены на подступах к этому населённому пункту. С этого момента началась фактическая осада городка.

Наше положение усугубилось ещё и тем, что начались регулярные обстрелы дальнобойной южноафриканской артиллерии (155 мм гаубицы **G-5** и самоходного артиллерийского орудия **G-6**). Взлётная полоса аэродрома была повреждена, поэтому воздушное сообщение транспортными самолётами прекратилось (изредка прилетали кубинские вертолёты **Ми-8**). Вся доставка материальных средств осуществлялась грузовыми колоннами со стороны Менонге примерно раз в две недели.

24 ноября в результате очередного обстрела наш домик был повреждён, да и в самом городке находиться было опасно. Где-то в конце ноября в результате очередного обстрела погиб со-

ветник 6 ВО полковник **Горб А. И.** (поэтому поводу позднее была заметка в «Красной Звезде»). Ещё раньше в начале боевых действий погиб молодой переводчик в одной из пехотных ангольских бригад⁵.

Каждая ночь проходила в нервном ожидании очередного наступления (штурма Куито). В голове постоянно были одни и те же мысли: «Что делать?», «Куда в случае чего отступить?» и вообще, как жить дальше. К декабрю 1987 г. наша группа, да и другие советники и специалисты 6 ВО, ушли из Куито и перебрались в земляные укрытия, вырытые в саванне на месте расположения одной из ангольских бригад. Таким образом, нам снова пришлось налаживать свой быт – на этот раз в самых что ни на есть экстремальных условиях.

Пришлось менять и позиции дивизионов 24 бригады, которые также подвергались регулярным обстрелам, и выезжать туда приходилось, рискуя каждый раз попасть под артналёт, что и довелось мне пару раз самому испытать. Наверное, хорошо работала войсковая разведка ЮАР, которая отслеживала передвижение советников и специалистов. Так что, в очередной раз приезжая на дивизион и начиная какие-то регламентные работы, мы попадали под артиллерийский обстрел.

Новый 1988 г. мы встречали не в самом лучшем настроении, с тяжкими думами о том, что с нами будет дальше и с тоской по Союзу. Новый Год встречали при свечах и два раза – сначала по московскому, а потом по местному времени.

В такой нервной и опасной обстановке мы просуществовали до марта месяца 1988 года. К этому моменту к боевым действиям на стороне правительственных войск Анголы подключился кубинский контингент. К Куито-Куанавале выдвинулись

⁵ Полковник **Горб Андрей Иванович** погиб 27 ноября 1987 г. в Куито-Куанавале. Переводчик – младший лейтенант **Снитко Олег Николаевич** – погиб (умер от ран) 26 сентября 1987 г., будучи на операции под Куито-Куанавале в составе 21-й бригады. (Ждаркин И.А. «Такого не было даже в Афгане». Воспоминания участника войны в Анголе (1986–1988 гг.). – М.: Memories, 2008. – С. 15, 68.

кубинские войска. Я помню, с каким облегчением мы встречали первую кубинскую бригаду, которая пришла к нам на помощь. Мы чувствовали, что обстановка вокруг Куито-Куанавале меняется в лучшую сторону. Потихоньку начала налаживаться связь с «Большой Землёй»; правда, транспортные самолёты пока не летали, в основном работали вертолёты.

В конце марта 1988 г. к нам пришла радостная весть, если можно так назвать. Указом **Фиделя Кастро** была учреждена медаль за оборону Куито-Куанавале «**Героическим защитникам Куито-Куанавале**». Все советники и специалисты (порядка сорока человек), которые принимали участие в боях, были награждены этой медалью. В том числе и наша группа. Как положено, медаль была «обмыта» – правда, в кубинском рюмле, что подняло наш моральный и боевой дух.

К апрелю месяцу я уже знал, что убываю в Союз в 20-х числах июня, и последние месяцы нахождения в Куито-Куанавале были заняты только мыслями о скорейшем возвращении домой. На душе пусто, ничего не интересовало, работа больше не отвлекала, с нетерпением ждал прибытия замены, которая всё не ехала. Наверное, сказались напряжение и стресс последних пяти месяцев. Тем не менее, мой «дембель» был неизбежен, «как мировая революция». В середине июня кубинскими вертолётами меня перебросили в Менонге, а через пару дней я уже был в Луанде.

Помню забавный случай. Уезжали из Анголы в июне 1988 г., и тогда шёл чемпионат мира по футболу в Италии. У нас оставались последние дни в Луанде. Собралась компания: переводчиков двое-трое, специалисты. Делать особо нечего. А ходить по Луанде было запрещено – в одиночку, пешком, а тем более после шести. Но мы жили не в центральной миссии, а в ПВОшном доме, «Глобо», кажется, назывался. Сидели как-то, выпили уже достаточно, всё уже до лампочки. Думаем: куда пойдём? Вечер на дворе. Один говорит: я знаю тут один бар, можно футбол посмотреть. И мы все ломанулись в этот бар по

ночной Луанде. Не помню, были ли там телевизоры – кажется, были. Мне запомнилась певица **Сабрина**, которая пела между матчами, время заполняла. Мы заказали что-то себе – переводчики виски пили, мы пиво втихаря попробовали местного, в общем, отдохнули по-человечески. Это был поступок из разряда «вы меня Родиной не пугайте!», как в знаменитом фильме, всё уже было безразлично. Была такая поговорка: «дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут».

24 июня 1988 г. ночным рейсом «Луанда–Москва» на **Бонинг-707** ангольских авиалиний (у них почему-то фирменная эмблема – петух на хвосте самолёта) я вылетел в Москву и 25 июня благополучно приземлился в аэропорту Шереметьево.

Возвращался буднично, без каких-либо торжеств и звуков фанфар, без официальных провожаний и встреч. В Москве в «десятке» мне сказали, что пока будут готовиться мои документы, перечисляться деньги, заработанные в Анголе, у меня есть 3–4 дня. Поэтому в тот же день, не раздумывая, я уехал в Минск повидать родных, близких, показаться, что жив и здоров.

Пребывание в Анголе какого-либо влияния на мою дальнейшую судьбу не оказало. Слава Богу, вернулся живым и сохранил здоровье. Правда, лет через 10–15 начали сниться сны, что я в очередной раз направляюсь в командировку в Анголу.

После Анголы я вернулся на старое место службы – в Эстонию, где и прослужил до марта 1992 года. В 1992 г., когда начался «парад суверенитетов» и из Эстонии стали выводить группировку войск Советской Армии, я перебрался в Минск. Последним местом службы на протяжении почти 11 лет до увольнения в запас в 2006 г. было Минское суворовское училище и должность офицера-воспитателя. После увольнения в запас работаю инженером в филиале «Междугородняя связь РУП Белтелеком».

Имею статус воина-интернационалиста с полагающимися льготами. Как я уже говорил, награждён медалью Республики

Куба «За героическую оборону Куито-Куанавале» и медалью СССР «За боевые заслуги».

Так как у меня удостоверение о льготах, которое в то время обычно выдавалось афганцам, меня, собственно говоря, к ним и причисляли, не зная подробностей. А потом с удивлением узнали, что я был не в Афгане, а в Анголе. Тем не менее, 15 февраля я отмечаю в кругу «афганцев».

Каких-либо воспоминаний я не писал и интервью не давал. Это, по сути, моё первое воспоминание за последние 22 года.

P. S.

1. Когда летел в отпуск в августе 1987 г. через Париж, меня впечатлил торговый центр в аэропорту. Блестящие сверкающие витрины, во всём чувствуется достаток, богатство, изобилие.

По сравнению с нашей тогдашней действительностью и дефицитом – небо и земля. Только сейчас к нам нечто похожее приходит в торговых центрах типа «Экспобел» с опозданием почти на четверть века.

2. Когда летел обратно из отпуска в октябре через Рим, я обратил внимание на большое количество вооружённых полицейских в аэропорту, внимательно прощупывавших всех взглядом на «террористическую принадлежность». По-моему, тогда в Западной Европе прошёл ряд терактов «красных бригад» или «басков». Так что вопросы антитеррора для Европы были актуальны уже в то время, а мы опять с опозданием в 20 лет только к этому приходим.

3. Уже в Союзе, прослужив пару лет, особенно в первое время, заметил такую особенность: у определённой части обывательски настроенного гражданского населения, да и у некоторых военных, кому судьба не дала шанс побывать за границей, сложилось мнение, что мы туда ехали только чтобы заработать валюту, закупить себе шмоток и аппаратуры. Возможно, для тех, кто служил в западной и центральной группе войск того периода (Германия, Венгрия), Чехословакия), это так и было. Некоторые думали, что мы в Анголе два года ходили «в шортах

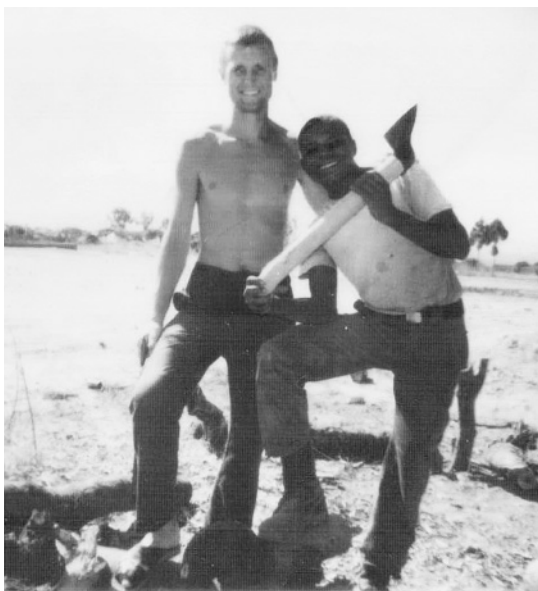
и пробковом шлеме», по вечерам сидели на террасе виллы, пили пиво и любовались закатом солнца над Атлантическим океаном или огнями ночного города. Наверное, у особо избранных так и получалось.

Но поверьте, были и те, кто действительно приезжал туда исполнять интернациональный долг, оказывать помощь, выполнять свои профессиональные обязанности. Я пересекался с теми (особенно это касалось вертолётчиков и лётчиков транспортной авиации, десантников), которые, побывав в Афганистане, продолжали свою деятельность в Анголе, Мозамбике или Эфиопии. Короче, из одной «горячей» точки попадали в другую.

Поэтому, резюмируя всё сказанное, хочу отметить, что для большинства из нас, побывавших в Анголе и других «горячих точках», это были сложные командировки, связанные с непродолжительной, а порой и опасной работой в условиях специфического климата, с риском подорвать своё здоровье экзотическими болезнями или погибнуть «неизвестным героем» в далёкой жаркой стране.

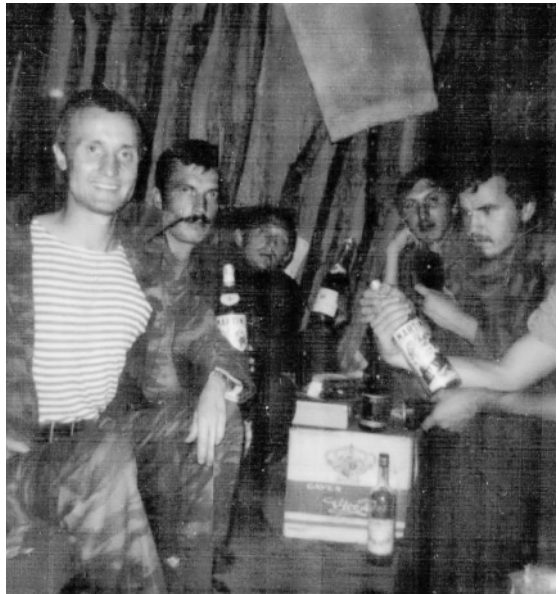
У полуразрушенного
артобстрелом дома.
Куито. 1987 г.

С поваренком.
Куито 1987 г.

На захваченном
южноафриканском
танке **Олифант**.
Куито. 1987 г.

Землянка.
Празднование 9 мая
1988 г. Куито.

За рулем
УАЗ-452

Дом
повреждённый
артобстрелом в
Куито-Кунавале

Повреждённый
артобстрелом
дом. Декабрь
1987 г. Куито
Куанавале

Группа советских военных советников и специалистов.
Менонге. 1986 г.

Разбитые и разобранные вертолеты. 1988 г. январь

Землянка
в Куито-
Куанавале.
1988 г. январь

С кубинской
медалью за
героическую
оборону. Куито-
Куанавале. 1988 г.
Новый год

Кубинцы. Ром. **Морозов.**
Менонге. 1987 г.

Куито. 1987 г.

После попадания 155 мм артиллерийского южноафриканского снаряда. Куито-Куанавале. 1986 г.

Куито. 18.07.1987

СЕРГИЕНКО Геннадий Иванович,

ПОДПОЛКОВНИК ЗАПАСА

*Запись из писем Геннадия Сергиенко собрана
Александрой Тимоновой 26–28 мая 2010 г.*

Я, **СЕРГИЕНКО Геннадий Иванович**, 06.04.1956 года рождения. Окончил Ярославское высшее зенитно-ракетное училище войск ПВО в 1980 году, службу проходил в Краснознаменном Среднеазиатском Военном Округе (штаб г. Алма-Ата), в 12 отдельной армии ПВО (штаб г. Ташкент), войсковая часть 97632 (штаб г. Фрунзе) в должностях: начальник расчёта, начальник отделения боевого управления, заместитель начальника штаба зенитно-ракетного дивизиона.

В мае 1986 г. предложили командировку в страну с сухим жарким климатом – преподавателем средств связи в школу младших специалистов ориентировочно в Ливию (Триполи), вместе с семьёй. Пройдя медицинскую комиссию, прибыл в Москву, где в отделе кадров войск ПВО узнал, что Ливия стала Анголой. О чём я, кстати, ни капли не жалею. Ведь только в Анголе осознал долг и чувство своей нужности – как офицер и как специалист.

– **Как вы добирались до места назначения?**

– Добирались бортом **Ил-62** по маршруту Москва–Будапешт–Луанда.

В августе 1986 г. я приехал в Народную Республику Ангола, в г. Луанда. Естественно, без семьи, но с обещаниями скорого прибытия. Впрочем, когда писали завещание «в случае моей смерти...», понял, что семьи не будет, но это всё случилось позже. Всех нас переодели в одинаковую военную форму (кубин-

ский – северокорейский камуфляж), проинструктировали и отправили в 6-й военный (воюющий) округ (г. Менонге).

– **Можете назвать точные сроки вашей командировки?**

– Точно вспомнить уже не могу. Дата прибытия: 3–6 августа 1986 г. На момент отправки я был в звании капитана. Дата убытия: 15 июля 1988 года.

– **Каковы ваши впечатления конкретно от Луанды?**

– Город своеобразен и по-своему красив, с очень большой историей. После того, как ушли португалы, он пришёл в упадок. Но всё равно был очень красив и уютен. Я уверен: очень скоро восстановится и будет ещё прекрасней.

Наша группа прибыла туда в августе 1986 г. для обеспечения операции «2-й съезд МПЛА – Партии Труда» и операции по освобождению юга Анголы. Основной замысел: овладение городами Жамба и Мавинга. После инструктажа сели на **Ил-76** и отправились в Менонге, в 6 военный округ, где собралась вся наша группа в количестве 16 человек. Зенитно-ракетной бригадой ФАЛА/ДАА (ВВС/ПВО) командовал капитан **Нарцисс Фаштудо**, дислоцировалась она в Менонге. Нам предстояло развернуть бригаду и подготовить расчёты. Кроме того, необходимо было подготовить бригаду к заступлению на боевое дежурство. А потом – к дальнейшей передислокации в **Куито-Куанавале**. Выполнение этих задач доверили нам.

Прошу извинить за отдельные погрешности и неточность в некоторых фамилиях, но попытаюсь назвать всех своих ребят. Наш старший группы – полковник **Пахаревский Анатолий Павлович**, специалист при командире дивизиона **Черёмухин Валерий**, специалист по «старту» **Осадчук Юрий**, специалист при командире технического дивизиона **Ерохин Павел**, «главный дизелист» **Мелешко Виктор** – отличный парень и друг, и специалисты по системам **Мороз Александр**, **Морозов Сергей**, **Автомонов Валерий**, «аккордеонист» **Сибиркин Фёдор**, переводчик **Дима**¹.

¹ Предположительно **Стрельцов** или **Герасимов**.

– **Ваши первые впечатления от Африки, от Анголы?**

– Душно, грязно и обалденный запах океана, которого я никогда в жизни не видел. Если бы судьба дала шанс – сейчас смотрел совсем по-другому, с исторической точки зрения. Ведь вернувшись, я прочитал много исторической и географической литературы, и только позже мог сравнить то, что я видел и как я это всё воспринимал. Дома, откуда торговали рабами, подземные выходы для рабов для посадки на корабли, места стоянок пиратов, места выхода португальских миссионеров на берега «Нгаланиа» – ведь именно так называлась Ангола, Народная Республика Ангола, старинные кладбища португальцев и знатных анголан, старинные костёлы, обычаи и нравы.

– **Расскажите, пожалуйста, про первый бой, в котором вам довелось участвовать.**

– Прямых боевых соприкосновений с противником у нас не было, как специалисты противовоздушной обороны мы имели совсем другие задачи. Но за нами закреплялись места по боевому применению в случае нападения на город. Запомнилось нападение группировки УНИТА на город **Менонге** – это редчайший случай, т.к. в городе стояли кубинские войска, а **унитовцы** кубинцев страшно боялись. Бой был скоротечный, и мы толком не поняли, что произошло, но вообще было страшно.

Случались и мелкие боевые столкновения, но в основном всё происходило между городами Менонге и Куито-Куанавале. Там бывало всякое: и нападения на колонны с продовольствием, и уничтожение колонн с топливом и боеприпасами. Сопровождение осуществляли ангольские подразделения. Удаляясь от города Менонге, мы слышали взрывы.

Боевая техника в Менонге доставлялась авиацией (нашими **Ил-76**). Там же шла подготовка боевых расчётов и отправка на фронт в район Куито-Куанавале. Мы готовили свою технику – зенитно-ракетный комплекс «**Печора**» – к отправке на фронт.

Поддержка осуществлялась следующим образом: на «**КраЗах**» (**КрАЗ-255Б**) снимались борта и устанавливались **37-мм**

пушки (ЗА) (Б1К), и уже оттуда вёлся огонь по противнику (поддержки танков и авиации не было). Свою колонну мы довели без потерь, но с завышением времени, т.к. по заминированной дороге идти приходилось пешком. Первыми шли сапёры со штырями и прокалывали грунт в тех местах, где не было асфальта – в поисках мин. За ними шли «стукачи», которые простукивали асфальт на пустоту, потому что **унитовцы** туда закладывался пластид и устанавливали взрыватель – могло пройти много техники, но как только дойдёт до взрывателя...

– **Первые ваши впечатления от смены обстановки – Менонге, Куито-Куанавале.**

– В Менонге, как я уже говорил, прибыли в августе 1986 г. самолётом «Ил-76». Понравилась своеобразная посадка: по винту с быстрым снижением, особенно если сидишь в кабине штурмана и боишься выдавить нижнее «стекло».

Кстати, о лётчиках экипажей «Ил-76», «Ан-12» и «Андозы» – большое им спасибо, они действительно мастера своего дела, здорово нам помогли словом и делом. Чего стоят их салюты в честь Великого октября и Нового года самоуводящими ловушками и ракетницами! И ещё это было сигналом о том, что на борту почта – пора ехать на аэродром. Если кто прочтёт из вас, товарищи лётчики, мою писанину, то хочу вам сказать огромное спасибо, многих помню, но время стирает всё из памяти.

Встретили нас хорошо. Конечно, впечатлений много, и первое – воздух не тот, что в Луанде, нет духоты и комаров, не видно никаких следов войны, хотя военных хватало.

В Куито было круче! В первый день нас сразу научили маскироваться, т.к. не ощущая войны, мы сели поужинать и включили свет слишком ярко. И тут же получили пару снарядов!

Обстрелы по площади осуществлялись практически каждую ночь, с периодичностью в два часа (это время, необходимое в джунглях, чтобы сходить за очередной партией снарядов, на которых написано «Град-1П. Сделано в СССР»). Огонь по

нам также вели из прицепных **БМ-12 «Катюш»** китайского производства². А утром приходили корректировщики (в основном это были калеки и юродивые) и оценивали результаты стрельбы, т.е. всё готовилось к захвату города.

В один из таких дней, когда нашим артиллеристам надоело недосыпать и недоедать, решили немного сами подстеречь и наказать. И наказали! Я в это время бегал на утреннюю пробежку (война – войной, а жить охота), всё это летело практически надо мной, затем некоторое время спали спокойно. Но всё повторялось на протяжении долгих дней.

Случались и безвозвратные потери боевой техники. В один из обстрелов снаряд попал в окоп, где стояли две транспортно-заряжающие машины (**ТЗМ**). Произошел взрыв, техника была выведена из строя.

Однажды в сезон дождей и гроз (это тоже невиданное и завораживающее зрелище) молния ударила в районе зенитно-ракетного дивизиона. Получилась электростатическая наводка, сработали пиропатроны на ракетах, и две ракеты³ улетели с пусковой установки.

О боевых действиях «пехоты» и авиации написано много. Но о боевом опыте применения зенитно-ракетного комплекса **С-125 «Печора»** вообще не упоминается, даже в выступлении многоуважаемого генерала **Беляева**. Вроде как там этого комплекса и нас, специалистов по обслуживанию, не было вовсе. Но ведь, может быть, благодаря этой зенитно-ракетной бригаде **«унитовцы»** при поддержке юаровцев не смогли наносить авиационные удары по Менонге, а впоследствии и по Куито-Куанавале.

В Менонге, между прочим, оставалась кубинская бригада, в подготовке расчётов которой принимали участие наши ребята. «Кубаши» в Куито-Куанавале идти не могли. При несении

² Китайская копия прицепной 12-ти ствольной советской РСЗО **БМ-12** под названием **Тип 63**. (Прим. ред.-сост.)

³ По сведениям **Морозова** – одна ракета.

боевого дежурства на экранах радиолокационных станций неоднократно наблюдались полёты неопознанных целей, не отвечающих на запрос «я – свой самолёт»⁴, но в зону поражения комплекса они не входили⁵ (лётчики опытные: знали тактико-технические характеристики комплекса).

О передислокации бригады и выходе из окружения в районе Куито-Куанавале говорили, что опыт, приобретённый в тех условиях, должен войти отдельной страницей в историю зенитно-ракетных войск, но, обучаясь в академии, я этой страницы не нашёл. Во всех случаях бригада ощутимых потерь не понесла. В этом заслуга этих ребят-кубинцев. Верю, что у них всё хорошо, и время позволит нам встретиться ещё раз.

Вообще, работать было интересно. Техника и вооружение зенитно-ракетного комплекса С-125 «Печора» для зенитно-ракетной бригады ФАПА/ДАА была доставлена в район Менонге в июне-июле 1986 г., где уже находилась аналогичная бригада РВС Кубы и несла боевое дежурство по охране аэродрома и непосредственно города.

– Снабжали ли вас какими-либо должностными инструкциями и отличались ли от прописанного там ваши реальные обязанности? Чем приходилось заниматься на месте?

– Всё было совсем не так, как рассказывали и инструктировали. После командировки складывалось впечатление, что мало кто из них сам имел понятие об Анголе. Единственное, в ЦК КПСС нам напомнили об «облико морале» и что мы коммунисты. Всё остальное – как у сапёров: методом проб и ошибок и с помощью товарищей, которые там находятся дольше.

Обязанности были следующие: 1) подготовка боевых расчётов ЗРК «С-125 ПЕЧОРА М2» и отправка на фронт район

⁴ «Свой-чужой».

⁵ Боевые самолёты ВВС ЮАР не подлетали ближе, чем на 30 км к позициям С-125, зная, что боевой радиус ракет составлял 25 км. (Прим. ред.-сост.).

Куито-Куанавале («Ангольский Сталинград»); 2) развёртывание в новом позиционном районе, подготовка к несению боевого дежурства, заступление на боевое дежурство, поддержание техники в боеготовом состоянии, подготовка и обучение расчётов, первые обстрелы и бомбёжки, первые бессонные ночи.

– **Потери случались?**

– Потерь конкретно в нашей группе специалистов ПВО не было, а вообще были две потери безвозвратные.

– **Как проходило ваше участие в обучении, переподготовке местных военнослужащих? С кубинцами тоже приходилось заниматься или они были подготовлены на нашей технике?**

– Войска противовоздушной обороны Кубы на вооружении у себя на родине имели в то время в основном ЗРК С-75 «Волга», а вопросы перевооружения и переподготовки на С-125 «Печора» решались непосредственно при нашем участии. Среди кубинцев сильных специалистов в области знания этого комплекса не было. В отличие от анголан, которые проходили подготовку в учебном центре Янгаджа. Некоторые ангольские офицеры закончили Одесское ЗРУ, некоторые были даже с высшим академическим образованием – Калининская академия войск ПВО.

Учились все с желанием, что анголане, что кубинцы – интерес был спортивный: кто лучше! Воспользовавшись этим, мы устраивали состязания стартовых расчётов, расчётов по боевому слаживанию. Опыт, приобретённый мною в подготовке кубинских и ангольских офицеров, пригодился непосредственно в Советском Союзе, на разных должностях.

– **Какое было отношение к советской боевой технике у ангольских военных?**

– За техникой уход был исключительным. Достаточно сказать, что ходить в кабинах боевого управления в обуви разрешалось только нам, советским специалистам («советико асесорам»).

Порой складывались смешные, а порой и совсем не смешные ситуации. К смешным. По инструкции технику нужно было натирать («лавар» – мыть) соляжкой, что из-за большой влажности приводило к гниению материальной части. Сколько ни говорили, сколько ни просили не пользоваться соляжкой – всё «по нулям», потому что в Янгадже их так учили (без учёта климатических особенностей).

А вот из совсем не смешного. Однажды перед боевыми стрельбами все регулировки на всей технике выставили либо вертикально, либо горизонтально, а утром уже составлены два «КрАЗа», развешены флаги и портреты президентов, пора стрелять. Мужикам пришлось постараться: регламент проводить «по экрану наведения».

Занятия в первые дни проходили с трудом. Основной проблемой было наше слабое знание языка. И ещё: трудно было различать не то что поимённо, трудно было даже отличить анголан от кубинцев, потому что большинство кубинцев были чернокожими! Но это, впрочем, на первой неделе. Затем научились различать не только по дивизионам, но и по именам, фамилиям, лицам – началось сотрудничество.

Удивляла тяга анголан к языкам, и их желание и способность в освоении русского языка. Достаточно было один раз назвать и показать (только правильно, без наших словозаменителей), и завтра он уже сам всё правильно показывает и называет. Но не более одной проверки в боевых параметрах, если две и более – будь готов к выезду по устранению неисправности. Сначала при постановке задач, коверкая нашу русскую речь с португальским языком, попадали в казусные ситуации, типа: «надо» (русс.) – «*nada*» (порт. – ничего, не нужно); «пресизу» (порт.) – «надо» (русс.).

Радовала уверенная работа планшетистов, операторов ручного сопровождения, операторов РЛС, стартовых расчётов.

Опыт и навыки приобретались специалистами с трудом, и когда мы видели положительные результаты, то гордились

этим. Старались их всячески поддерживать: привезли из Советского Союза кучу значков и «награждали» анголан за достигнутые результаты.

После завершения обучения и подготовки бригады к заступлению на боевое дежурство были организованы боевые стрельбы, которые показали хорошие результаты: два пуска по (осветительной) авиабомбе САБ – два подрыва по цели. И это всё на глазах не только у населения и командования, но и на глазах УНИТЫ, и южноафриканских лётчиков – это был для них наглядный пример, а для нас показатель, что время там мы проводили не зря.

Так зенитно-ракетная бригада ФАПА/ДАА заступила на боевое дежурство по охране и обороне воздушных рубежей 6 Военного округа в районе Менонге. Начался новый период подготовки к передислокации нашей бригады в район Куито-Куанавале, т.к. операция «II съезд МПЛА – Партия Труда» только начиналась, а наша авиация с аэродрома Менонге Жамбу и Мавингу не доставала.

– Расскажите об условиях вашей повседневной жизни, быта.

– Жили в отведённом для нас доме, который мы сами себе и ремонтировали, и обеспечивали всем необходимым. Коттеджик наш находился на берегу реки Менонге. Река быстрая и чистая, а главное – тёплая, т.е. проблем со стиркой и мытьём у нас не было, воду для своих нужд мы брали из неё.

Внутреннее оборудование нашего коттеджа, который мы нарекли «Кванза», состояло из трёх этажей. На первом склады продовольственные – не наши. Далее два этажа наши, это пять комнат. Приезжаем – кроватей нет, столов нет, в общем – пусто. Свалили всё в кучу, накачали свои надувные матрасы, так и спали в первую ночь.

Далее пошли будни. Ждётся, когда отстреляется «Град» (БМ-21) или стотридцатимиллиметровые (М-46), чтобы за-

брать тару за «рэбусаду» – конфетки⁶. Или отработают «мигари», тогда идём за бомбовой тарой, и начинается стройка: строили шкафы, скамейки и столы. Так и жили. Потом получили кровати, матрацы, постельное бельё.

Электричество было своё, от дизелей. До решения этого вопроса жили со свечками – романтика, конечно, но некоторые ребята купили магнитофоны, и для них необходимо питание. Для этого приспособили аккумуляторы. Встал вопрос с полярностью подключения магнитофона к аккумулятору: чтобы не попутать полярность, ставили диоды на отрицательную клемму.

Так вот, однажды один товарищ попутал диод с детонатором от «Осы»⁷. Взрыв произошёл, когда мы были на ужине и просмотре фильма «ТАСС уполномочен заявить» в миссии. Мы – на машину и домой. Что мы видим: «гварда» (охрана) разбежалась, побросав оружие, в доме кровь, **Витькин** автомат валяется, и его самого нет нигде, мысли не самые радостные. Повезло – повредил только руку. Зашивал наш медик, **Файзуллин Файзула Файзулаевич** – дай Бог ему здоровья, на живую, т.е. без наркоза. На следующий день приказ по «Кванзе»: трофейное оружие сдать. А его у нас к тому времени было очень много разного, кроме пистолетов и револьверов.

Воду приходилось кипятить подолгу, чтобы не было никакой заразы. Кубинцы пользовались таблеткой для очистки воды и употребляли её в сыром виде, а у нас таких таблеток не было. Стирала бельё, как нижнее, так и постельное, и форму свою сами, хотя можно было решить вопрос и с местными, за «парфюм», но боязно – «облико морале», замполито. Тоже приколов хватало (то перекрасится, то порвётся). Установили связи с местным населением, в общем, жизнь наладилась.

Когда мы уезжали из Москвы, нас проинструктировали, что с собой надо везти. Выходило так, что мы едем на необи-

⁶ Обмен стреляных артиллерийских гильз у ангольских расчётов на кармелки.

⁷ **ОСА-АК** – мобильная колёсная ракетная система ПВО.

таемый остров. Мы набрали с собой всё и даже более: от горелок «Шмель» до концентратов супов и каш, но нам ни каши, ни супы не понадобились. И мы решили наше «богатство» обменять на галеты, шоколад и сок у начальника склада, который находился под нами. Пригласив его в гости, приготовили одно блюдо – ему оно понравилось, и обмен состоялся. Как готовить, ему объяснили тоже, но так как знание языка не позволяло ещё сделать это грамотно, то объяснять пришлось на пальцах и знаками: «грандэ копу, муйту фриу агуа» (большой стакан, очень горячая вода) и так далее. Но сделал он всё наоборот: он съел концентрат и выпил воды, ну а дальше всё понятно – процесс обмена оказался под вопросом и чуть было не сорвался.

Вещи и питание привозили из Луанды, куда поставлялись кораблями «СовИспано»⁸. Привели «Кванзу» в порядок, отремонтировали сантехнику, но долго там жить не пришлось...

Страшной проблемой была для нас малярия, лично я болел ею пять раз. И опять-таки помогали кубинцы: у них был ризохин и хлорохин, а у нас только бесполезный делагил.

– **Раскройте тему отношений с кубинцами подробнее.**

– Это были друзья, о которых можно только мечтать. Мы для них были «советико», и этим было всё сказано. Делились всем. Если была какая проблема – один ответ: «Фидель»⁹ сказал, будет сделано». Это надо вспоминать отдельно и долго.

– **Имеете ли вы сами статус воина-интернационалиста?**

– Да, и это тоже довольно длинная история, но я этого добился и доказал свою правоту (другого выхода не было). Награды идут диппочтой, надеюсь, скоро будут.

– **Расскажите, как возвращались на Родину.**

– Домой возвращался через Рим в Москву. Возвращение было проблемным и трудным. Почему? Никому не нужен, и все

⁸ Совместная советско-испанская фирма, поставлявшая продовольствие и товары в советские посольства и миссии в Африку в обмен на поставки нефти из СССР по фиксированному ценам.

⁹ Фидель Кастро.

чего-то бояться, ни места службы – как обещали, что служить буду в европейской части страны, ни квартиры, ни денег, ни здоровья. Всё пустая болтовня: о необходимости, об огромном боевом опыте, так необходимом моей стране. Если бы не жена, депутат Верховного Совета Киргизской ССР, ещё труднее было бы определиться, так и гнил бы в степях Казахстана. Да и вообще, если бы не поддержка жены, был бы полнейший крах – только благодаря **Екатерине Васильевне** всё сложилось удачно. Всё приходилось начинать сначала, бороться, доказывать: делать дивизион отличным, завоевать поступление в академию. Факт моего участия в боевых действиях на дальнейшей службе практически никак не отразился.

Дальнейший путь мой выглядел так: сначала начальник штаба зенитно-ракетного дивизиона, потом командир зенитно-ракетного дивизиона. Позже – Военно-командная академия войск ПВО (г. Тверь, РФ), заместитель командира полка (г. Орша), старший офицер отдела ПВО 28 армейского корпуса, Западного оперативного командования (г. Гродно). В 2002 г. демобилизовался в звании подполковника.

Сейчас тружусь инженером электросвязи ПСДТУ РУП «Гродноэнерго». Занимаюсь общественной работой по пропаганде патриотического движения: выступаю в школах, военных частях. Рассказываю, что интернациональное движение – это не только Афганистан (перед нашими ребятами я преклоняю колени за мужество и героизм), а также Ангола, Мозамбик, Сирия, Ливия, Ливан, Корея, Вьетнам, Ирак, Иран. И офицеры войск ПВО тоже принимали участие в боевых действиях, и неизвестно, если суммировать, кого и где было больше. День памяти не должен быть днём памяти только афганцев, он должен быть днём памяти всех воинов, принимавших участие в боевых действиях на территориях других государств.

Из интересного вспоминаются такие эпизоды.

В сезон дождей к нам пожаловали термиты. Нежданные гости шли в дом строем шириной сантиметров пять и по длине до

бесконечности, и нет спасения! Что мы только не пробовали: и жгли, и перекапывали, и заливали яму водой, но они упорно пёрли в дом и наглым образом жрали нашу мебель.

Для работы выделили нам две машины, на которых мы передвигались. Обслуживали и ремонтировали их сами, водили тоже по графику сами, пришлось на права сдавать (у меня они даже сохранились).

Питались мы в военной миссии, где жили наши советники с семьями. Повара-анголане готовили нам примитивно, но относительно сытно, в основном консервы, иногда рыба свежая. Там же была у нас и баня с бассейном, так что традиция субботнего дня у нас не нарушалась. В Анголе я видел разные конструкции бань. В Куито-Куанавале баня была военная: парная изготовлена из сопла ракеты, титаны под воду – из такелажной тары ракет, бассейн – из цистерны, взорванной по дороге на Куито. Одно неудобно: рёбра жёсткости внутри, можно пораниться.

Ещё один случай из нашей жизни. Со слов рассказчика – специалиста по автомобильной технике. Поздний вечер, после пяти, т.е. с рабочих мест уже все убыли. Его забыли на аэродроме, и он, естественно, принимает решение идти пешком. Кто был в Менонге, знает, что пройти надо порядка трёх километров до блокпоста и ещё метров восемьсот. Так вот, не доходя метров пятисот до поста, видит: стоит «ГАЗ-66» с поднятой кабиной, и в ней какие-то люди ковыряются в двигателе. Наш парень им помог завести и сказал, чтобы завтра они подъехали на аэродром, где он им поможет отремонтировать машину, сославшись, что ему надо быть дома, т.к. в районе, где есть **УНИТА**, ему находиться нежелательно. Старший отвернул воротник – на обратной стороне пришит символ петуха¹⁰!

Наш, конечно, испугался, но они его успокоили, попросили отремонтировать машину, а затем доставили его домой, успеш-

¹⁰ «Чёрный Петух» – символ **УНИТА** и прозвище **Жонаса Савимби**, вождя **УНИТА**.

но преодолев блокпост: знали все позывные по радиостанции и пароли. Так что не такие уж они и кровожадные к нашим специалистам были. Наш парень успешно вернулся. Правда, шок был.

Хлеб в Куито-Куанавале пекли сами, это было самое весёлое, т.к. на первых порах никто не имел понятия, как это делается. Представьте себе: 16 мужиков (офицеров к тому же) учились готовить себе еду и печь хлеб по очереди! Хлеб необходимо было печь на целую неделю. В общем, к вечеру, когда хлеб испечён и готов к употреблению, у тебя уже нет желания его есть, т.к. спина не гнётся, руки как крюки, да и на второй день ты всё ещё никакой.

Г.И. Сергиенко

Баягин Сергей Петрович,
военный переводчик,
лейтенант запаса¹

В 1979 г. я окончил Минский государственный педагогический институт иностранных языков по специальности «учитель испанского и английского языков». Полтора года проработал в сельской школе.

Летом 1980 г. меня вызвали на медкомиссию и собеседование в Гродненский облвоенкомат, потом в Главное управление кадров МО в Москве. Там сообщили, что пошлют на Кубу в качестве военного переводчика. Нужно сказать, что у нас в институте была военная кафедра, и я имел звание лейтенанта запаса. В конце декабря меня вызвали в Москву, и когда выяснилось, что я холост, переориентировали на Анголу, объяснив, что португальский и испанский языки родственны и особых проблем не будет.

До командировки португальского языка я не знал. Перед отлётом успел купить русско-португальский и португальско-русский словарь общеупотребительных слов. Осваивал язык на месте.

Перед отлётом нам прочитали несколько лекций о стране и её вооружённых силах, потом был инструктаж в КГБ о противодействии иностранной вербовке. Нам выдали заграничные паспорта. В моём паспорте фамилия и имя были написаны по-французски².

¹ Воспоминания написаны **С.П. Баягиным** собственноручно, составлены из писем **А.В. Кузнецовой-Тимоновой** в августе-сентябре 2010 года.

² Так было во всех советских паспортах.

Наша группа летела самолётом «Аэрофлота», рейсом Москва–Браззавиль–Луанда. Одеты были в гражданку иностранного производства.

Новый 1981 г. мы встретили в Луанде. В начале января меня направили на попутном военном транспортном самолёте **Ан-12** в провинцию Южная Лунда в её центральный городок Саурино (бывший Энрики ди Карвалью) в создаваемую школу специалистов по **РТО** (радиотехническому обслуживанию полётов самолётов).

Школа располагалась на территории бывшей португальской авиабазы. Самолёты на ней уже не базировались. Изредка, если позволяла обстановка, залетал самолёт местной авиалинии, военный вертолёт или транспортник.

Света и воды на базе не было. Воду привозили. Наша аппаратура работала на автономных бензиновых генераторах. Так как и в городке часто бывали перебои с электричеством, один из генераторов мы поставили у себя во двореке.

Наши специалисты встретили меня хорошо. Вместе со мной нас было восемь человек: шесть преподавателей и два переводчика. Через пару недель я уже достаточно сносно мог говорить по-португальски. Ангольских курсантов в школу набирали из тех, кто умел читать и писать.

С военной терминологией было сложнее. Отношение к нам, в зависимости от знания языка, было разное. Кто-то смеялся, кто-то благожелательно поправлял, а кто-то не упускал случая поиздеваться.

В мои обязанности входил перевод во время занятий в школе и при решении бытовых вопросов.

Под жильё нам выделили два одноэтажных домика, по четыре комнаты в каждом. Постельное бельё и посуду привозили с собой. Пить можно было только кипячёную воду. Для мытья в душе установили старые автомобильные баки.

Ходили сначала в наших офицерских зелёных рубашках с укороченным рукавом и брюках с выпоротым кантом. Потом

нам выдали повседневную ангольскую офицерскую форму, состоящую из голубоватой рубашки с коротким рукавом, светло-зелёных брюк и синего берета. Выдали и камуфляж. Вооружены были автоматом **АКМ** и пистолетом **ПМ** и **ТТ**. Личное оружие выдавалось только тем переводчикам, которые, по мнению начальства, направлялись в опасные районы. Добывали оружие сами. У меня был «**Вальтер**», подаренный кубинцем.

Нам полагался продуктовый паёк офицера ангольской армии. Получали его на складе базы, поэтому было то густо, то пусто. С подвозом было плохо. Готовили или сами на газовой плитке, или ходили в столовую ангольских офицеров.

На гарнизон обычно рис или фасоль, суп фасолевый. Рыба главным образом из консервов, чаще – тунец, мясо – тушёнка. Иногда нам перепадали свежее мясо и рыба. Их добывали сами, если позволяла обстановка. Охотой добывали антилопу, дикую козу, а рыбу ловили в реке Чикапа.

Дело в том, что основные боевые действия велись на юге, вдоль границы с Намибией, а по остальной территории ходили банды **УНИТА**. Поэтому между их наскоками можно было ходить даже в местный кинотеатр.

Тяжело было с фруктами и овощами. За ними выбирались в окрестные деревни и производили бартер (прямой товарообмен) на мыло и консервы. Без разведки не совались. Чаще вперёд посылали меня как знающего язык.

Военные-анголане относились к нам в основном дружески. Гражданские – или равнодушно, или нахально, когда хотели что-то с нас поиметь. Причём деревенские были лучше городских. Мы и часовых для нашей охраны старались подбирать из солдат, призванных из деревни. Охраняли нас два человека.

На территории авиабазы разместили машины с радарными и прочим оборудованием. Готовили сержантов РТО для системы ПВО/ВВС Анголы.

Хорошие отношения сложились и с командиром авиабазы. Он был почти светлым. Потом на смену ему прислали друго-

го, типичного негра. Мы заметили, что сами анголане с подозрительностью и некоторой враждебностью относятся к более светлым полукровкам. Слово «негр» у них не в ходу, предпочитают «смуглый».

Помню анекдот из жизни: в музее Вооружённых сил Анголы увидел гранату оборонительную **Ф-1** (известную «**лимонку**») с надписью «наступательная».

Ангольская армия особой боеспособностью не отличалась. Основная тяжесть борьбы с агрессорами и **УНИТА** лежала на кубинском воинском контингенте. Отношения с кубинцами были братскими. Мы совместно отмечали наши общие праздники, они помогали нам продовольствием и сигаретами, а мы в трудную минуту добывали им боеприпасы.

Наша задача состояла в обучении ангольской армии. Оружие применяли только для защиты.

Хотя ангольцы «списали» свой Устав с советского, я был свидетелем физических издевательств их сержантов над солдатами. «Воспитывали» бамбуковыми палками. Призывников держали на полугодном пайке – горсть риса или фасоли в день. У нас в школе начался бунт. Солдаты обратились ко мне за помощью. Мы поговорили с начальством базы: паёк был увеличен, обошлось без жертв. После этого солдатики старались лишний раз со мной поздороваться и всячески выказывали свое уважение.

Вообще фамилии, имена и звания у нас особо не афишировали. Ходили без погон и знаков различия. Многих называли по именам, даже не зная, подлинные ли они. Из тех, с кем я был в Сауримо, помню имена кадровых офицеров: **Александр Белов, Иван Петрович Агарок, Виктор Ершов.**

В августе-сентябре шесть человек из нас восьмью улетели в отпуск. И в это же время началась вторая агрессия ЮАР с территории Намибии на южную провинцию Анголы Кунене. Был захвачен её главный город Онджива. Погибли три наших военных советника, одного взяли в плен. Погибли и их жёны. Пере-

водчику удалось вырваться из окружения. Сплотив вокруг себя группу отступающих ангольских солдат, он прошёл свыше 50 км и вышел к своим. Был награждён медалью «**За отвагу**», но напрочь лишился здоровья.

Не обо всех потерях нам сообщали. Знаю ещё о гибели переводчика **Жени Ревина**, также выпускника МГПИИЯ. **Ан-12** был сбит ракетой из ПЗРК во время захода на посадку. Погибли все – советские советники, ангольцы, переводчик.

С началом агрессии ЮАР у нас на базе вывели из строя радиостанцию. Связаться со столицей и получить какие-либо инструкции не могли. Новости узнавали только по приёмнику.

Рассчитывать можно было только на себя и на кубинцев. До сих пор провинция наша считалась довольно спокойным местом. Крупных воинских соединений вблизи не было. На 300 ангольских новобранцев положиться было нельзя. В это время я в стычке с пятью **унитовцами** (местными жителями, сторонниками **УНИТА**) на улице получил черепно-мозговую травму. Квалифицированной помощи не было, отлежался дома.

Обстановка в городке тоже изменилась. На стенах появились проунитовские лозунги, на улицах – подозрительные люди. Некоторые чиновники стали саботировать наши обращения, натравливали толпу на нас, отказывали в хлебе.

Тогда же, осенью 1981 г, однажды нас чуть не задавили на улице. Мы с товарищем ставили машину у тротуара: внезапно какой-то грузовик «запер» нас слева, а грузовик, который стоял впереди нас, стал резко сдавать назад. Мы чудом успели резко вывернуть на тротуар и по нему вырвались из ловушки, на полной скорости отъехали оттуда.³

К декабрю 1981 г. кубинцы нанесли поражение южноафриканским агрессорам, и обстановка стабилизировалась. Наши шестеро вернулись из отпуска, а я Новый год встретил уже в Лиде. Уехал в отпуск в конце ноября – вернулся через сорок

³ В 1981 г. Сауримо был на время захвачен **УНИТА**. (Прим. ред.-сост.).

пять дней, в январе 1982 года. После отпуска меня оставили служить в Луанде. Работал в такой же школе **РТО**.

Холостяки жили в военной миссии, в одно-двухэтажных домиках. Женатые – преимущественно в городе. На второй год службы в столицу могла прилететь и жена. Был свой клуб, столовая, магазин. Обслуга – анголане. Охрана – кубинцы.

Белорусов у нас было много. Переводчиками в моё время работали около двадцати выпускников **Минского князя**. Встречал и сокурсников. Помню имена **Евгения Ревина** (который погиб в транспортном самолёте), **Юрия Чуприна**, **Шлыка** и **Глинского** (к сожалению, не помню имен последних).

Летом 1982 г. начались сильные головные боли из-за травмы. Лежал в военном госпитале г. Луанда. Потом самолётом «Аэрофлота» прилетел в Москву. Был помещён в госпиталь им. Бурденко. В октябре 1982 г. служба в СА закончилась. Таким образом, я находился в Анголе с 23 декабря 1980 по 1 июня 1982 гг.

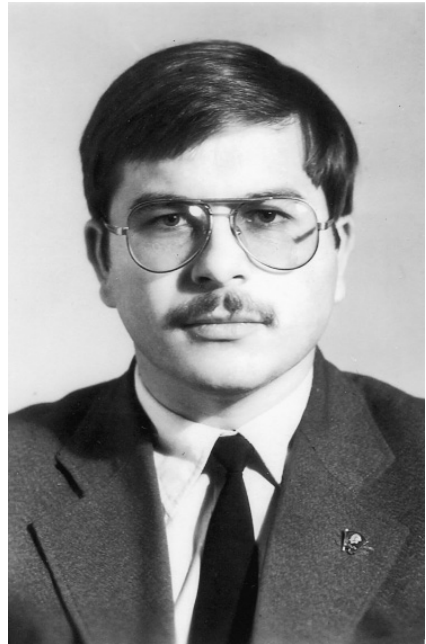
После Анголы работал в г. Лида инженером на заводе, учительствовал. Часто лежал в больнице. В 1996 г. был призван инвалидом II группы, так как с 1982 г. по 2–3 раза лежал в больнице из-за травмы.

В настоящее время проживаю в г. Лида.

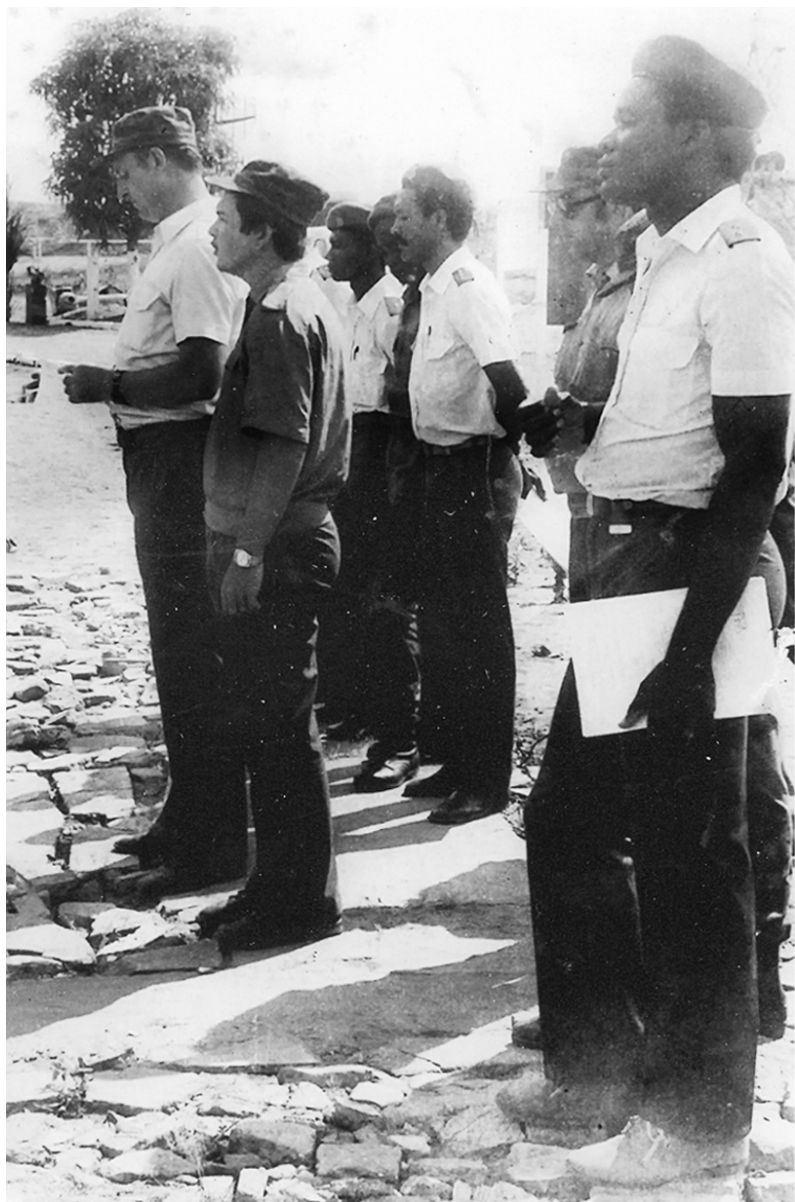
Женат, имею взрослую дочь. Не работаю. Наград не имею.

**Баягин Сергей
Анатольевич**

**Баягин Сергей
Анатольевич**
в Анголе

Наконечный Иван Степанович, Полковник в отставке ¹

Ангола (май 1982 г. – июнь 1984 г.).

Часть 1.

30 апреля 1982 года в назначенное время мы были в Шереметьево-2. Быстро прошли таможенный и пограничный контроль. Вылет **Ил-62** Аэрофлота на Луанду произошел точно по расписанию. Первую посадку совершили в Будапеште. Через 40–50 минут снова взлёт. Летели ночью. За разговором с **Володей Забродским** ночь прошла быстро. Отвлекались только на сообщения стюардессы. Отчётливо помню объявление о том, что летим над экватором. Все кто мог, посмотрели в иллюминатор в надежде увидеть эту «условную линию». Но кроме ночного неба мы ничего там не увидели. Не было никаких свидетельств, удостоверений и тем более «горячительных напитков» по случаю пересечения экватора... После первого полёта над экватором были полеты в 1983 и в 1984 годах, и ни разу подобного я не встречал. Всё, что мне запомнилось в полёте, – это восход солнца и синее-синее небо, без единого облачка.

Володя Забродский оказался интересным собеседником. Конечно, вспомнили службу в Германии, учёбу в военных академиях. Оказалось, что и он готовился в Афганистан, причём у него была реальная возможность туда не попасть. До акаде-

¹ Из письма **Н.С. Наконечного** по электронной почте **Г.В. Шубину** от 28 ноября 2010 г.

мии **Володя** служил адъютантом у одного генерала (фамилию и должность я помню, но по соображением этики называть не буду), высокопоставленного руководителя ГСВГ (Группы советских войск в Германии). Генерал жил в Москве, тем более **Володя** проходил службу в Московском военном округе. Набери номер телефона – и вопрос был бы решён положительно, однако он не стал этого делать. По этому поводу можно только выразить восхищение и уважение. Итак, только события в Анголе изменили и мой, и его вектор командировки.

Во время ночного полёта и разговора с соседом мыслями я был рядом со своей семьёй. Я волновался, потому что жене и сыну предстояло около двух месяцев жить в военном городке. Каким будет к ним отношение со стороны офицеров и особенно их жён? Ведь за два года службы всякое было: кто-то был наказан, кого-то ругал за упущения. Тревогу испытывал ещё и потому, что им предстоял переезд в Казань к месту проживания родителей **Наташи**. Более того, за 10 лет совместной жизни (женился я на **Наташе** в 1972 г. сразу же после окончания танкового училища) мы привыкли быть вместе, совместно решать вопросы по переезду к новому месту службы, по обустройству квартиры. **Наташа** за этот период стала хозяйкой и привыкла к самостоятельности. Зная её независимость, я беспокоился, не возникнут ли проблемы в родительском доме.

Только через два-три месяца из её писем я узнал, что мои волнения были напрасны. Сослуживцы очень хорошо отнеслись к моей семье, особенно жены офицеров и прапорщиков, находившихся в Афганистане. Дружеские отношения в этот период сложились у **Наташи** с женой командира полка **Таней Кулешиной**. На многие годы у них завязалась переписка и телефонные переговоры. Родители к приезду дочери и внука отнеслись с пониманием и на весь период моей командировки создали им самые благоприятные условия, за что я им очень признателен.

Утром 1 мая **Ил-62** совершил вторую посадку в аэропорту Браззавиль. Выйдя из самолёта, все сразу же почувствовали аф-

риканский климат – жару и влажный воздух. Пока заправляли топливом самолёт, мы около часа находились в зале ожидания. Уже через 10–15 минут стали искать питьевую воду, но и она нас не спасала. Еле дождались момента, когда нас пригласили в самолёт.

Взлетели, взяв курс на Луанду. При наборе высоты обратил внимание на цвет земли, она была почти красного цвета, а по периметру аэродрома валялись обломки самолётов неизвестных мне типов и десятки единиц неисправной автомобильной техники. Летели над океаном, примерно через 2–2,5 часа приземлились в аэропорту. Необходимые процедуры – контроль и проверка, как мне показалось, прошли быстро. Нас уже встречали. Получив багаж, отправились на автомобиле в миссию. Интересно было – невысокие здания, построенные по европейскому образцу, по своей архитектуре не походили друг на друга. Почти все мужчины, встречавшиеся на пути были в камуфляжной форме, женщины несли на голове что-то объёмное и тяжёлое, а маленькие дети – до ужаса сопливые и грязные, с большими животиками.

Разместились мы с **Володей Забродским** в одной комнате, там стояли две кровати и несколько стульев. Приняв душ, стали знакомиться с расположением миссии. Только вышли из комнаты, оборудованной кондиционером, как снова оказались в тёплом и влажном воздухе. Узнали, где находилась столовая и стали на учёт, питаться-то необходимо. Затем сели на скамейку, подходы к которой были усыпаны цветами выходящей розы. И каждый раз, когда я позже бывал в Луанде, это было для меня самым любимым местом отдыха.

2 мая мне, как и другим прибывшим советникам и специалистам, выдали **фапловскую** форму. До обеда свозили нас на пляж, купались впервые в жизни в волнах океана высотой около метра. Впечатление тоже незабываемое.

3 мая **Володя** улетел в 6 ВО (военный округ), а я – на Лубанго в 5 ВО. Память подводит в некоторых деталях, напри-

мер, на каком типе самолёта летел, не вспомню, но точно могу сказать, что рейс выполнялся с целью переброски небольшого подразделения кубинцев в Лубанго, и экипаж состоял из наших лётчиков. В грузовом отсеке самолёта разместились около 50 солдат и несколько младших офицеров, а в гермоотсеке – радист-переводчик, я и ещё один советник.

Приземлились в Лубанго. Ещё не остановились винты, как открылась дверь, и первым по лестнице спустился радист-переводчик, затем я и другой советник. Неподалёку стояли несколько наших товарищей, все они были в камуфляжной форме, без знаков различия. Судя по восторженной встрече прилетевшего радиста-переводчика, кто-то из них был переводчиком миссии. Подошли к ним, представились, оказалось, что нас не ждали. И это понятно, рейс был незапланированным. Насколько я помню, радисты ГВС (главного военного советника) на связь с округами выходили только утром и вечером после 16 часов. По этим причинам они никак не могли сообщить старшему группы СВС 5 ВО о нашем прибытии. Тем не менее, они любезно согласились нас подвезти в миссию. Когда въехали в город, снова обратил внимание на дома, не похожие друг на друга. Город был красив, несмотря на то, что по пути движения видел «картонные домики», грязь возле них и бегущих детей, ничем не отличающихся от луандских. И главное сравнение – воздух Лубанго разительно отличался от столичного: он был чище, чувствовалось лёгкое дуновение ветра и никакой влажности, дышалось легко и свободно.

Миссия 5 ВО, насколько я помню, располагалась в центре города в четырёхэтажном здании. Встретили меня дежурный по миссии, а затем советник начальника политотдела 5 ВО полковник **Лейба**. Старшего группы полковника **В. Иванова** по какой-то причине не было. С ним знакомство состоялось несколько позже. Беседа с полковником **Лейбой** длилась недолго, после чего дежурный по миссии отвёл меня в располагавшееся во дворе одноэтажное здание, служившее общежитием. Все со-

ветники и специалисты 5 ВО проживали в одно-трёх комнатных квартирах основного четырёхэтажного здания, многие с жёнами. Пока шёл в так называемое общежитие, обратил внимание на находившиеся под масксетями (маскировочными сетями) радиостанции **Р-118** и, если не ошибаюсь, **Р-405**.

В одноэтажном здании было несколько комнат, умывальник и туалет. В комнатах находилось по несколько кроватей и стульев. Условия для проживания в комнатах были терпимыми, несмотря на то, что туалет постоянно забивался мусором. Не знаю, кого благодарить, но, кажется, с конца 1982 г. нас стали размещать бесплатно в «Гранд отеле» и кормить в ресторане (кафе), подавая на ужин бокал пива.

Во второй половине дня 3 мая был приглашен к полковнику **В. Иванову**. Состоялся обстоятельный разговор. Внимательно выслушав краткий доклад о прохождении службы, он довёл до меня в общих чертах обстановку в полосе действий войск 5 ВО и предстоящую задачу 3 пехотной бригады. Характеристику советникам бригады не дал, только отметил, что старший группы через месяц уезжает по замене в Союз. В этой связи активных действий он принимать не будет. Посоветовал с положением дел в бригаде и в группе разобраться на месте. Никакими картами и схемами **В. Иванов** не пользовался, их просто не было, что не укладывалось в тот момент в моё академическое представление о доведении обстановки и постановки задачи в условиях ведения военных действий без соответствующих боевых документов.

Завершая наш разговор, **В. Иванов** обозначил, с какими трудностями мне придётся поначалу столкнуться: первая из них заключалась в очень медленном и безынициативном выполнении должностных обязанностей подсоветной стороной, вторая – в общении с подсоветными на португальском языке. Для преодоления первой трудности необходимо чётко довести обязанности начальника штаба бригады и практически заставлять их выполнять. Для преодоления второй трудности ничего

другого не нужно, как выучить минимум 500 военных терминов, что позволит на первых порах и с помощью жестов общаться с подсоветными.

Хочу отметить, что часовая беседа с полковником **В. Ивановым** имела более важное практическое значение, нежели те встречи в «десятке», на которых офицеры-операторы доводили до нас оперативные сводки на всей территории Анголы. Я ясно представлял себе обстановку и свои функции как советника начальника штаба пехотной бригады.

Полковником **В. Ивановым** мой выезд в бригаду не был чётко обозначен; дата отъезда зависела от того, кто в ближайшее время из бригады будет находиться в миссии. Такая неопределённость меня не порадовала, хотелось уже быть в бригаде и заниматься своими делами. Однако мне повезло, на следующий день 4 мая из бригады для решения каких-то вопросов прибыл вездеход **УАЗ-469** с тремя нашими товарищами. Познакомились. Ими оказались советник командира батальона подполковник **Николай Тищенко**, специалист по ремонту АТТ прапорщик **Юрий** (фамилию не помню) и переводчик (спасибо **Олегу Шашенкову** за подсказку) **Юрий Мосензов**. Настроенные у всех хорошее, особенно у меня, потому что наконец-то буду в бригаде и займусь настоящим делом.

Общение с ребятами было недолгим, но искренним и радужным. Посоветовали взять с собой только необходимые вещи и подготовиться к отъезду. Сели втроём в машину и уехали в штаб округа. По их совету я пересмотрел привезённые с собой вещи, упаковал в чемодан, положил в него две бутылки «Столичной», банку селёдки и полбуханки чёрного хлеба. Один чемодан брал с собой, а второй куда деть? Выручил дежурный по миссии, забрав чемодан в свою квартиру. В тот день дежурил советник начальника артиллерии округа полковник **Михаил Александрович Тернопольский**, очень душевный человек. В Лубанго он находился без семьи, поэтому предложил мне остановиться у него в случае моего приезда из бригады. Пред-

ложение я принял с большим удовольствием и действительно, находясь в 3 бригаде и приезжая в Лубанго, останавливался у него.

Оглядываясь назад, задаёшься вопросом: кому нужны были плащи, береты, шляпы и всё остальное из гражданской одежды, что было выдано в Москве перед отъездом? Второй чемодан с подобными вещами затем только следовал со мной по Анголе, создавая неудобства. Неужели нельзя было в «десятке» подсказать нам, что брать с собой из вещей, а от чего отказаться? Только слышали «берите, берите с собой всё – костюм пригодится для приёмов по случаю праздников или встреч, а куртка или плащ – в холодное время суток». Я ехал в бригаду советником начальника штаба, неужели тот же кадровик **Юрий Васильевич С.** об этом не знал – не до приёмов там будет и не до вечерних прогулок. Конечно, знал, более того: в тот период бригады уже снабжались и тёплыми куртками, и свитерами.

80 километров до бригады – это не расстояние для Анголы. Выехав из миссии, через два часа остановились в населённом пункте Рио-де-Арея, состоявшего из нескольких домов. В одном из них располагались советники бригады. По пути движения обратил внимание на очень хорошее качество дорожного покрытия, а на отдельных участках вместо асфальта были «земляные заплатки» – следы от разорвавшихся южноафриканских авиабомб, а справа и слева – остовы сгоревших автомобилей **Урал-375** и **Газ-66**. Какие ощущения я испытывал при виде всего этого? Описать уже не смогу, столько времени прошло с тех пор. Но сказать, что никаких – будет лукавством. Я же человек, и возникавшие чувства и мысли при виде подобного в тот момент и в дальнейшем, когда уже непосредственно пришлось увидеть южноафриканские самолёты, слышать разрывы авиабомб и **НУРСов**, были созвучны чувствам и мыслям многих наших советников и специалистов – сохранить жизнь себе и своим товарищам, стойко переносить тяготы и лишения, добросовестно выполнять возложенные обязанности.

В 3-й пехотной бригаде (май – ноябрь 1982 года).

По истечении стольких лет трудно вспомнить все события, их хронологическую последовательность и детализацию. Но, несмотря на это, могу сказать следующее: в 3-й пехотной бригаде состоялось моё становление как советника бригадного звена, в этой бригаде я получил колоссальный опыт взаимоотношений в небольшой группе советников и специалистов в специфических условиях службы.

К 7–8 мая 1982 г. подразделения бригады заняли оборону в районе Шианже. В подготовительный период (сколько он занимал, не знаю) моё участие никак не проявилось. Меня привезли в Рио-де-Арею, разместили в домике, который занимала наша группа, и в последующие сутки-двое бездействовал: большинство советников группы находились со своими подразделениями, а я что-то читал, пытался разговаривать с помощью жестов с охраной, а в основном лежал на металлической кровати и где только не был мыслями.

8 мая меня перевезли из домика в лес, и в ночь на 9 мая я уже спал в палатке. В тот же вечер меня познакомили с моим подсоветным начальником штаба бригады капитаном **Колюфитом**. Нас было четверо: советник командира бригады **Андрей** (фамилию не помню), советник начальника тыла бригады **Николай Иванович Гуцалюк**, я и переводчик **Юра Мосензов**. Мои первые впечатления от нашего знакомства с подсоветным были благоприятными: возраста его уже не помню, но был он подтянут, выше среднего роста, худощав и, самое главное, что не укладывалось в моё представление, так как до этого я уже видел лица местного населения – темнокожий, но черты лица европейского типа.

Беседовали оживлённо и долго. Меня интересовали многие вопросы, в том числе боевой путь бригады. Разошлись под утро. Не успели уснуть, как около 7 часов утра возглас часового: «Воздух!». Что делать, куда бежать – непонятно. Так я и

остался сидеть на кровати, в палатке, а через некоторое время услышал два взрыва. Как впоследствии оказалось, юаровская авиация нанесла воздушный удар по кубинской РЛС, расположенной на горе вблизи Чивембе. Так, 9 мая, в день своего рождения, впервые будучи в Анголе, я услышал реальные разрывы авиабомб.

Во второй половине дня все, кто ещё оставался в лесу, переехали в Шианже. В основном это были тыловые подразделения. За ужином старший группы представил меня, состоялось мое «вливание» в группу: по 100 грамм «Столичной», на закуску по кусочку селёдки. Чёрного хлеба уже не было.

С первых же дней пребывания в группе я с особой симпатией отнёсся к **Юре Максиму**, **Николаю Тищенко** и **Виктору Никоненко**. Не могу сейчас точно определить, что повлияло на такое отношение: наверное, их опыт (а прибыли они в Анголу в 1981 году) и самое главное, их человеческие качества. И, как впоследствии оказалось, **Виктор**, **Юра** и **Николай** действительно поддержали меня словом и делом в моей советнической деятельности.

Работа советника начальника штаба бригады, наверное, особенно не отличалась от той, какую выполняли многие мои коллеги по пехотным бригадам. Зная моего подсоветного, товарищи по группе предупредили, чтобы я не ждал от него каких-либо решительных, инициативных действий и просто добросовестного выполнения функциональных обязанностей. Как начальник штаба бригады он ничего не будет делать, даже если знает, что делать. Много будешь исполнять сам, предупредили меня.

По истечении некоторого времени я в этом убедился, ребята оказались правы. Начштаба очень хорошо принимал рекомендации, советы (например, по составлению боевых документов в подразделения и в штабе бригады), однако ничего не делал и не требовал от своих подчиненных их практической реализации. Даже организация и ведение войсковой разведки в зоне ответственности бригады впоследствии легла на наши плечи.

Прошёл месяц, может, больше. Прибыл другой советник командира бригады – **Пётр Иванович Маркин**. Я познакомил его с подразделениями бригады, так как к этому времени уже разобрался во многих вопросах и владел обстановкой. **Пётр Иванович** работал со своим подсоветным, я – с начальником штаба. Прошла неделя, вторая, и как-то вечером у нас со старшим группы состоялся душевный и деловой разговор: поделились друг с другом с нашими тревогами и опасениями – ведь бригада находилась в обороне около двух месяцев. Проанализировали, что было сделано к этому времени по инженерному оборудованию участка обороны бригады, по подразделениям, созданию системы огня, боевому обеспечению и т.д. Картина оказалась ужасающей. Что делать, как решать проблемы? В итоге мы пришли к выводу, что только непосредственное и активное участие наших советников и специалистов в решении этих проблем может изменить ситуацию и, возможно, окажет положительное влияние на подсоветных.

Старший группы **Пётр Маркин** взял на себя батальон, находившийся на направлении сосредоточения основных усилий бригады. Советником командира батальона был **Николай Тищенко**. Мне было поручено ещё раз проверить связь бригады на КП, с подразделениями бригады, организовать разведку хотя бы в батальонах, а также оказать практическую помощь батальону, советником которого был **Юра Максимов**.

Значительно лучше многие вопросы решались в артиллерийских подразделениях. У них уже к этому времени были оборудованы не только основные огневые позиции, но и временные, и ложные. Однако не были пристреляны участки сосредоточенных огней и не оформлены боевые документы. Этим занялся советник начальника артиллерии бригады **Антон Хеленович Паклонс**.

Работа закипела. Как сейчас помню: **Пётр Иванович** с расчётами **ПКМ** и **РПГ-7** принял непосредственное участие в инженерном оборудовании окопов и их маскировке, а затем

составлении карточек огня; **Николай Тищенко** со своим подсоветным перетаскивал камни-валуны для оборудования КНП батальона, составлял карточки огня, схемы взводных и ротных опорных пунктов.

В батальоне **Юрия Максимова** для рытья траншей была использована **БТМ-3**. Правда, она часто выходила из строя, но, тем не менее, более двух километров траншей было вырыто этой машиной. Оставалось вручную выкопать окопы для стрельбы и замаскировать их. Из-за условий местности мы с **Юрой** очень долго не могли определить позицию взвода **АГС-17**. В конечном итоге, для более эффективного использования **АГС-17** взвод разместили на возвышенности, в промежутке ротных опорных пунктов и несколько впереди (200–300 м) от переднего края. В результате – великолепный обзор, сектор ведения огня, возможность использования **АГС-17** на максимальных дальностях и ведение кругового обстрела. Гранатомётный взвод с учётом этого обстоятельства прикрывался пехотным отделением.

Занимаясь этими вопросами, мы проводили и различные тренировки: от отделения (расчёта) до роты (батареи) включительно. Каждый солдат знал свою задачу. Командиры взводов, рот и даже командиры батальонов увидели реальные результаты нашей работы и уже по-другому воспринимали наши рекомендации, выполняя их, чего нельзя сказать о командире и начальнике штаба бригады. Они появлялись в батальонах во время проведения пристрелки участков сосредоточенных огней, что естественно, нас уже немного радовало.

Когда боевые документы в батальонах и у артиллеристов были готовы, я попросил оставить их мне. На этой основе через 2–3 дня была готова схема участка обороны бригады со всеми условными обозначениями, на которой (а использовалась обратная сторона карты) указано было почти всё, что давало представление о каждом взводном опорном пункте. Схему составили в двух экземплярах, и один из них, переведённый на порту-

гальский язык переводчиком **Юрием Мосензовым**, передали командиру бригады.

Это был успех в нашей деятельности, хоть и небольшой. Каждый советник группы понимал – предстоит сделать ещё очень и очень многое, но главное уже сделано: оборона бригады создана, боевые документы существовали. В одном мы уверены не были: выстоит ли бригада в случае наступления южно-африканских войск? Предстояла сложная и кропотливая работа по решению этого вопроса.

Едва закончились основные мероприятия по построению участка обороны, как бригаду посетил главный военный советник (ГВС) генерал **Курочкин К.Я.** Его визит (второй по счёту) к нам не был неожиданным.

Первый же визит ГВС произошел в июне 1982 года. По прибытию в Анголу **К.Я. Курочкин** стал объезжать военные округа, по возможности посещая бригады. Распоряжение о месте и времени встречи поступило накануне по радиостанции (наверное, **Р-123**), установленной на **БрДМ-2**. Для её проверки и налаживания связи с округом приезжали специалисты по средствам связи во главе с уважаемым **Борисом Максимчуком**. Уже стёрлись из памяти многие события этого визита. Конечно, волновались, готовились, приводили себя в порядок. Однако место встречи четко помню – Чивембе, откуда, кстати, хорошо просматривался кубинский пост РЛС.

По возвращению из 2-й мотопехотной бригады (Каама) на окраине населённого пункта и состоялся краткий доклад старшего группы **Петра Маркина**. Генерала интересовал, как мне представляется, главный вопрос после событий 1981 года – моральное и боевое состояние наших советников и специалистов. Встреча получилась короткой (не более 15–20 минут), что диктовалось сложной воздушной обстановкой. На этой встрече говорил в основном ГВС, нацеливая нас на выполнение боевой задачи, пообещав через месяц прибыть в бригаду для более тщательного изучения обстановки на направлении действий

бригады. Тогда мы и услышали мы от него ответ на волнующий очень многих советников и специалистов вопрос: что делать в случае пленения противником. Может быть, не дословно, но ответ был такой: «У вас есть пистолет и патроны в нём. Другого варианта не должно быть». **Пётр Иванович** сказал, что с патронами к **ПМ** большая проблема. **Маркин** не лукавил: действительно, у каждого из нас было по 5–8 патронов из 16 к пистолету (**Макарова**). Мы даже не могли хотя бы один раз в месяц практиковаться в стрельбе из **ПМ**, берегли патроны. Поэтому у каждого советника был ещё автомат с неограниченным количеством боеприпасов к нему. Нехватка пистолетных патронов очень удивила генерала, и он распорядился в срочном порядке обеспечить всех ими.

Отмечу, что после того как ГВС с группой офицеров уехал, через 20–30 минут появилась юаровская авиация, скорее всего, с целью проведения воздушной разведки.

Примерно через месяц ГВС с группой советников из Луанды в бригаде. Нашу группу представлял **Пётр Маркин**. Ознакомившись с расположением группы, **Курочкин К.Я.** сказал, что начнёт знакомство с КП бригады. Командный пункт хоть и был хорошо оборудован в инженерном отношении, но его состояние не укладывалось в представление о КП, соответствующее по удобствам и комфорту нашим союзным требованиям. Безусловно, как советник начальника штаба бригады я волновался, какой будет реакция со стороны генерала.

Прибыли на КП бригады. ГВС встречал командир бригады капитан **Бен ду Пову** (это псевдоним, а настоящей фамилии никто из наших советников не знал). Генерал **Курочкин К.Я.** поинтересовался у комбрига местом расположения углублённого командного пункта. Показав рукой в сторону, где тот располагался и откуда был слышен шум двигателя, обеспечивавшего работу радиостанции **Р-118**, **Бен ду Пову** предложил ГВС расположиться под ветвистым деревом. Там заранее была установлена палатка с поднятыми со всех сторон бортами.

Углублённый командный пункт и **Р-118** были замаскированы так, что в 30–40 метрах их контуры едва улавливались. Полагаю, это и явилось причиной того, что генерал сразу же принял предложение комбрига и расположился в палатке. Присев на табурет за столом и пригласив шесть комбрига, ГВС заслушивал советника командира бригады. Все остальные советники и специалисты нашей группы, а также группы, прибывшей с генералом, стояли.

И здесь, во время доклада, пригодилась схема участка обороны бригады, недавно сделанная мною. **Пётр Иванович**, достаточно подготовленный офицер, закончивший Военную академию имени М.В. Фрунзе и занимавший до Анголы должность командира мотострелкового полка, показывая что-то на схеме, на секунду остановился. **Константин Яковлевич** уловил этот момент, остановил доклад **П. Маркина**, и, обращаясь ко мне, спросил: «Майор, кто делал схему?». Услышав, что схему делал я, генерал приказал мне приступить к докладу решения командира бригады на оборону. Такой поворот событий в Союзе к хорошему бы не привёл: в лучшем случае докладчик был бы переведён на преподавательскую работу или назначен на должность, не связанную с командованием войсковой частью.

Доклад прошёл без сложностей. Более того, я заметил, что многие вопросы, связанные с системой огня артиллерийских подразделений бригады, генерал сам пытался обсудить. Доклад приобрел форму диалога. По истечении многих лет, узнав биографию **Константина Яковлевича**, я понял, почему он активно обсуждал мой доклад. Его интересовали не только участки СО, но и технические характеристики, в частности, дальность стрельбы 76-мм орудий (**ЗИС-3**) и (переносной **РСЗО**) **Град-П** с каждой огневой позиции: временной, основной и запасной. На направлении сосредоточения основных усилий бригады при определённых условиях мы даже предусматривали выдвижение артбатареи 76-мм пушек далеко вперёд

за планируемые временные огневые позиции, что выходило за рамки наших боевых уставов. Обозначенный на схеме, этот момент не остался без внимания генерала. **Курочкин** спросил, почему участки СО значительно превышали дальность стрельбы 76-мм орудий. Получив ответ, ГВС задал мне на КП последний вопрос: «Почему на схеме всего лишь два района обороны батальонов? Где ещё один?». Не помню, какой по нумерации, но один батальон нашей бригады был передан во 2-ю мотопехотную бригаду, и об этом я доложил генералу.

Понимая реальную воздушную опасность со стороны южноафриканской авиации и возможность оповещения о пребывании большой группы советников из Луанды, ГВС торопился. Уверен, что в день его посещения 2 мпбр и нашей встречи под Чивембой информация о появлении разведывательной авиации противника была ему известна. Поэтому мы выехали в район обороны батальона, находившегося на направлении сосредоточения основных усилий.

По пути следования на КНП батальона **Пётр Маркин** и я инструктировали **Николая Тищенко** на предмет доклада за командира батальона. Приехали, поднялись на КНП батальона (он был оборудован на небольшой возвышенности).

Стоял сухой период – листы на деревьях и кустах не было. Обзор по переднему краю обороны великолепный. Оценив хорошую видимость на подступах к обороне, перед передним краем и в глубине района обороны батальона, ГВС, обращаясь к **Петру Маркину**, спросил о советнике командира батальона: пусть докладывает решение на оборону. Кто отвлек **Николая Тищенко**, где он был в это время и чем занимался, не знаю. Однако его не оказалось на КНП рядом с генералом. Возникла небольшая пауза. Высказав неудовольствие по поводу недисциплинированности командира батальона (то есть отсутствовавшего **Николая Тищенко**), **Константин Яковлевич** обратился ко мне: «Майор, доложите решение командира батальона». Всё, что думалось мне в тот

момент о **Николае**, я сказал ему уже после отъезда ГВС. А в ту секунду, без схемы, на местности, докладывал решение. Я ориентировался на местности очень хорошо, так как не раз промерил шагами весь район обороны батальона, причем не только в том направлении. Доклад прошёл без замечаний. Иногда генерал перебивал меня, уточнял некоторые детали. К разговору подключился **Пётр Маркин** и другие советники, прибывшие с ГВС. Таким образом, встреча приобрела полезный и конструктивный характер. Главное, не было никаких упрёков со стороны генерала, только рабочие замечания: что улучшить, что усовершенствовать, как эффективнее организовать взаимодействие с местными силами самообороны и т.д.

Когда встреча подходила к концу, я попросил у ГВС разрешения высказать мнение об обороне бригады. В чём оно заключалось? До приезда **К.Я. Курочкина** в бригаду **Пётр Иванович** и я проводили по всем направлениям личную разведку (естественно, не только местности перед передним краем), выдвигаясь на 10–15 км вперед (далее для **БрдМ-2** дорога была непроходима). Были разведаны и тыловые районы. Поэтому мы имели очень хорошее представление о возможном характере действий противника с учётом местности в зоне ответственности бригады. По нашей оценке, противник не смог бы использовать крупную сухопутную группировку, тем более танки: местность на удалении 15–20 км от переднего края становилась непроходимой для наземных мобильных подразделений. В случае агрессии и действий на нашем направлении противник будет использовать аэромобильные силы, и то для высадки небольшого (до роты) десанта, а наиболее широко – небольшие ДРГ (диверсионно-разведывательные группы) в тылу бригады. Об этом я и сообщил ГВС. Генерал, обратившись к **Петру Маркину** и получив подтверждение моему выводу, произнёс примерно следующее: «Ваши выводы заслуживают внимания, тем

более, что они основаны на результатах лично проведенной разведки местности. Я их проработаю».

Как результат нашей встречи с генералом **К.Я. Курочкиным** – вскоре, в сентябре **Пётр Маркин** был переведён советником командира 2 мпбр, я в начале декабря – советником командира 19 пбр, а 3 пбр в начале 1983 г. переброшена на север Анголы для участия в операциях против **УНИТА**. Задачи по прикрытию направлений Шианже, Чивембе и Лубанго были возложены на силы местной самообороны.

Приложение²

3-я пехотная бригада организационно состояла (численность личного состава и техники не помню) из:

– Управления штаба бригады боевых подразделений – 3-х пехотных батальонов-артиллерийского дивизиона, состоявшего из батареи **РС «Град-П»** (6 установок) и артиллерийской батареи 76-мм полковых пушек (**ЗИС-3**) (6 орудий);

– батареи ПВО (6 установок **ЗУ-23-2**);

Примечание: один пехотный батальон, как уже отмечалось, был придан для усиления 2-й мпбр (Каама).

– подразделений боевого обеспечения – разведывательная рота, рота связи и инженерно-сапёрный взвод;

– подразделений тылового обеспечения бригады – взвод подвоза и взвод охраны.

Вооружение подразделений бригады:

– стрелковое – 9-мм пистолет **Макарова** (не запрещалось офицерам иметь, например, «ТТ» или «Вальтер»), 7,62-мм **АКМ** и **ПКМ** советского и болгарского производства, 7,62-мм станковые пулемёты (**ПКС**) советского производства, **АГС-17** и **РПГ-7** советского производства;

– артиллерийское – **РС «Град-П»** и 76-мм полковые пушки;

² Из письма **Н.С. Наконечно** по электронной почте **Г.В. Шубину** от 1 декабря 2010 г.

– миномётное – в пехотных батальонах в миномётных батареях по шесть 82-мм миномётов;

– средства ПВО – **ЗУ-23-2** и «**Стрела-2**»;

– ручные гранаты наступательного боя **РГ-42**, оборонительного боя **Ф-1** и кумулятивного действия.

Автомобильная техника для перевозки личного состава и боеприпасов – **ГАЗ-66** и **УРАЛ-375**, буксировки 76-мм пушек – **УРАЛ-375**.

Танки и **БТР** в бригаде отсутствовали.

В распоряжении группы СВС и С бригады находились **УАЗ-469**, **УАЗ-452**, **ГАЗ-66** и **БрДМ-2**.

Дом, где мы располагались (слева на право).

На переднем плане (стоит) – Советник начальника политотдела бригады подполковник **Николаенко Виктор Алексеевич**; сидят на парапете советник командира батальона подполковник **Максимов Юрий Павлович** и специалист по ремонту АТТ старший прапорщик **Николай** (фамилию не помню). Стоят в 3-м ряду советник командира артиллерийского дивизиона майор **Виталий** (фамилию не помню), советник начальника штаба бригады майор **Наконечный Николай Степанович**, и советник начальника артиллерии бригады майор **Паклонс Антон Хеленович**.

На фотографии запечатлён момент заслушивания
плана обороны бригады.

В центре докладывает советник командира пехотного батальона подполковник **Николай Тищенко**; слева от докладчика: советник командира бригады подполковник **Пётр Маркин**, советник начальника политотдела бригады подполковник **Виктор Никоненко**, советник начальника артиллерии бригады майор **Антон Паклонс**, справа от докладчика: советник начальника штаба бригады майор **Николай Наконечный**, советник командира арtdивизиона **Виталий** (фамилию не помню) и советник командира батальона подполковник **Юрий Максимов** (погиб в авиакатастрофе под Лубанго в ноябре 1982 года).

Лякин Владимир Александрович, капитан второго ранга запаса

Воспоминания о спецкомандировке в Анголу в 1988–1989 годах¹

Лякин Владимир Александрович, белорус, родился 16 октября 1951 г. в г.п. Хойники Полесской (ныне Гомельской) области БССР в семье служащих. С 1956 г. семья проживала в г. Калинковичи, где я окончил среднюю школу.

В детстве много читал, влекла морская романтика. В 1969 г. поступил в Киевское Высшее военно-морское политические училище, и после его окончания в 1973 г. служил на различных офицерских должностях на кораблях и в береговых частях Тихоокеанского, Балтийского и Северного флотов.

В 1982 г., когда я служил в поисково-спасательной службе КСФ², мой друг капитан 3 ранга **Анатолий Григорьевич Харченко** (ныне покойный) был назначен на должность замполита узла связи только что созданного в Анголе советского ПМТО (пункта материально-технического обеспечения) ВМФ. Через три года он вернулся и получил повышение, много мне рассказывал об этой стране. На престижной и хорошо оплачиваемой (валютой) должности его сменил другой знакомый мне офицер. Я имел тогда звание капитана 3 ранга, служил оргинструктором в политотделе тыла СФ и вёл себя по принципу «от службы не бегай, на службу не напрашивайся». Поэтому, помню, удивился,

¹ Воспоминания написаны **В.А. Лякиным** собственноручно по анкете, подготовленной **А.В. Кузнецовой-Тимоновой**.

² Краснознаменный Северный флот.

когда меня вызвали в штаб флота и предложили эту должность. Потом узнал, что предыдущий кандидат не прошёл собеседование, и нужно было срочно заменить его кем-либо другим. Через день получил команду срочно собираться и в трёхдневный срок прибыть в Москву.

К поездке нас реально готовили только медики: сделали профилактические прививки и дали почитать какую-то памятку. Всё прочее (как одеваться, сколько и чего можно везти и т.д.) узнавали от товарищей, которые там уже служили. Была, разумеется, и беседа с начальством на прощанье, где все ограничилось просьбой не подвести. В Москве я и ещё один летевший на ПМТО офицер сдали в ЦК КПСС партбилеты (удостоверения личности в ГШ ВМФ), после чего нас повели по красным ковровым дорожкам на один из верхних этажей. Мы были в гражданской одежде, и какой-то старенький партийный чиновник (из мелких) нас осмотрел, о чём-то спросил, потом долго рассказывал про свои подвиги в молодости, и в конце отечески напутствовал.

Летели на следующий день, кажется, 10 августа 1988 г., обычным рейсом «Аэрофлота» из Москвы в Луанду, без пересадок. Летели долго, в полёте хорошо накормили, что было для нас в новинку. В аэропорту меня радостно встретил товарищ, которого я сменял на должности. Хотя там платили очень хорошо, но за три года, как он честно признался, ему всё страшно надоело, скучал по дому.

На сдачу-приём дел дали, помнится, два дня. Он простился и уехал в аэропорт, а меня представили к новой должности. Узел связи был самым крупным подразделением ПМТО: десятка два офицеров и мичманов, человек шестьдесят личного состава срочной службы. Ещё на ПМТО были подразделения ГСМ, аэродромного обеспечения, различные хозяйственники и единственное подразделение, постоянно находившееся в зоне боевых действий – радиорота. Её личный состав набирался не на флоте, а из различных военных округов. Человек пятьдесят

при двух офицерах почти постоянно были на фронтах. Будучи по много месяцев бесконтрольными среди стихии войны, некоторые из них полностью теряли представление о дисциплине и моральных «тормозах». Разоружить их была целая проблема, что-то они всё равно утаивали, так же как и огромные суммы ангольских денег. Кажется, в ноябре 1988 г. человек восемь этих «орлов» ожидали на ПМТО отправки в Союз. Они как-то договорились со старшим лейтенантом, дежурившим по части (мы вместе с ним летели в Анголу), ночью выкатили на руках из автопарка командирский «УАЗ» и поехали искать бордель или казино, чтобы потратить бывшие у них миллионы ангольских кванз. Но в столице ночью действовал комендантский час, и за искателями приключений увязалась жандармерия. Началась перестрелка, в жандармов полетело несколько гранат (среди них были потери, сгорела одна машина), наши же сумели оторваться и укрыться в ПМТО. Рано утром их спецрейсом отправили в Союз, а через несколько дней – и того старшего лейтенанта.

Я подчинялся начальнику узла связи, начальнику ПМТО и зам. командира ПМТО по политчасти и, в свою очередь, являлся прямым начальником для всего личного состава своего подразделения. Обязанности и порядок службы были те же, что и в Союзе, хотя мы обычно ходили в гражданской одежде (офицеры и мичманы в своей личной, матросам выдавали со складов) или в «фапле» (форма правительственных войск) без знаков различия. Конечно, были некоторые отличия в деталях, связанные с климатом, экстерриториальностью и реальной угрозой в любое время оказаться в зоне боевых действий.

ПМТО (площадь примерно триста на пятьсот метров, отдельно в полукилометре – наш передающий центр, вдвое меньше) находился на южной окраине Луанды, в сотне метров от берега океана. За пределы ПМТО приходилось выезжать почти ежедневно, всегда при оружии. Передвигались только на автомобилях. В основном поездки были по городу и на причал, где стояли 1–2 наших военных корабля и располагались продоволь-

ственные склады. Но пару раз довелось по делам службы быть и в других местах.

ПМТО занимал территорию бывшего католического монастыря. Офицеры и мичманы жили по одному в бывших монашеских кельях, личный состав в «кубриках» по 20–30 человек. У меня, как и у других, в «келье» (комнатка 3 на 4 метра без окна) были стол, пара стульев, маленький холодильник, шкаф, койка с марлевым накомарником, кондиционер. Офицеры и мичманы, приехавшие с семьями, жили в городе в квартирах бежавших португальцев. Эти многоквартирные дома, где вместе с нашими жили и местные, охранялись небольшими постами правительственной армии. Матросы питались в столовой на ПМТО, офицеры обычно кто чем, в своих кельях и квартирах. У нас была хорошая баня с парилкой, а на передающем центре – даже небольшой бассейн.

Въезд на территорию ПМТО был один, на ночь он закрывался решёткой; тут же был КПП. Вся территория в два ряда обнесена колючей проволокой, окружена рвом (его выкопала наша морская пехота с десантного корабля, что постоянно был у причала в Луанде) с ячейками для ведения пулемётного огня. Стояли две или три наблюдательные вышки. Ночью вооружённые посты удваивались. Жизненные условия были неплохими и к нам часто в баню, в наш магазинчик, торговавший за валюту, на вечерние киносеансы приезжали офицеры с причала и даже из военной миссии. Имелась хорошая волейбольная площадка и место для занятия другими видами спорта.

Конечно, донимала жара и тропические ливни, убийственная (в прямом смысле слова) малярия, но вечнозелёная природа была прекрасна. На КПП не было застеклённых окон (чтобы было сподручнее вести огонь в случае чего) и однажды ночью во время моего дежурства туда на свет залетела огромная чёрная бабочка. Она покружилась, села на стену, и в тот же момент была «прихлопнута» чьим-то прикладом. Утром один знаток из

нашей военной миссии выпросил у матросов уцелевшее крыло этой бабочки, а мне сказал, что это очень ценный экземпляр, в Москве дали бы за него две тысячи долларов.

Ангола – очень красивая страна. Мне за время службы много где пришлось побывать, но нигде я не видел такого чистого океана, таких красивых пляжей, такой насыщенной растительности. Часто приходилось нести дежурство по ПМТО, ночью проверять посты, по тревоге занимать назначенные сектора обстрела. Но усталости и угнетённости не чувствовалось, наверное, потому, что всё происходило на фоне роскошной тропической природы, под небом с незнакомыми яркими созвездиями. «Ковш» Большой Медведицы едва виделся у самого горизонта и был повёрнут вниз. По воскресеньям мы возили наших матросов на пляж, бывали на экскурсиях в прибрежной крепости Сан-Мигель, в музее города, в других местах.

На территории ПМТО росли большие деревья, что-то вроде баобабов, на которых жила масса разных попугаев и десятка полтора прикормленных хвостатых мартышек. Глядя на их проделки, невозможно было усомниться в верности теории **Дарвина**. Не раз наблюдал, как одна из обезьян спрыгивала с нижней ветки на спину пробегавшей мимо собаки (их было две, подарили моряки), седлала её вроде заправского кавалериста, ухватив за уши, а ошалевший пёс под смех зрителей и вопли других обезьян мчался, куда глаза глядят.

Стиральных машин у нас не было, стирали всё вручную сами, а потом приходилось поглядывать, чтобы обезьяны при просушке не спёрли постиранное. Помню, один недавно прибывший мичман устроил большую стирку и ушёл спать на послеобеденную «сиесту», а через час со двора донеслись его истошные крики – «пубиваю гадов»! Мы выскочили из келий и еле успели забрать у него автомат. Зрелище было незабываемое – на кроне высокого, метров тридцать, дерева, были развешаны все интимные части мичманского туалета, и снять их оттуда не

было никакой возможности. Там их со временем обезьяны и порвали на клочки.

Более неприятными соседями оказались ангольские кобры. Они убивают своих жертв метким плевком яда в глаз, и поэтому не возбранялось носить на шее цепочки с блестящими кулонами, чтобы яд попадал на них. Впрочем, знаю лишь один такой случай. Матрос днём работал на нашем небольшом участке, где выращивались помидоры, арбузы, и, видно, потревожил кобру. По счастливой случайности у парня на руке были часы с блестящим браслетом, и ядовитый плевкок последовал туда. Рука быстро распухла и багровела, он тут же прибежал в санчасть. Его быстро отвезли в кубинский госпиталь (по дороге он уже потерял сознание), там сделали нужные инъекции и спасли.

Процесс уничтожения кобры был отработан до мелочей. Однажды после построения я шёл в свой рабочий кабинет (недалеко от той самой грядки) и чуть не наступил на весьма приличный, метра в полтора, экземпляр. Я отскочил на безопасное расстояние, а шедший за мной матрос поднял тревогу. Через минуту принявшая боевую стойку тварь была окружена набегавшими бойцами, которые засыпали её градом булыжников и обломков кирпича. Змеюка некоторое время довольно ловко уклонялась, даже пыталась нападать, но была оглушена увесистой кирпичиной, после чего подскочившие охотники порубили её лопатами с пожарного щита.

Простые ангольцы – народ весёлый и добродушный. Исключение, как помню, составляли только чины жандармерии, наглые и надменные, причем, как и их собратья в других странах. Недалеко от ПМТО был земляночный городок беженцев из провинций, где шла война, и оттуда часто приходили дети просить еды. Иногда они с необычайной ловкостью пролезали сквозь колючую проволоку и воровали белье на просушке. Их ловили, отдавали на ближайший полицейский пост, но чаще они убегали. Редко, но бывало, залезали и взрослые воры. Это всегда случалось днём: все прекрасно знали, что ночью можно

получить пулю от часового. Был анекдотический случай, когда один негр вытащил в «келье» кондиционер, залез через дыру и собрался уже унести бывшие там вещи, но перед этим решил отхлебнуть из найденной в холодильнике бутылки коньяка. Видно, бедолага раньше не пробовал ничего подобного, потому что выпил все имевшиеся немалые запасы, крепко заснул на месте преступления и вечером был обнаружен вернувшимся хозяином.

Славяне местным тоже делали пакости. Один из моих матросов, по национальности чех из Закарпатья, ночью несколько раз уходил с поста, врвался в землянки беженцев, и под угрозой оружия отбирал у них деньги, требовал алмазы и другие ценности. Подлеца «вычислили» и отправили в Союз, судили или нет – не знаю. Но это были исключения, а в целом отношения с простыми людьми были очень благоприятными.

Вечером во время дежурства, когда начальство уезжало в город, я приносил и ставил в «курилке» возле КПП свой маленький телевизор, отдыхавшая смена смотрела фильмы (по одному из каналов шли бесконечные сериалы, а по другому – американские боевики и вестерны), а потом к шлагбауму подходили и смотрели окрестные жители, обычно молодые солдаты со своими подругами. Бывало, подъезжала машина, и какой-нибудь негр, наверное, учившийся в Союзе, на приличном русском языке просил налить бак воды (водопровод в городе не работал), мы не отказывали. Иногда подходил за подаванием какой-нибудь инвалид на костылях с вещмешком за спиной. Их в Луанде было много – молодые, в полевой форме. После ампутации их выписывали из госпиталя, а идти было некуда. В моем детстве, в 1950-е годы, помню, такие же инвалиды в форме сидели на вокзалах, базарах, ходили по улицам, ещё не старые, но уже никому не нужные. Лицо войны везде одинаково.

Кубинцы в Анголе производили впечатление отборных, вышколенных солдат. Раз в две недели мы ездили на их стрель-

бище в пригороде Луанды и доводилось видеть, как толково, на пределе физических возможностей и не жалея боеприпасов (поставляемых из Союза) они готовили к бою своих людей. Бывал в их военной миссии, в сапёрном батальоне, расположенном недалеко от нас. Мы тоже приглашали кубинцев к себе в гости. У нас хотя и были специально отобранные матросы, но по исполнительности и «идейности», если так можно выразиться, кубинский солдат был на порядок выше. Их офицеры относились к подчиненным жёстче, чем наши. Однажды к нам по каким-то делам приехал их комбат. Часа два, пока тот решал свои вопросы, его водитель, почти не шелохнувшись, сидел на солнцепёке в машине. Я пожалел его и послал матроса пригласить пообедать. Кубинец поблагодарил, но не вышел из машины. Когда я сказал их капитану, что неплохо бы покормить водителя, он посмотрел на меня с удивлением, но согласия не дал. Их офицеры вели себя более раскованно. Были не дураки выпить (впрочем, ни одного пьяного кубинца там я не видел), организовать обмен имевшегося у них в изобилии спиртного на нашу закуску, могли даже в застолье рассказать анекдот про Рауля (но не Фиделя!).

В моём подразделении было, помнится, четверо белорусов, толковых работающих сельских парней, но их адреса затерялись, и я никогда этих ребят больше не видел. Примерно месяца через три после меня прибыл и был избран на должность секретаря парткома мой знакомый по СФ, земляк из Лельчицкого района Гомельской области, **Павел Павлович Астровик**. Прямой и честный человек, он немало осложнил жизнь московским ставленникам из руководства ПМТО, которые занимались в основном не службой, а переправкой на военных кораблях различных дефицитных товаров своим покровителям в Союзе. Он имел прочный авторитет у большинства офицеров и всего личного состава срочной службы, которых не позволял обворовывать. Сейчас он капитан 1 ранга запаса, живёт в пригороде Москвы, мог бы рассказать много интересного, пробыл в Анголе почти

три года. Обычно на Радуницу приезжает в Белоруссию и заходит ко мне, вспоминаем службу и Анголу.

Прибыл я в Анголу, помнится, 10 августа 1988 г., убыл в отпуск на Родину в начале июня 1989 г., но там после перенесённого заболевания тропической малярией меня обследовали врачи и больше в Африку не отправили.

В боевых действиях не участвовал, ранений не имел. **Раза два попадал в городе в случайные перестрелки, там это дело обыденное.** 16 октября 1988 г., в свой день рождения, чудом остался жив. Был дежурным офицером по части, расставил посты, уложил личный состав спать. Около часа ночи вышел за решётку КПП на освещённый прожектором «пятачок», откуда хорошо был виден берег океана. Простоял там несколько минут, и потом вдруг вся красота как бы померкла, всё вокруг перестало нравиться. **Я сделал шаг назад, в тень, и в этот момент там, где я стоял, о металлическую решетку звякнули пули.** Может, они были уже на излёте, т.к. самого выстрела я не слышал. На рассвете поискал вокруг и нашел одну расплюсченную пулю, долго потом её носил как талисман. **После возвращения домой как-то рассказал эту историю отцу, а он мне поведал похожую.** В августе 1941 г. на Лужском рубеже южнее Ленинграда остатки его полка попали под сильную немецкую бомбёжку и обстрел. Спрятаться было негде, кругом только пни от спленного леса. Лежали лицом в землю и только слышали, как кричат от боли их умирающие товарищи. И вдруг, рассказывал отец, пень, к которому он лежал головой, что-то перестал ему нравиться. Он переполз к соседнему, а через минуту место, где он лежал, перепахала пулемётная очередь из немецкого самолёта, и тот пень разлетелся в щепки. **Неужели это всё случайность?**

На новый 1989 г. тоже дежурил по части. Часа в четыре утра в неустановленное для доклада время по рации из военной миссии запросили, всё ли у нас в порядке. Спустя некоторое время оттуда приехал встревоженный офицер, обошёл со мной

все посты и кубрики личного состава. Потом сказал, что этой ночью недалеко от нас «унитовцы» пробрались в казарму правительственных войск и без единого выстрела, ножами убили несколько десятков человек.

Наград за службу в Анголе не имею.

На Родину летел рейсом «Аэрофлота» в начале июня 1989 г. Со мной была группа моих подлежащих демобилизации матросов и несколько человек из радиороты. На Мальте была дозаправка, и там одного из радиороты задержала охрана аэропорта, т.к. он вышел в зал ожидания с самодельным плеером на больших квадратных батарейках (украденных из НЗ спецаппаратуры) и его заподозрили в попытке совершения теракта. Еле удалось убедить полицию, что это не части взрывного устройства и отпустить «террориста».

Родина встретила как-то неласково. Серые тона, пустые магазины, мят на улицах, хамство... Сдали анализ на СПИД в какой-то московской военной клинике, и там я имел глупость признаться, что переболел малярией. Видимо, сообщили куда следует, и на Севере меня потащили в госпиталь на обследование, после чего решили, что больше к спецкомандировке не годен.

Пребывание в Анголе на мою дальнейшую жизнь и службу никак не повлияло, разве что появились кое-какие сбережения, на которые был куплен «ВАЗ» **шестой модели**. Уволился в запас в начале 1992 г. в звании капитана 2 ранга и вернулся в Белоруссию. Здоровья, конечно, нет, но это, скорее, последствия не Анголы, а многолетней службы за Полярным кругом.

Статуса воина-интернационалиста и никаких связанных с этим льгот не имею. Выдали при отъезде справку с печатью, что в такое-то время «исполнял интернациональный долг в НРА», но это просто бумажка. Статус интернационалиста на ПМТО имел только личный состав радиороты, т.к. они постоянно были на фронтах при наших военных советниках. Теоретически и мы могли, как нам рассказывали, этот статус полу-

чить, но для этого нужно было набрать 45 суток пребывания на фронтах по командировкам за подписью руководителя нашей военной миссии в Луанде. Один из моих офицеров смог, помню, набрать 17 суток, другие и того меньше. Начальник ПМТО, финансист и несколько их приближённых, которые ни дня на фронте не были, такой статус и все полагающиеся льготы, как мне известно, получили – понятно, за какие «заслуги».

Года два назад смотрел по каналу «НТВ» какую-то телепередачу об Африке и просто остолбенел, когда увидел эту личность (бывшего начальника ПМТО), увешанную наградами, вроде незабвенного **Леонида Ильича Брежнева**, повествующую о ходе боевых действий в Анголе и намекающую на свою в них выдающуюся роль. «Подвиги» криминального свойства он действительно совершал. Помню, я доставил какой-то секретный документ командиру десантного корабля, уходившего на родину. Его просторная каюта (которую по закону таможня не имела права досматривать) была вся заставлена коробками с компьютерами, видеомагнитофонами, косметикой и проч., и чтобы добраться до командирского сейфа, нам пришлось протискиваться боком вдоль переборки. А в каюту пихали всё новые и новые коробки, причём руководил этой «операцией» лично начальник ПМТО.

Своих воспоминаний ранее не публиковал, но была обо мне пара статей в белорусских газетах, где упоминалось о командировке в Анголу.

В настоящее время работаю научным сотрудником Калинковичского краеведческого музея. Автор семи книг по военной истории и краеведению.

Лякин Владимир Александрович. Ангола. 1988 г.

**Ангола. Лякин Владимир
Александрович. Конец 1988 г.**

**Капитан Второго ранга запаса
В.А. Лякин. 2009 г.**

Синянский Валерий Иванович, подполковник запаса¹.

– Родился я в 1949 г. на Украине, во Львовской области. Окончил школу, техникум. После техникума пошёл в Полтавское зенитное училище. После училища был направлен в БССР (нынешнюю Белоруссию) и всю дальнейшую службу проходил в Белорусском военном округе, в разных воинских частях. В БССР я приехал в 1973 г. У меня был красный диплом, и я мог выбирать себе округ. Я помню, что написал Киевский округ – поскольку я сам украинец – и Белорусский. Попал в КБВО. Начинал здесь службу в Печах, под Борисовом, потом в зенитном полку в Борисове. Успел послужить под Барановичами, на Домановичском полигоне ПВО, четыре года командиром батареи в Бресте. Предлагали ехать служить в Германию, только почему-то мне это не понравилось, я отказался. В 1980-м был переведен в Минск, тут и служил.

В Анголу был направлен из 120-го корпуса осенью 1988 г., кажется, в октябре. Потому что свой день рождения в ноябре я праздновал уже в Анголе. Вернулся в конце 1990 г. Командировка продлилась ровно два года, почти день в день. Без семьи она и продолжалась два года. С семьёй – могла быть и три. Но семью можно было вызывать только в те места, где были условия. Там, где работал я, условий не было.

– **Как вы узнали, что вас направляют в Анголу?**

– Передо мной там работал **Саша Кисель**, у него служба заканчивалась, он перевёлся в Минск, в мою часть. Он сам минчанин. И была такая традиция: если человек переезжает в

¹ Запись сделана 16 июля 2010 года в г. Минске **А.В. Кузнецовой-Тимоновой**.

какую-то часть, то оттуда брали другого человека и направляли на его предыдущее место службы. **Сашка** сейчас уехал куда-то на Украину, кажется, на постоянное место жительства.

Узнал я о планируемой поездке месяца за три-четыре. Должность предложили такую же, какая у меня была в Минске – здесь я был начальником штаба зенитно-ракетного дивизиона, а туда поехал советником начальника ПВО зенитно-артиллерийской бригады.

– **В каком вы были тогда звании?**

– Я был майором.

– **Как проходила подготовка к командировке?**

– Интенсивно. Нас здесь практически сразу напугали, что там ничего нет – имеется в виду, ни документации, ни инструментов, абсолютно ничего. Потому всё учите здесь, и, что называется, везите с собой в голове. Я многое тут изучил, потому что действительно был напуган, что там ничего нет.

Ну, мажчасть мне изучать смысла, конечно, не было, потому что технику эту я и так знал, поскольку на ней работал. Изучал больше тактику, именно тактику бригады, а не дивизиона, ангольская армия ведь делилась на бригады. Изучал кодировку Северного и Южного полушария.

Приехали мы в **Москву**. Нас там собрали человек двадцать разных категорий, званий, должностей. Инструктаж был простой: что умеешь, то и применяй, тому и учи, меньше говори, больше работай. Сделали нам заграничные паспорта, но на руки не отдали. Паспорт на руках мы имели только при прохождении таможи. И позже, в командировке, у нас не было никакой бумажки, что мы там находимся.

Летели мы самолётом ангольской авиакомпании **ТААГ**. Аист² там вместо эмблемы нарисован. Приключения начались сразу: самолёт задержался, и мы трое суток просидели в «отстойнике», или в «обезьяннике» в **Шереметьево**. Границу мы перешли, паспорта у нас забрали, выйти мы уже не могли. Все

² Антилопа, а не аист.

деньги, всё, что было с собой, проели и пропили. Фирма, которая нас должна была везти, кормила нас раз в сутки. Но это не столь важно – были такие времена, что мы были готовы на всё, чтобы поехать в заграничную командировку.

– **Каким маршрутом летели?**

– Через Рим – там была дозаправка, в аэропорту **да Винчи**. Нас там выпустили из самолёта, раздали паспорта, мы походили по этому огромному аэропорту. Часа полтора-два там провели, а потом снова сели в самолёт и полетели в Анголу. Летели обычным рейсом, там кроме нас было много гражданских.

Улетали из Москвы, когда там уже снег лежал. Прилетаем в Луанду – небо ясное, отлично все видно. Посмотрел из иллюминатора – а там земля красная. Первое, на что я обратил внимание, это красная земля.

Мы все были одеты, как положено, в гражданское. Выдали костюмы в Москве, галстуки, некоторые даже в пальто летели. Открывается люк – а там градусов тридцать! А пальто многим оставить в **Москве** было некому, кого провожали, те оставили родным, а остальные так и полетели. Правда, буквально через пару дней привыкли – в **Луанде** жара постоянная, перепадов температуры нет, тело привыкает и уже не обращаешь внимания.

Вышли мы из самолёта, прошли таможенную – она нас особо и не досматривала. Нас сразу посадили в автобус и повезли в центральную советскую миссию. В миссии мы пробыли дня два-три. А потом нас разбросали на округа. Я попал в шестой округ – Менонге, непосредственно в Куито-Куанавале.

В Менонге мы прилетели на **Ил-76** – эти самолёты там были как междугороднее такси: надо что-то – вызываешь **Ил-76**, он прилетает, и только если уже очень срочно надо, прилетал вертолётик **Ми-24**, на дорогу садится, раненых или больных вывезти – грузили и забирали.

Менонге можно назвать районным центром – что-то близкое к **Борисову**³, немного меньше. Город в основном одноэтаж-

³ Районный центр в Минской области, Республика Беларусь. – *А.К.-Т.*

ный, двухэтажных домиков там было мало. В Менонге сидели несколько дней – ждали колонну. Сообщение Менонге с Куито-Куанавале было таким: где-то раз в месяц собиралась колонна с продовольствием, ГСМом, прочими необходимыми вещами. Собирались все, кому надо было ехать в Куито-Куанавале, комплектовалась охрана и выходили в сторону города. Расстояние – около 200 километров, рядышком почти, а шли весь день: утром выехали – и хорошо, если к вечеру пришли. Колонна медленно ползёт: большие машины загружены доверху, бензовозы, охрана проверяет дорогу на засады, сапёры проверяют, нет ли мин.

Пришли в Куито-Куанавале, и нас сразу распределили по бригадам. Я попал в 25-ю бригаду. Наша миссия в Куито-Куанавале стояла за речкой, а бригада с другой стороны, расстояние по прямой километра три-четыре, в объезд – побольше.

– Как обустроивались, где жили?

– Нам повезло, всё уже было обустроено до нас. У нас там был домик в четыре комнатки, столовая. Условий, конечно, практически никаких не было: вода привозная, топили дровами.

Распорядок такой: вставали, пока ещё прохладненько, выезжали на работу в бригады, там работали до двенадцати или до часу. Потом приезжали назад в миссию. Если у кого-то что-то срочное – он ещё после обеда ехал в бригаду, часа в четыре-пять. Днём что-то делать было бесполезно, потому что все ложились отдыхать или просто в тенёчек прятались, книжки читать. Интенсивная работа шла только до обеда, после обеда там это было уже невозможно.

Питались как? Можно было заказывать из Менонге продукты, но это было проблемно – раз в месяц – и дороговато. Поэтому мы питались у местных. Не знаю, наверное, сверху было указание, чтобы выдавать нам всё, что нужно, потому что нам всегда выдавалось то, что мы просили. Мы приезжаем и говорим: нужна мука, рис, консервы, и без проблем всё это выдавалось, машины заправить – тоже без проблем.

– **На ФАПловских складах?**

– Совершенно верно. Одежда тоже была их.

– **Вы носили ангольскую форму?**

– Только ангольскую. Камуфляж как наш, только материал более плотный. Обувь их мы не носили, практически все ходили в тапочках, потому что ногам было очень жарко, невозможно просто. А вот форма – плотный материал, в котором совсем не было жарко. В нашей – надень, пройдишь, весь сварись там. А в их – главное, застегнуть все пуговицы, чтобы солнце на кожу не попадало, и не жарко, спокойно ходили.

Конечно, форма пачкалась, мы её стирали периодически. Я, например, легко переносил жару. Да и никто особо не жаловался.

– **Какие были обязанности, что приходилось делать?**

– Я больше занимался ремонтом техники и тактической подготовкой командиров подразделений и начальника ПВО в Куито.

– **В чём заключались занятия тактической подготовкой?**

– В том, что я подготавливал алгоритм их действий в случае нападения противника, разрабатывал тактику, всё это показывал на карте, документы готовил. Показывал, как и что делать, куда кому становиться куда бежать и стрелять, где становиться с техникой. Если они идут в колонне – разрабатывали, где кто должен идти, чтобы прикрыть колонну, если противник пойдёт в наступление. Будем говорить, наша тактика с учётом их специфики.

Что касается ангольской военной специфики, то в некоторых вопросах они ставили меня в тупик. Если у нас подразделение идёт боем и разворачивается, как положено, то они идут в наступление друг за другом, след в след. Пускай хоть батальон там будет идти, но именно так, след в след, цепочкой. Я сначала не врубился: как же вы можете наступать так, что это за тактика такая? Мне ангольский командир показывает: вот моя тропа, я

так буду идти. Я ему – да ты что, как так, тебе же надо развернуться хотя бы на полтора километра! А он мне – нельзя, асесор, мины, везде мины! Я спрашиваю: извини, а где ваши сапёрные подразделения, которые должны вам наступление подготовить? А он смотрит честными глазами – понятно, что нет у них такого. Как хочешь, так и выкручивайся.

Техника была уже расставлена. Сразу после приезда я прошёл по всей технике, проверил её боеготовность. Более-менее всё работало. Одна машина была нерабочая, я дал заявку на запчасти в Луанду, мне привезли запчасти только через полгода. Так машина всё это время и стояла.

На самом деле, далеко отходить от позиций бригады было нельзя, потому что везде мины. У нас впереди стояло несколько юаровских танков, из тех, что кубинцы остановили во время крупного сражения в этих местах. Несмотря на то, что земля была заминирована, мы всё же подошли к этим танкам. Один стоял чуть левее от дерева, а второй – на правом фланге. Мы залезли в этот танк, посмотрели, шлемофон оттуда забрали и станцию «**Rocal**»...

Мы обучали командиров, и к остальному личному составу бригады никакого отношения не имели. Поддерживали технику в состоянии боеготовности, обязаны были докладывать обстановку в Центр о боеготовности этих подразделений. Когда я был в Куито-Куанавале, то занимался только своей 25-й бригадой.

Были интересные эпизоды, конечно. Например, когда через речку перегоняли ангольские подразделения, в том числе танки. Они время от времени продвигались вперед, перебазировались с одного места на другое. А там был мостик – наши, советские мужики построили. Он был прочный, но узкий. Грузовая машина могла проехать, **ГАЗ-66** и даже **УРАЛ**, а вот танк или **БМП-1** – уже гусеницы по бокам мостика свисали. Местные, в общем, боялись через этот мостик технику гонять. Мы сами садились за штурвалы и вели машины. Естественно, кто-то всегда

шёл впереди и смотрел, не накренился ли танк, не падает ли в речку. Едем, мостик шатается. Тот, кто идёт, смотрит в воду – слева танк валяется утонувший. Вот также переправлялся – и упал. Так тоже случалось.

Вообще, удручало, что ангольцы очень пренебрежительно относились к технике. Если у нас что-то ломалось, мы мгновенно всё исправляли, и машина дальше работала. У нас так принято, не может быть, чтобы в боксе неисправная машина стояла! По крайней мере, в моё время было так, сейчас – не знаю. А у них было всё по-другому! Если что-то сломалось, они просто бросали без починки, садились на другой транспорт и ехали дальше.

Как-то у нас сломалась машина, трёхтонка. И нам сказали, что по дороге на Менонге стоит **ГАЗ-66**. Мы поехали туда, посмотрели – бензина нет, аккумулятора нет, остальное в порядке. Привезли бензин и аккумулятор, машина завелась, сели, поехали. Вот так: просто бензин в машине кончился, и они её бросили! А мы этой машиной потом долго пользовались.

– С каким оружием приходилось работать, с какой техникой?

– Я готовился на «десятку» – **Стрела-10** (на гусеничном ходу). Насколько я знаю, это наиболее удачная машина. Её и радиопомехи не берут, очень простая в управлении, мартышку можно научить: чтобы стрельнуть, надо только посмотреть на самолёт и нажать по очереди три кнопки, больше ничего. Три кнопки в нужном порядке. Главное – видеть цель.

Были **зэушки** – **ЗУ-23-2**. **ПЗРК** не в счёт, из них стрелять было просто нельзя, потому что у них тренироваться было не на чем. А «десятки» и **зэушки** работали хорошо. У нас стояли две-три «**Шилки**» – **ЗУ-23-4**, но они, видно, остались от прежних боёв, были абсолютно не боеготовые, просто стояли как экспонаты.

В других бригадах были ещё «**единички**» – **Стрела-1** (на шасси **БРДМ**). Там тот же принцип, что и в «десятке», только

не автоматизировано ничего, всё надо делать механически. Если в «десятке» только увидеть цель и три кнопки нажать, то тут нужно было и корпусом, и ногами двигать, и пусковую вручную дергать... На «**единицах**» я работал уже второй год, в Лубанго.

Ещё такой момент. Есть у нас ракеты для «**десяток**» (**Стрела-10**) – т.н. **эмовский вариант** – нам даже в СССР их не показывали, настолько было секретное оружие. Ракеты очень хорошие, они практически запоминают цель. Если эта ракета была наведена на цель и запомнила её, то на любые помехи и ловушки она не реагирует, всё равно попадет. Хорошая ракета, умная. Нам в **Минске** их показали только в боксе, через дверь.

Приехал в Анголу – а они из этих ракет, из того самого **эмовского варианта** заборы ставят! Вот и поставляй туда новейшую технику! Возмущению предела не было: такая техника, такая машина, до 80% попадания, это для зенитчика очень точно, а они – заборы, ограды! Стоит позиция «**десятки**», и они эту установку ограждают забором из таких ракет! Спрашиваю: что это значит?! А офицер мне отвечает: это моя территория, туда никто не имеет права заглядывать, там секретная установка. Точнее, им сказали, что она секретная, а почему – мало кто там понимал. Даже мало кто понимал настоящий смысл слова «секретная». Не подпускать – значит, не подпускать. И всё.

В каждой нашей миссии была своя охрана, человек десять. Один – начальник караула. Миссию охраняли и ночью, и днём, никто посторонний не мог туда зайти. Питались, я уже говорил, с **ФАПловских** складов. Нам было легко. Потому что там было такое понятие – «пропуск», которым нам служили наши белые лица. Это не шутка. У анголан ещё после семьдесят пятого года осталось это – белый человек, значит, ему можно. Например, едем в аэропорт, нужно срочно куда-то слетать. Никого не впускают, запрещено. Местные толпятся у ворот. Мы подъезжаем в **ГАЗ-66**, лица из кабины высовываем – увидели, что белые, сразу ворота открылись, въезжаем и летим, куда нужно. Кто бы ты ни был, белый есть белый!

С кубинцами мы там просто дружили, очень хорошо относились друг другу. Когда я уже второй раз серьезно заболел малярией, только они меня и спасли.

Вообще я болел дважды. Первый раз заболел через три-четыре месяца после приезда. Лечились мы сами: джин с тоником – вот и всё лечение, хину ещё глотали. Видно, первую малярию свою я вылечил плохо, потому что вторая чуть меня не убила, температура была под сорок, такое состояние дурное – суставы чешутся. Хочется их достать из-под кожи, почесать и обратно засунуть! Я после той болезни весил сорок шесть килограммов. На фотографиях видно – там вообще «шкилет» стоит!

Когда я заболел, вызывать наш самолёт было опасно, могли сбить. Позвонили кубашам – они буквально минут через пятнадцать-двадцать приехали. А дело было ночью, я уже этого не помню, мне потом рассказали. Кубаши приехали – вместе с койкой меня погрузили в кузов и отвезли в свой госпиталь. Уже там я очнулся.

Госпиталь у них интересный. Кубинские бригады были развёрнуты по-боевому, и госпиталь представлял собой большую «рефужию», то есть глубокий ров, в котором койки стоят, а надо рвом тент натянут! Но сделано всё аккуратненько, чистенько, ничего не скажешь. Я пришёл в себя уже под капельницей. Малярию кубаши лечили очень хорошо. Неделя, максимум две – и ставили человека на ноги.

А обходились они с нами, советскими, действительно как с братьями. У них было так: **«Фидель сказал, что надо помогать русским – всё, надо!»** без проблем. Даже в туалет, извините, пока я болел, меня кубинский санитар носил на руках, взвалил на спину и несёт.

Или вот ещё – был у меня день рождения. А наша самогонка уже надоела пуще горькой редьки, её уже не хотелось. Хотелось чего-то более-менее приличного. Подсказывают: съезди к кубашам, у них там есть ром семилетней выдержки, отличная

вещь! У них был трёхлетний ром и семилетний. Трёхлетний – обычная самогонка, по большому счёту, а вот семилетний – это уже вещь! До сих пор вкус семилетнего рома помню. Я приехал к ним, поговорил с кубинским замкомандира по тылу – у нас контакт был нормальный: так и так, мне надо пол-ящика семилетнего рома. Он мне отвечает: бери трёхлетнего, сколько хочешь, а семилетнего у нас нет! Я говорю: да трёхлетнего у нас самих сколько хочешь, семилетнего бы достать, но нет так нет, что же сделаешь? И уже когда возле шлагбаума, у границы их части, прощались с ним, я сказал: ну что ж, придётся мой день рождения трёхлетним ромом отмечать. И сказал ведь безо всякого умысла – а этого оказалось достаточно! То есть, он понял, что это не просто пьянка, для которой русским вдруг понадобился семилетний ром, что это торжество, повод хороший! Так пока я на своем **ГАЗ-66** приехал от них в свою бригаду – минут двадцать мне было ехать, недалеко – меня кубинский **УРАЛ** за это время обогнал! Прилетаю, **Кальяныч**, товарищ мой, мне заявляет: ну ты даёшь, совсем обнаглел! Я не понял, что такое. Оказалось, кубаши меня обогнали и привезли сами пол-ящика семилетнего рома! Как только он понял, что это не просто пьянка, а праздник, так выручил, даже ничего не говоря! Питаться мы у кубинцев не питались, у нас было своё, со складов.

Ещё что интересного? Рядышком с нами стояла бригада ас-синцев (?) Я с ними не общался, у них были свои подразделения, стояли на прикрытии аэродрома в **Куито-Куанавале**. Хотя этого аэродрома к тому моменту уже не было: всё разбомблено, несколько битых самолётов на взлетной полосе валялось. Что смогли, убрали, и некоторые наши самолёты там садились. В Куито больше вертолёты летали, **Ми-24** преимущественно: они ведь могли сесть прямо на дороге. Я только на этих вертолётах и летал, если надо было. Он маленький ведь, сидишь, весь скрутившись, сзади тебя ещё человек так же сидит, а колени уже в борт упираются. А в бою – страшный вертолёт, его боялись все.

До Менонге добирались колоннами. А если выезжали в Луанду по каким-то делам, то добирались до Менонге, где был нормальный аэропорт, садились в самолёт и летели в столицу.

ФАПЛА контролировала только крупные населённые пункты, а вся остальная территория была под **УНИТА**, нам там опасно было появляться. Поэтому и самолёты прямо пойти на посадку не могли, в аэропорту Менонге садились только «по спирали» – подлетали к аэродрому на высоте 5–6 километров и прямо над ним, в том радиусе, куда ПЗРК противник уже не подтащит, начинали снижение. И так же взлетали.

А ещё меня, помню, задело, что **фапловские солдаты очень плохо питались**. Почему – не знаю. Как-то увидел, как им пищу раздавали, так был не просто удивлен, а возмущён. Солдат утром, часов в девять-десять, приходил на раздачу с консервной банкой, ему туда насыпали сухой рис, давали банку консервов небольшую, типа нашей банки шпрот, граммов пятьдесят оливкового масла – и это на целый день. Как он пищу будет готовить или сухим всё съест – никого не интересовало. Не помню, чтобы им какие-нибудь галеты выдавались. Может, и выдавались, только я ни разу не видел. Кажется, в каждом взводе был костёр, где они сами варили себе еду.

Призывали они (в **ФАПЛА**) тоже очень интересно: окружали деревню, и всех «фильтровали». У кого есть бумага, что он отслужил – тот свободен. У кого нет – под ружьё. Такая мобилизация. И точно такую же мобилизацию проводила **УНИТА**. Бывало, что в одной и той же деревне сегодня **ФАПЛА** набирает бойцов. А тех, кто спрятался или убежал, через день забирает **УНИТА**.

Когда солдат-новобранцев приводили в часть – я не раз это видел – их первым делом откармливали, потому что все просто дистрофики были, по-другому не скажешь, до того дохлые, худые, что казалось, дунешь на него – и он тут же упадет. После того, как новеньких немножко откармливали, их отправляли по подразделениям.

Воины они были своеобразные. Подбросили американцы **унитовцам** еду, рис. Пошёл слух по территории, что в таком-то районе еда – и иногда целыми подразделениями переходили к **УНИТА**, ротами, с оружием, сдавались. Потом там еда закончилась, а тут **СССР ФАПЛА** подбросил что-то – и возвращаются с повинной! Шли туда, где кормили, это не шутка. Это была война не народная, а война больших начальников, которые сидели наверху и делили власть. А народу – какая разница, с кем воевать, лишь бы еда была.

Ещё мне не нравилось, что многие **фапловские** военные, да и гражданские тоже, были очень ленивы. Я сейчас смотрю телевидение, и мне кажется, что так они и живут до сих пор за счёт других стран. Просто ждут помощи. Если нечего есть или нечего надеть, ему ведь и в голову не придёт пойти поработать, огород вскопать, или животное убить и мясо продать – он будет сидеть и ждать, когда ему гуманитарную помощь привезут. Если знает, что раз в месяц прилетит вертолёт и привезет еду и одежду – всё. Гуманитарную помощь им присылали преимущественно европейцы, в основном северные, Норвегия, Швеция. Было это так: то, что у нас в сэконд-хэндах продаётся, упаковывалось комплектами на среднюю семью: муж, жена, двое детей. У них, в Анголе, конечно, не по двое детей, они сами не знают, по сколько детей у них, но не в этом дело. В комплектах этих было всё, начиная от тёплой одежды и заканчивая трусами и носками. Шубы, пальто попадались. Приходит такая семья, ей этот мешок в руки, они крестик поставили в документах и ушли. Откуда я это знаю? Потому что нас привлекали к охране этих гуманитарных грузов, не **фапловцев**, а именно нас – там ведь страшно друг у друга всё воровали. Если бы мы не охраняли, разграбили бы всё сразу, наверное.

Интересно, что на следующий день после раздачи этих грузов на базаре уже шла их продажа! И что ещё было примечательно: нет еды у людей, у солдат, а на базаре полно сухого мо-

лока, риса, муки какой хочешь. Всё это шло на базар с военных складов.

Однажды, на второй год моей командировки, мы попали в ресторан недалеко от Лубанго. Представляете себе, полностью белый ресторан, только лица чёрные! А так – всё белое, начиная от пола, ножек стола, и заканчивая лампочками на потолке. Вилки белые, рюмки белые. Нас там очень вкусно накормили, рисом, рыбой. Я спросил у хозяина: откуда богатство, когда в стране голодуха? А хозяин оканчивал в своё время какой-то наш институт в Одессе, по-русски хорошо говорил. Он и ответил: у военных есть всё, у них и беру по сходной цене.

– **Как долго вы пробыли в Куито-Куанавале?**

– Чуть больше года. А встречать новый год, девяностый, поехал уже домой, в отпуск.

Предыдущий, 1989-й, встречали там, в речке сидели. Выловили тогда в шане поросёнка, зажарили, весело было. Кстати, это можно рассказать. Там живность – поросята, ещё кто-то – она вся копошится в шане, заболоченной пойме реки. Люди ставят метки на своей живности – как у нас в деревнях гусей бабушки зеленкой красят, так и там чем-нибудь метят. Время от времени, кому надо, пошёл, выловил своего поросенка, зажарил. Мясо на столе у них большое событие. И мы тогда под новый год купили у них поросёнка, отметили праздник.

Вообще, купля-продажа у нас там осуществлялась интересно. У них деньги – кванзы. Бутылка пива на базаре стоила примерно 250 кванз. А мы могли на пивном заводе в Лубанго официально покупать это пиво ящиками, раз в месяц по два ящика на человека – и за смешные деньги, меньше оптовой цены, по нашей цене за ящик на базаре только две бутылки можно было купить. Белое лицо, ничего не поделаешь! И за бутылку пива или две мы купили тогда поросёнка.

В Куито-Куанавале чем было хорошо – не было проверок сверху, ни одна «зараза» туда не добиралась. А если и добиралась, то мы об этом заранее узнавали, потому что он приезжал

в Менонге, сидел там, ждал колонну. Мы за это время делали бравый вид, подгоняли документы и к проверке всегда были готовы. Такая польза отрыва от центра. В другие места проверка могла неожиданно прилететь. Он уже сел в самолёт – и только тогда звонят и сообщают: к вам летит проверка, выкручивайтесь. В Лубанго у нас так и было: если звонят, то часа через три-четыре он уже будет здесь. Правда, всё равно ухитрились проблемные вопросы обойти.

После нового года, который я встретил в Минске, у меня кончился отпуск – он длился сорок пять дней. Я снова вернулся в Луанду, и республиканский советник начальника ПВО мне предложил: выбирай – меньшие деньги и подполковничья должность в Лубанго или большие деньги и майорская должность в Куито-Куанавале. Я прикинул: что мне год, а так спокойно подполковника получу, так ещё и выиграю потом. И согласился на Лубанго.

В Лубанго я тоже был советником начальника ПВО, но своего начальника ПВО так ни разу и не видел. Мы занимались только техникой.

Там был уже более-менее центр, не джунгли, уже больше начальников, **фапловских**. А у них тоже своя каста: мне советник не нужен, лучше техникой занимайся. И мы ездили больше по частям и ремонтировали технику. Техника была та же – «десятки», «зэушки» (ЗУ-23-2), «единички». Зэушки нам проблем вообще не создавали – это очень простой «трактор», который практически не ломается, потому что там ломаться нечему, он только стреляет и всё.

В Лубанго была уже, что называется, цивилизация. Там люди ходили одетыми, встречались даже женщины с маникюром (*смеётся*), машины приличные. Даже авария произошла однажды. В Лубанго, как в миссию заезжать, левый поворот с дороги неудобный, а сверху летел какой-то местный, и наши только вывернулись, а он в зад как врезался! А что такое попасть в аварию, да ещё и за границей – это же кошмар! Хотя все оста-

лись живы. Мы перепугались. А негр вылез, посмотрел на эту машину, плюнул и пошёл себе. Мы сами за ним побежали: ты куда, стой, ведь авария, давай полицию вызывать. А он – да ну её, забирайте её себе, я себе другую возьму. Так и ушёл, и мы его больше не видели. Тогда наши начали на пальцах бросать, кому же эта машина достанется – а она не сильно пострадала, только крыло правое было разбито, а у нашей борт немного покалечился, тоже мелочи. Досталась она одному прапорщику по жребию, довольный ходил. Мы машину в миссию затащили, починили. А потом, через несколько дней, прапорщик этот говорит: хлопцы, давайте кто-нибудь ещё возьмёт эту машину. Он, оказывается, посчитал, во сколько ему обойдётся её везти в СССР, и решил не связываться. Так эта машина и осталась в миссии.

По сравнению с Куито-Куанавале, в Лубанго было легче. Это красивое городишко, там и магазины были, и даже ресторанчики маленькие. Миссия наша тоже охранялась.

Вспоминаю, как мне было жалко и жалко до сих пор одного парнишу. Местный пацанёнок, ему в то время было лет четырнадцать-пятнадцать, из охраны. До того человек был развитый, до того у него мозги были на месте, что он сам прекрасно изучил русский язык. И не просто изучил: он мог спокойно на нем писать, без ошибок. Замполит выдавал ему задание – нарисовать объявление, какой сегодня фильм. Он расписывает красиво афишу, всё по-русски! Мы его спросили: как это ты так умудрился? А он в ответ: так я же среди вас хожу, с вами общаюсь. Просто идеально он говорил и понимал по-русски. Я у него тогда спросил: слушай, **Андрей** (мы его так называли, кажется), а какие у тебя перспективы? А он – какие перспективы, только армия, может, там офицером останусь. Охрана нас за службу в армии у них не считалась, армия шла отдельно. Я говорю, пацан, да тебе учиться надо, у тебя такая голова! А он только вздыхает – где я здесь буду учиться? Такой хлопчина, просто жалко! Это ведь уникам, такой один на тысячу рождается.

Условия в Лубанго были гораздо лучше. Там жили семьи советников. Я своих уже не брал, потому что мне оставался только год. Конечно, было уже веселее. Мы в выходные собирались, всей компанией ехали в горы на пикник, например. К португальцу одному за продуктами ездили.

Этот португалец был очень колоритной личностью. Когда я туда приехал, у него было тринадцать детей! Когда уезжал – уже больше. У него был сад и огород. Нигде я не видел капусты, которую нужно катить по земле, и которую только два-три взрослых мужика могли загрузить в машину! Химикатами они не пользовались, там такой климат, что если есть вода рядом, то всё растёт. Деревья цитрусовые у него в саду стояли рядами: одно цветёт, второе зелёное, третье уже с плодами, а четвёртое пустое, отдыхает. Урожай снимали постоянно. Картошку они не ели, но стали специально для нас выращивать. Клубника у них была круглый год.

Приходим мы к этому португальцу без денег, потому что всё шло на банк. За покупки рассчитывалось по безналу, начальники как-то это подсчитывали. А мы ещё ухитрились меняться. Мы везли много одеколона, водки, у кого-то было с собой радио, вещи, которые не понадобились тут, в Анголе. Простыни особенно шли хорошо, на них можно было многое купить. Наберём мы такого товара и едем к португальцу этому. Как сейчас помню: за флакон тройного одеколона (двадцать копеек он стоил, что ли) можно было купить мешок цитрусовых.

В Анголе народ любит за собой смотреть. Негры постоянно моются, постоянно чистят зубы. Это у них просто хобби такое: на базаре женщина продаёт на что-нибудь и в то же время чистит зубы. И в то же время они очень грязные там. Наверное, поэтому одеколон пользовался особым спросом. У них специфический запах тела, и они его заглушают...

Мы спрашивали у этого португальца: что ты будешь делать с такой кофдой детей? У него их было мал-мала-меньше, три-

надцать штук. Он ещё выглядел как-то затурканно, в шапке ходил прогоревшей, хотя трактор у него был и дом хороший, собачка много во дворе. Он нам рассказывал, что когда в семьдесят пятом году случилась независимость, у него было своё дело, и он решил остаться в Анголе. Таких было немало, и они до сих пор там, я думаю, работают. А насчёт детей сказал так: всех пацанов своих я отправлю в Париж, учиться, а всех девчонок – в Португалию, к родне, тоже учиться. Мы ещё удивились, почему именно так, парней – в Париж. И он объяснил: в Париж девчонок нельзя, там слишком развита проституция, вдруг они тоже станут этим заниматься? Нельзя их туда отправлять! Вот такая логика.

– **Как вы возвращались назад?**

– Возвращался идеально. За два месяца уже знали о дате отъезда. В Лубанго я уже увидел все достопримечательности, музеи, природу. Даже на статую Христа, которая там стоит огромная, близнец той, что в Рио-де-Жанейро, удалось забраться. Вы знаете, что такое **лимонный эвкалипт**?

– **Нет.**

– О-о, это бесподобная вещь! Тот же самый эвкалипт по форме, но с запахом лимона. Особенно если взять листья, сделать из них веник и с этим веником – в баню. Такая прелесть! В Лубанго у нас была шикарнейшая баня, вся в мраморе.

Когда определились с отъездом, начали паковать ящики. Сколько нам килограммов разрешалось вывозить – не помню точно, то ли пятьдесят, то ли шестьдесят, то есть немного. А вещей-то накопилось! У нас ведь на родине в те годы ничего не было, а там – столько хороших вещей, хоть тебе привозят, хоть ты на базаре покупаешь. Видеоаппаратура – у меня видик самсунговский, что я оттуда привез, до сих пор работает. Телевизоры. Наборы хрусталия, чашки кофейные. Берёшь чашку – она поёт, ставишь на блюдце – замолкает! Берёшь кофейник – тоже поёт, ставишь – тишина. Выпил кофе – там тебе на дне чашки женщина улыбается. Красивые были вещи. Пледы, одежда то-

же. Надо было это как-то упаковать, начали ящики приспособливать.

Мы уже знали, что в Шереметьево воруют. Когда в отпуск прилетали, у многих пропадали вещи. У кого-то весь ящик пропал. Мы ухитрились обкладывать наши ящики изнутри фанерой или пластиком. Даже если кто-то сорвёт бумажный верх, то дерево так просто не откроешь, надо пилить, ломать. Мои коробки были разорваны, но дерево сохранило вещи.

Специалист мне на замену не приехал. Только когда я вернулся в Союз, его отправили, но через пару месяцев вернули обратно, потому что началось сокращение нашего аппарата в Анголе. Поэтому технику свою я никому не сдавал, ни в чём не расписывался. Просто закончилась моя командировка, пришли телефонограмма с приказом прибыть в Луанду. Собрали вещи и улетели.

Мы обратно летели вместе с **Сашей Поливиным**, переводчиком. Пацан бесподобный! Мы летели на **Боинге**, кажется, в Менонге. Нашего самолёта не было, а на аэродроме сели филиппинцы, которые возили топливо. Мы к ним пришли, мешок цитрусовых бросили, так и так, подвезите. Они нам – ради Бога, залезайте. Так мы долетели с ними. Я тогда первый раз увидел в самолёте цветной дисплей.

В Менонге я встал на довольствие, забрали ещё несколько соток за еду. А когда туда пришёл самолёт, я без проблем улетел, а те, кто оставался, мне ещё подарочков для своих набросали.

Прилетели в Москву. Разгрузили вещи, всё нормально. Меня встретила жена, дети в Минске оставались – у нас двое детей. У знакомых мы переночевали. На следующий день я пошёл в «десятку» – штаб, который курировал все заграничные командировки, около метро «Кропоткинская», я даже помню, где это. Заплатил там партийные взносы – последние свои взносы, кстати. Нам выдали назад наши документы, удостоверение личности, партийные билеты. И всё, я поехал в Минск.

Проблемы начались, когда я приехал сюда. Потому что звание подполковника я в Анголе получил, а вот должности здесь для меня не было. Предложили ехать на Украину, на майорскую должность. Я отказался – зачем мне туда ехать, если я тут служил всю жизнь? У меня квартира, машина, жена устроена, дети в школу ходят. Да и правильно сделал, потому что не знаю, что бы было потом, если бы я тогда сдал квартиру.

Месяца три или четыре я был за штатом, бросали с одной должности на другую. А потом предложили: пиши рапорт на увольнение, если не хочешь никуда переводиться. Я отказался: если хотите, пишите под сокращение, а рапорт на увольнение я писать не буду. Пустили дело по сокращению, и я был уволен. До пенсии оставался буквально год – двадцать четыре года у меня было выслуги. Могли и за штатом продержат. Но я на них не в обиде абсолютно – такое было страшное время, всё рушилось и пропадало, не только должности. Так окончилась моя военная служба.

– **В каком году вы уволились из Вооружённых Сил?**

– В девяносто первом. А когда встал вопрос об исполнении мной интернационального долга в Анголе, я посылая запросы через военкомат, писал письма напрямую, только ответ был один: **ТЕБЯ ТАМ НЕ БЫЛО**. Эти ответы у меня до сих пор где-то хранятся. То есть, воином-интернационалистом я не являюсь. У кого были справки из Анголы, тот оформил документы. У меня такой справки не было. А мне писали: да, Вы были откомандированы в Москву, в распоряжение «десятки», а дальше следов нет, и где вы были два года – неизвестно.

– **Имеете ли награды за службу в Анголе?**

– Медаль «**За боевые заслуги**». Получил под конец командировки. Мы на юг под Лубанго ехали и сбили самолёт-разведчик. Местные боялись по нему стрелять, пришлось гаркнуть на них, принять решение: взять чёрные пальцы в свои руки и нажать ими на кнопки. Начальник потом говорил: мы тебя на **Красную звезду** (орден **Красной Звезды**) представили,

пустили заявку. Ну, звезда кому-то другому досталась. Я на это тоже не в обиде, кто как мог, тот так и выкручивался.

У меня есть знакомый, **Виктор Григорьев**, замечательный мужик, в Минске живёт. Он работал в Анголе немного по другой линии. А с **Вадимом Сагачко** мы вместе в **Куито** служили.

– Расскажите немного, как сложился ваш последующий жизненный путь?

– После увольнения из ВС я пошел работать по специальности: инженер-радиотехник, инженер по эксплуатации радиолокационных станций – локаторщик, если проще. Работал в институте консультантом. Потом пошёл в фирму, где дозиметры паяли, тогда это было модно. Только зарплата там оказалась никудышняя, а пенсия в те годы была очень маленькая, это сейчас пенсия ещё куда ни шло. Потом мне помогли устроиться в англо-американскую фирму банковских аудиторов, и там я проработал долго, года три. Они здесь учили наши банки международным законам, чтобы выходить на международный рынок. Потом они свое дело тут сделали и закрылись. После этого я устроился работать в «Оптрон» охранником. А потом мы с женой решили немножко побаловаться и уехали в Италию.

Поехали туда просто отдохнуть, а в итоге остались на три года. Устроились мы там на работу. Сначала я работал там «жарденьером», то есть садовником, потом ремонтником, ремонтировал здания, квартиры. И ещё работал в автомагазине, занимался предпродажной подготовкой машин. Получилось, что мы пробыли там три года, три месяца и три недели, помню, что три тройки у нас получилось. Потом приехали назад в Минск. Подзаработали там, конечно, квартиру отделали, машину хорошую купили, детям помогли. Там, если работаешь, можно заработать. Но я рад, что мы приехали назад, потому что если бы мы там ещё задержались, то я бы, наверное, и остался бы. Потому что там можно жить.

– **Вы там изучили итальянский язык?**

– Да, конечно.

– **А в Анголе изучали португальский?**

– Изучали, но очень слабо. Португальский и итальянский, кстати, похожи. Мне в Анголе португальский не сильно был и нужен, а с кем общался, многие и русский понимали. В Италии же надо было работать, разговаривать.

Сейчас я вернулся снова на «Оптрон», и опять работаю там охранником. Уже шестой десяток лет, ничего удивительного. То есть, интеллектуального труда после увольнения из армии у меня уже не было. Только физический, без мысли.

Дети устроились, слава Богу, нормально, есть уже внуки. Жена работает в медицине до сих пор.

Баранов Алексей Владимирович,

ПОЛКОВНИК запаса¹

*Служил в Анголе в 1986–1987 гг. в 5-м военном округе,
19-й моторизованной бригаде.*

Я окончил Харьковское гвардейское высшее танковое командное училище в 1973 г., потом прошёл все ступени службы в боевых частях: командиром танкового взвода, командиром танковой роты, начальником штаба танкового батальона, командиром танкового батальона. В 1981 г. поступил в академию бронетанковых войск и в 1984 г. закончил её с отличием. По окончании академии был направлен для дальнейшего прохождения службы в Дальневосточный военный округ по личной просьбе. Учась в академии, я был командиром учебной группы, учился отлично и имел право выбора округа, но учитывая то, что я за Уралом не был, попросился туда служить. Тем более что я сам родом из Хабаровска. Проходил службу в Амурской области в должности начальника штаба, первого заместителя командира мотострелкового полка на БМП, танковой дивизии.

Это был своего рода эксперимент, когда выпускника бронетанковой академии назначили на должность в мотострелковый полк.

– Там была БМП-1?

– Да, на вооружении полка была БМП-1. Сама организационно-штатная структура немного отличалась от

¹ Запись произведена подполковником запаса Ждаркиным И.А. и к.и.н. Шубиным Г.В. в 2010 г.

стандартной: нестандартность заключалась в том, что у нас в полку было 2 мотострелковых батальона вместо трёх.

Остальной комплект подразделений – это самоходный артиллерийский дивизион, танковый батальон, зенитно-ракетный дивизион, отдельные роты боевого обеспечения и обслуживания, стандартно. При такой организации полк имел и особенности по боевому применению, т.е. мы привыкли к шаблону, имея 3 батальона – два в первом эшелоне, один во втором. Здесь эта схема не действовала, зато была возможность творческого применения подразделений. А сам полк мог применяться в качестве резерва для наступления или действовать самостоятельно в авангарде (арьергарде) танковой дивизии или передового отряда на марше. Имели на вооружении **БМП**, способные преодолевать большие расстояния, в том числе плавать – это была боевая единица, которая предназначалась и для захвата плацдармов при форсировании водных преград. Много было особенностей и при проведении боевой подготовки. За два года службы в полку я приобрел колоссальный опыт, но опыт боевой работы у меня отсутствовал.

В 1986 г. я написал рапорт, чтобы мой опыт службы и знания, приобретённые в академии, могли использоваться более эффективно. Рапорт был удовлетворён, я прошёл все собеседования, в том числе и Военный совет Дальневосточного округа. Войсками округа в то время командовал генерал-полковник **Язов Д.Т.** (в последующем маршал Советского Союза, последний министр обороны СССР)². Он лично задавал мне вопросы. Было принято решение направить меня в распоряжение 10 Главного управления Генштаба. Вместо меня приехал выпускник академии, которому я передал дела и должность. Это было в июне, а в августе 1986 г. я убыл в Москву.

Там разместились в гостинице, ходили каждый день на теоретические занятия. Нам рассказывали об особенностях го-

² Последним министром обороны СССР после **Язова** был в 1991 г. маршал **Шапошников**.

сударственного устройства, вооружённых силах, климатических условиях страны пребывания и т.д. Прошли ещё раз углубленное медицинское обследование. Были мы и в ЦК КПСС, где прошли соответствующий инструктаж и сдали на хранение свои партийные билеты. Переодели нас в гражданскую одежду. В Главном управлении кадров у нас забрали удостоверения личности офицеров, и мы полностью были готовы для отправки в заграничную командировку.

Дней за пять до этого меня срочно вызвали к руководству и предложили отправиться в Анголу. Я знал, что должен убыть в Афганистан. Ведь нам говорили: «в одну из жарких стран». После непродолжительной беседы я принял решение ехать. Нас погрузили в самолёт, и 31 августа мы улетели на **Ил-62** в НРА (Народную Республику Ангола) с посадкой в Симферополе для дозаправки. Приземлились 1 сентября 1986 года утром в Луанде.

Первые впечатления: когда я вступил на трап, было ощущение, что попал в парную баню, а сверху меня накрыли полиэтиленовым мешком – влажность, жара, запах океана, красный цвет земли, а вечером духота и комары.

Разместились мы в нашей миссии, переоделись в камуфляж без знаков различия. Все, кто с нами беседовал, предупреждали о малярии, потому что на берегу океана много комаров – переносчиков этой болезни. Но за время пребывания в Анголе я ни разу не заболел: один мой товарищ дал мне несколько упаковок бальзама вьетнамской «звёздочки» и посоветовал, чтобы я всегда носил её с собой и как только почувствую или замечу укус, сразу мазал ею.

Период адаптации особо не ощущали – молодые здоровые ребята, мне было тогда 34 года всего. Потом мы самолётом **Ан-12** полетели в Лубанго, где располагался штаб 5 военного округа **ФАПЛА**. Самолёт снижался по спирали, чтобы избежать обстрелов. В ночь с 31 августа на 1 сентября 1986 г. под Новороссийском потерпел катастрофу пассажирский лайнер «Адмирал Нахимов». Это было первое, что мы

узнали, прилетев в Лубанго. Поразило, что за 7 минут такая машина ушла на дно.

В округе нам объявили, в какую бригаду поедем, дали туда телефонограмму и я ждал, когда (советники из бригады) приедут за мной. Они приезжали в округ за продуктами, за почтой, запчастями. Через несколько дней пришла машина (**Газ-66**).

Что ещё запомнилось: был такой населённый пункт Матала по пути в бригаду, там базировалась кубинская танковая бригада. В дальнейшем в силу служебных обязанностей мне приходилось налаживать связи с этой бригадой. В частности, у нас не было воздушной разведки, а у них была. Возможности воздушной разведки огромные, и они могли на большой территории отслеживать ситуацию, а мы, к сожалению, нет.

– **На чём они вели разведку?**

– Они вели воздушную разведку на самолётах и нам помогали в этом. Кроме того, у кубинцев был развёрнут военный госпиталь. Там лежал наш советник начальника артиллерии бригады – я его лично отвозил с малярией. Случилось неожиданно. Он приехал позже нас, но укусил комар его ещё в Луанде. А у малярии инкубационный период 7–12 дней. Пока он добрался до нас, приехал и всё твердил: «мне жарко, жарко». Мы ему в ответ: «Ну, пока адаптируешься, потерпи». Он уже в возрасте был. Мы три раза выходили на связь с округом: в 7 утра, в 13 часа дня и в 19 вечера. После 19 часового сеанса ему резко стало плохо, подскочила температура, начал бредить. На местном «военном совете» было принято решение везти его в госпиталь к кубинцам, хотя по данным разведки этот маршрут минировали, а в окрестностях бродили банды.

Я сам вызвался его туда отвезти. **Овчаров Николай Николаевич** со мной поехал. (С ним, кстати, вместе работал **Игорь Ждаркин** на ракетном мобильном гусеничном комплексе ПВО «**Квадрат**»). Мы сели вдвоем в **БРДМ-2**: я за руль, он за пулемёт, больного положили на пол, на матрас. Загружены были полностью: вода, сухой паёк, боекомплект. Ехать 180 км, прое-

хали часа за четыре. Всё, что могли, выжали из машины. Приехали туда ночью, и сразу в госпиталь. Дежурный понял, кто мы. Тут же звонок начальнику штаба, с которым мы были в дружеских отношениях (он у нас в Союзе заканчивал академию), он сам быстро приехал на машине, весь госпиталь через 5 минут был в полной боевой готовности. У кубинцев своя методика лечения малярии: взяли у него анализы и поставили больного под холодный душ. Анализы подтвердили диагноз, его сразу под капельницу – но болезнь была уже в запущенной форме. Мы его забрали только дней через десять (а если бы сразу, то через 3–4 дня уже был бы здоров). Забирал тоже я.

В Матале жили наши энергетика, две или три семьи, с женами. Посменно несли вахту на местной ГЭС, круглосуточно. У нас сложились дружеские отношения: мы подбрасывали друг другу продовольствие. Их жёны выращивали какие-то овощи, фрукты. Поэтому, когда мы ехали мимо, останавливались всегда у них – на обед.

Я рассказывал, как меня поразило снижение самолёта спиралью. Так вот, мы вышли на балкон покурить, и первое, что я увидел, меня поразило не меньше: африканская женщина несла на голове газовый баллон (50 литров), не держа его вообще. При этом она была беременна, за спиной привязан ребенок, а за руку она держала ещё одного. Потом такие картинки повторялись, но в первый раз это произвело потрясающее впечатление.

Теперь насчёт стратегии: мы прекрасно понимали, что наша миссия там заключалась в следующем: мы должны были через военное строительство дать толчок развитию и переходу страны из непонятно какого строя к социалистическому. Мы понимали такие вещи, и когда я приехал и приступил к работе, то сразу разобрался во всей структуре бригады, в организации разведки, боевых действий, связи, учёта личного состава, укомплектованности и т.д.

Мы знали, что согласно их закону солдат должен служить три года, а когда мы столкнулись с действительностью, то уви-

дели, что были солдаты, служившие по 10–13 лет. Выдали ему автомат 10 лет назад, и сейчас он отшлифован был до белого состояния. Иногда без ремня. Солдат спал с автоматом, принимал пищу, из рук его вообще не выпускал. Мы решили обновить личный состав.

На первом этапе предполагали уволить тех, кто отслужил больше 10 лет. Посчитали. Надо было восполнять число убывших. А призыв, ввиду того, что страна была разделена гражданской войной, был достаточно сложной процедурой. Брали призывников на севере, перебрасывали самолётами на юг, а с юга на север, чтобы они не имели возможности дезертировать. Фактов дезертирства никто не отрицал. Помню, был у нас поварёнок. Мы ему дали отпуск за хорошую службу, и он больше не появился, просто исчез. Люди служили в большей степени от безысходности, понимая, что армия давала возможность устроиться в жизни, получить документы. Находясь на службе, они имели какие-то гарантии, в том числе и гарантию безопасности, государство брало их под свою опеку. Интересно было наблюдать: когда им оформляли документы, они выдумывали сами себе красивые имена, замысловатые фамилии, клички.

– **А второй раз не могли его мобилизовать?**

– Не знаю. Сама государственная машина была выведена из строя. И **УНИТА**, и **ФАПЛА** рекрутировали в свои ряды весьма оригинальным способом: на какой-нибудь площади или базаре населенного пункта оцеплялась территория и всех, кто попал, «забривали». Мы тоже это делали. Брали разведроту (они были наиболее подготовлены в военном отношении), механизированную роту. Бригада стояла в обороне, и просто так снять с позиций было не так просто, а разведроты постоянно вела разведку.

И вот оцепляли территорию, собирали всех в одной точке, и командир бригады сам принимал решение, визуально оценивал и отсеивал: этому служить, этому – нет, у народа не было никаких документов вообще. В бригаде организовали учебный

батальон, где новобранцы проходили первоначальное обучение – курс молодого бойца, потом принимали присягу. То есть мы им «навязывали» свою проверенную систему. После присяги молодые солдаты шли для укомплектования подразделений бригады.

Много техники, особенно автомобильной, оказалось поломано или выведено из строя в результате боевых действий. В донесениях мы много раз обращали внимание руководства на эту проблему. В конце концов, в бригаду приехали три специалиста с наших автомобильных заводов (**ГАЗ, УАЗ, УралАЗ**). После осмотра этого «кладбища» машин приняли решение:

1. продефектовать всю имеющуюся технику по маркам и видам;
2. подобрать ремонтников, подготовить площадки и ремонтные места;
3. оформить необходимую документацию (приказы, формуляры и т.д.).

Работа должна была быть выполнена в кратчайший срок, так как мы не могли рисковать этими людьми. Как позже выяснилось, ехать непосредственно в бригаду они не имели права, но хотели оказать максимальную помощь и помогали, несмотря ни на что. За неделю восстановили более половины техники. Мастера своего дела, ремонтники, как говорится, знали машины до винтика. Запчастей не было, но использовалась техника, не подлежащая восстановлению: что-то разбирали, меняли, комбинировали, работали от темна до темна.

Местные командиры и начальники просто «шизели» от того, как они в самой сложной ситуации находили простые и единственно правильные решения, работали не только руками, но и головой. Да и мы сами приобрели опыт восстановления техники в боевой обстановке.

Я как профессиональный танкист приехал как-то в танковую роту на стрельбу посмотреть, как ведут огонь из танков и увидел, что каждый следующий выстрел производится только

после короткой остановки. Я спросил, почему, ведь есть стабилизатор танковой пушки, позволяющий вести огонь с ходу. Пришлось показывать, как это делается. Взял себе лучшего механика, лучшего заряжающего, командира роты посадил на место командира танка, а сам сел за пульт. Нужно было произвести эффект. Для этого пошёл на маленькую хитрость: в танке есть осколочно-фугасный снаряд, а на взрывателе – переключатель на фугасное или на осколочное действие. При осколочном действии снаряд падает и взрывается, а при фугасном зарывается в землю, а потом взрывается (для поражения замаскированных огневых точек – блиндажей и т.д.). А мы сделали так: ставили на осколочное действие и скручивали ещё и колпачок со взрывателя. Только снаряд достигал мишени, получался эффектный взрыв. Мишени делали из подручного материала: ставили колья, ветками от деревьев переплетали – вот и мишень. Но когда попадало и взрывалось – был дикий восторг. Я не только показывал им, как водить танк и стрелять, но и проводил много занятий с танкистами – это была моя вотчина, я хотел передать им все мои знания и опыт и очень старался, чтобы они всё хорошо делали. Они были практиками, знали свои машины «методом научного тыка», потому что воевали на них уже много лет.

Ещё такой момент – учёт личного состава. Был там такой, маленького роста, старший помощник начальника штаба бригады по строевой части и кадрам. «Товарищ» требовал к себе контроля. Был очень говорливый, всё пытался меня «заболтать». Несколько раз я его ловил – он пытался что-то украсть. Приходилось его воспитывать. Хотя воровали там все. Но учить их, как нужно поступать правильно, мы были обязаны. Так что и учёт личного состава в бригаде тоже отработывали.

Солдаты, увольняясь, получали документы на руки – огромный шаг к цивилизации. Даже после увольнения они пытались быть рядом с армией: это и защита, и продовольствие. Бои местного значения шли за материальные ценности, напри-

мер, скот – отбили стадо, потом напали, вернули сколько-то и так бесконечно.

Бригада наша стояла в обороне и поэтому имела три задачи:

первая – оборонять указанный рубеж,

вторая – охрана и оборона в зоне ответственности шириной 70–80 км и глубиной до 120 км военных и государственных объектов,

третья задача – в этой зоне бригада вела разведку. Если появлялись банды, она должна была их уничтожить.

– Кто больше шуровал в зоне ответственности – бригада или УНИТА?

– Трудно сказать, кого было больше. Всех хватало. Как я уже сказал, зона ответственности была большая, и для выполнения задач разведки и боевого охранения необходимо было привлекать достаточные силы и средства.

Несколько слов о том, как занимались подготовкой специалистов. Помню момент, когда в бригаду поступили более современные комплексы, на тренажере всё получалось вроде сносно. Но была боязнь практического пуска. Как это преодолеть? Как их практически учить? Нашли решение. Мы ставили Д-30 (артиллерийские орудия калибра 122 мм) на максимальный угол возвышения, «вешали» осветительный снаряд и стреляли по нему. И они из своих комплексов ПВО осуществляли даже прямое попадание.

Ещё пример – подготовка снайперов. Вот этого я никогда не забуду: объясняешь ему, что для того, чтобы произвести прицельный выстрел, необходимо, чтобы мушка, прорезь, цель и глаз были на одной линии, и плавно нажать на курок, регулируя дыхание, чтобы послать пулю. Он при мне делал так, а целился всё равно по стволу. За короткое время нужно было подготовить 90 снайперов. И здесь очень помогло наше взаимодействие с кубинцами: мы приехали к начальнику штаба кубинской бригады, вместе с которым служила его жена (на Кубе все служат,

кроме детей и стариков, так же как в Израиле – две армии в мире всего, где это происходит). **Фидель** проводил там (на Кубе) мобилизационные учения, и оказалось, что из 11 миллионов жителей острова под ружьё было поставлено 7,5 миллионов в течение суток – все, кроме детей и стариков.

– **Понятно, почему американцы туда не лезут.**

– Вот мы с этим начальником штаба переговорили, он дал десять подготовленных ребят, каждому из них было выделено по отделению (8–9 чел.). Они круглые сутки с ними занимались, тренировались. Кубинцы несколько предвзято, я бы сказал, относились к ангольцам, чем это вызвано – непонятно, ведь среди них тоже было очень много негров и мулатов. Поэтому они занимались с ними очень жёстко. Через 10 дней занятия закончились, мы провели контрольные стрельбы, приняли зачёты, и снайперы были подготовлены.

Подготовкой танкистов и артиллеристов мы занимались очень тщательно. Но в тоже время понимали, что учить в первую очередь нужно было офицеров, то есть самих учителей! В штабе бригады по моей инициативе сделали макет местности – на нем зону ответственности, полосу обороны бригады выложили тактическими знаками. Макет был выполнен на ящике с песком. Для чего? «Каждый командир должен знать свой манёвр», как **Суворов** говорил. На этом ящике мы проводили штабные тренировки, тренировки на местности, заслушивания, военные игры устраивали, что позволяло готовить офицеров, которые совершенствовали свои знания и навыки. После таких занятий они увереннее себя чувствовали. Среди них много было одарённых людей, они тянулись к знаниям.

Я никогда не забуду: в артиллерийском дивизионе был командир взвода разведки – ему природой был дан феноменальный аналитический ум, плюс у него были хорошие наши учителя. Артиллерист – это логарифмическая линейка, подготовка данных для стрельбы и т.д. Он сложнейшие математические операции производил в уме настолько быстро, что все удивля-

лись. Вот, допустим, обнаружили базу бандитов. Туда срочно высылалась оперативная группа.

Она создавалась всегда стихийно, в зависимости от того, какая группировка или база были обнаружены, сколько там бойцов и т.д. Группа выдвигалась туда, и первое, что они делали, – определяли координаты и наносили удар реактивной артиллерией, а потом уже по мере развития событий окружали и т.д. Так вот он постоянно ездил с этой оперативной группой, и если принималось решение о нанесении артиллерийского удара, то там после него уже делать было нечего. Расчёты были точными.

– **А оставшиеся в живых унитовцы уходили?**

– Да. Уходили, разбегались, но от базы «унитовской» уже ничего не оставалось. Но большей частью они гибли.

Нам стоило огромных усилий – целый год мы пробивали везде, во всех разговорах, чтобы его, талантливейшего парня, отправили на учёбу к нам в Союз, в военно-артиллерийскую академию в Ленинград. Такая практика была. В конце концов, это удалось сделать. До моего отъезда он убыл на учёбу.

Много было толковых ангольцев. Командир разведроты, например. Мы с ним дневали и ночевали. Всё свободное время я посвящал ему. Сам парень был такой сообразительный, что мне приятно было, я видел результат своего труда. Его тут же заметили и назначили командиром отдельного разведывательного батальона округа.

Потом помню такие случаи, когда «прилетает» кто-нибудь из штаба бригады – вот такие глаза: там прорвали, там прорвались, там обнаружили, что делать?

Первое. Выключи тумблер «паника». Садись, конкретно докладывай: что, где, когда? Вместе решали, что нужно сделать. Через два-три часа приезжают – всё сделано, опасность миновала.

Приходилось приучать их и к морально-этическим нормам поведения военнослужащих. Был такой случай: отправили как-то разведгруппу на задание в составе пяти человек. Воз-

вращаются двое раньше времени, а где остальные, спрашиваем? Оказывается, группа напоролась на засаду и понесла потери, три человека погибли. Что вы с ними сделали? Бросили там. Пришлось посылать их снова, принесли своих погибших товарищей и похоронили со всеми воинскими почестями, а все остальные это видели и поняли, что их никогда не бросят.

– **Вы два года там были?**

– Вообще командировка предусматривалась на два года. После первого года пребывания положен был отпуск, но я отказался от него. Скажу прямо, сложный психологический момент. Я в те годы служил на Дальнем Востоке. Ехать и расстраивать семью я не хотел. А потом случилось так, что в декабре 1987 г. решили сократить аппарат военного советника в Анголе, моя должность подлежала сокращению. И я убыл окончательно.

– **Дальше где вы служили?**

– Из 10 Главного управления Генерального штаба я был направлен в распоряжение сухопутных войск, оттуда в Забайкалье, затем в штаб Уральского военного округа в г. Свердловск. А после того как Приволжский и Уральский округа были объединены в 1988 г. со штабом в Самаре, я оказался в Самаре. Оттуда меня направили в Западную группу войск, там отслужил 2,5 года и в 1995 г. уволился из Вооружённых Сил в запас.

– **После увольнения в запас чем занимались?**

– Работал в системе МЧС, был помощником начальника центра, затем в 1999 г. мне предложили возглавить областной штаб на выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации, и после выборов я серьезно занялся политикой.

– **Давайте вернёмся ненадолго в Анголу. Что было интересного, запоминающегося?**

– Ну, вот эпизоды, о которых я рассказал – это первое. Второе – это возможность на практике применить знания, полученные в академии, и опыт службы. Мы работали на результат в экстремальных условиях и добивались от своих подсоветных беспрекословного подчинения. Они специфические люди –

клянётся, плачет, падает на колени, а потом всё равно ничего не делает. Только жёсткой системой контроля и полного подчинения можно было добиться результата. Тем более, что лишнего времени у нас не было, а задачи непростые решали, приезжали «контролёры» из округа, из аппарата Главного военного советника, проверяли нашу работу.

Мы ежемесячно готовили и отправляли донесения по команде, в него включались практически все направления деятельности бригады. Готовил их я. Разведка, боевые действия, обеспеченность техникой и вооружением, наличие и состояние запасов, морально-политическое состояние личного состава и т.д., выводы и предложения.

Ещё поражала оторванность людей от цивилизации. Мне казалось – кто-то из нас живет лучше, кто-то хуже, но здесь мы сталкивались иногда вообще с «дикими существами», которые понятия не имели о достижениях цивилизованного мира, об элементарных вещах. Но не они были в этом виноваты. Ангола была колонией Португалии почти 300 лет.

Вспоминаю ещё такой пример. У нас был советник начальника политотдела бригады **Столетнев Володя**. В рамках внутренней работы он нам поручал лекцию прочитать (типа политинформации), политзанятия провести и т.д. Я как-то проводил что-то подобное с офицерами и солдатами штаба бригады. После долгой беседы выяснилось, что они даже не знают, как устроена наша Земля. Объясняю, беру мяч и подношу его к горящей лампочке – вот это Земля, это Солнце, вот так она вращается вокруг своей оси и Солнца, от этого день сменяет ночь. Наверное, целый час я им объяснял это все, потом подходит ко мне один из офицеров (не рядовой!!) и говорит: «Вы, камарада, неправильно рассказываете». – «Как, что неправильно?» – «Солнце каждый день рождается и каждый вечер умирает». Вот и всё. Результат 300 лет колониализма. Люди жили, не имея ни имён, ни фамилий. Был у меня такой случай. Звонят со штаба бригады: поймали пленного...

– Униговца?

– Нет, из Намибии. Я говорю: «Подождите, сейчас приедем». Это был выходной день. Быстро прыгнули в машину, приежаем. Вытаскивают из ямы пацана 16–17 лет, всего избитого, в изодранной одежде. Мы спрашиваем, кто его избил. Никто ничего не знает, молчат. Нашли, короче, в бригаде человека, который немного понимал диалект, на котором тот говорил. Разговор с ним переводили на португальский, потом на русский, и наоборот. Суть вот в чём. Они же все безработные. По радио объявили (это в Намибии происходило): кто хочет заработать денег, приходите на сборные пункты. Он пришёл, подписал какую-то бумагу, ему дали оружие, в течение месяца обучили стрельбе и тактике ведения боя. Потом он попадает в первый бой в Анголе в составе юаровского подразделения. Когда начало гроыхать, он упал, закрыл глаза, стрелял куда-то. В это время к нему подошли сзади, взяли за шиворот и повязали.

– А вооружён он был чем?

– Автоматом бельгийским³. Они его сразу разули, раздели. Это было в 1987 году. Если бы не наше вмешательство, его бы просто убили, а мы обязаны были направлять всех пленных в штаб округа. Уж не знаю, довезли его или нет.

Подвоз материальных средств (ГСМ, боеприпасов, продовольствия) у нас был централизованный. Каждый месяц нам приходили из округа (из Лубанго) колонны.

Всё концентрировалось на окружных складах и раз в месяц колоннами доставлялось по бригадам. Конечно, бандиты охотились за этими колоннами, «продавалась» информация об их передвижении, и частенько бывало, что бригада несла потери и оставалась на месяц без продовольствия. Выход искали с комбригом, думали, как войска накормить. Спасало то, что рядом протекала река Кунене. У них не было кухни, как у нас. Там солдату дают определённое количество продуктов, и он сам се-

³ Бельгийская штурмовая винтовка FN FAL калибра 7,62 мм. Производилась в ЮАР по лицензии под названием R-1.

бе готовит. Учитывая это, организовали в каждом подразделении рыболовецкие бригады. Из маскировочных сетей делали неводы, ловили рыбу, чем и питались. Хочу сказать, что у них (по нормам довольствия) солдату положен был кофе, шоколад и даже пиво.

Рыбаки иногда привозили маленьких крокодильчиков и делали из них сувениры. Некоторые наши забирали потом их с собой, хотя это было запрещено вывозить. Ещё у нас в бригаде, в миссии советников и специалистов, была обезьяна по имени **Кеша**.

– **Некоторые заводили обезьянок специально, они предупреждали об обстрелах.**

– Да. Вы, наверное, правы, интуиция у него работала очень сильно. **Кеша** нам достался в наследство. Мы ему очень долго искали самку. Самцы охраняют самок так, что очень трудно её поймать. Идут даже на самопожертвование ради сохранения самок. Так что **Кеша** был у нас холостяк.

Из живности у нас ещё было две собаки. Одного звали **Рекс** – его закрепили за советником начальника артиллерии бригады. Удивительный пёс был, улавливал звук приближающегося вражеского самолёта ещё до того, как его услышали люди. Помню, лежит рядом с нами в курилке и вдруг резко в блиндаж! – через минуту звук самолёта. Когда советник начальника артиллерии уезжал на КП бригады, Рекс занимал место в **УАЗике** на переднем сидении и с видом «большого начальника» и серьёзной мордой уезжал – выглядело это очень смешно!

Второго пса звали **Мунька** (в переводе Малыш), это был сильный охранник, охранял наше жилище. Щенком его взяли у кубинцев, а вырос он у нас. Никого не пропускал к нам без разрешения.

В качестве развлечения пытались заниматься огородничеством, разводить и содержать кур, козы у нас были – в общем, искали себе занятия для разнообразия, надо было чем-то заниматься.

Я хочу сказать, что когда в космос посылают людей, отбирают их по психологической совместимости. В нашем случае такого, конечно же, не было. Приходилось выполнять одни и те же задачи, всё время находясь в колоссальном нервном напряжении, вдали от Родины, видеть одни и те же лица. Нервную раздражительность и усталость подавляли усилием воли. Эта работа в замкнутом пространстве и в экстремальных условиях меня многому научила.

– **Чем развлекались?**

– Я лично занимался физической подготовкой, бегал. У нас был примитивный спортивный городок, сами его построили из подручных материалов. Я раздобыл в каком-то старом журнале систему **Дикюля**, четырёхударный комплекс и шестиударный. В чём разница? В четырёхударном – 4 дня в неделю занятия, в шестиударном – шесть. Занимался вот этим. Книжки читал, тренировал караул. Хотя мы, конечно, доверяли им, но всё равно по очереди дежурили. Ещё баня была. Тоже сами построили, с парилкой, веники были эвкалиптовые, мылись три раза в неделю.

– **Тренировка караула в чём заключалась?**

– Усиленная физическая подготовка. Обыгрывание ситуаций – как действовать, как себя вести. Очень часто проводили с ними занятия по огневой и специальной подготовке, устраивали внезапные проверки, особенно ночью. Караул состоял из пяти человек (сержант и четыре солдата). Это было одно из лучших подразделений бригады. Ещё из «развлечений» – нарды, шашки, карты.

Служил у нас **Иванов Николай Иванович** (советник начальника ПВО бригады), страстный рыбак. Он постоянно что-то точил, грузила делал, крючки, кинжалы и при этом курил постоянно, чем и запомнился. Как-то пригласил меня на рыбалку. Поехали. Приезжаем на речку, сели метрах в четырёх друг от друга. Робу постирали, бросили на кусты, чтобы сохла. Оружие с собой, конечно. Удочки забросили, сидим, ждём. У него

не клюёт, у меня клюёт. Он начал нервничать. У меня три пойманных рыбы – у него ни одной. Он говорит: давай меняться местами. Поменялись. Я ещё три поймал, а он так ничего и не выловил. Рыбу отдали на кухню. Больше он со мной на рыбалку не ездил.

По поводу рыбалки ещё. **Володя Столетнев** вытащил десятикилограммового сома. Хорошо, что леска была толстая. Руки все изрезал (о леску) и он, и те, кто ему помогал. Потом сфотографировались с ним – сом в рост человека был.

В 1997 г. я с друзьями плыл на теплоходе Самара–Астрахань–Самара. Остановились на стоянку. И я видел, как рыбаки поймали сома и разделявали на раскладном столе. Хребет у него был как у коровы. Стояли по пояс в воде. Два человека держали, двое разделявали. Отрезали куски по 2–3 кг и в ящики складывали. В воде это делается, потому что крови очень много.

Кстати, в Анголе рыба частенько нам служила разнообразием в пище. А в основном рис, «фейжау» – фасоль местная, гречка, тушёнка голландская. Когда были хорошие времена с продуктами, мы кормили этой тушёнкой собак, а в плохие ели её сами, прожаривая хорошенько. Нам давали какие-то деньги, зам. по тылу **Володя Черкасов** собирал их, покупал на рынке овощи, картошку и прочее. Когда он привозил картошку, был пир. Потом **Володя** погиб в автокатастрофе. Он был из Йошкар-Олы. У него остались жена и двое сыновей.

Хлеб пекли сами на полевой кухне. Муку привозили, дрожжи покупали сухие. Самым лучшим мастером по изготовлению хлеба был **Пётр Ивановский**. Он нас всех научил этим премудростям. Вообще должен сказать отдельно об этом замечательном человеке. Он был основным переводчиком, и мы с ним очень много работали вместе. Несмотря на свою молодость, он во многих вопросах повседневной жизни был незаменим. Его всегда отличали рассудительность и практичность. Решения принимал быстро и обоснованно, всегда готов был прийти на помощь, несмотря на свою занятость. Много обязанностей вы-

полнял, был внештатным лекарем, пекарем и радистом.

Вообще о переводчиках хотелось сказать отдельно.

Как я уже сказал, в нашей группе их было двое: **Ивановский Пётр** и **Ждаркин Игорь**. Решали они специфические задачи. Условно говоря, они были связующим звеном между нами и противоположной, т.н. подсоветной, стороной (ангольцами). А у них (у подсоветной стороны) совсем другая психология, вообще другой мир. Порой ребята-переводчики выступали в роли буфера, всякие возникали моменты. И должен сказать, выполняли свою задачу блестяще.

В задачи дежурного входило и изготовление хлеба. Мы много не пекли, потому что хранить его было негде. Через два дня опять пекли. Он быстро пропадавал – жара. Утром пили кофе с лимоном, в обед делали нечто вроде лимонного компота (вода с лимонным соком и сахаром, охлаждённая).

У нас был трофейный холодильник. Рядом с нами стояла рота радиотехнической разведки, и от дизеля мы протянули провод к себе в расположение. Горели три лампочки, работал холодильник. Мы туда ставили этот компот, он охлаждался нам на радость. А вечером чай опять с лимоном. Через две недели я некомфортно себя почувствовал. Сказал ребятам, они велели два дня не есть лимоны. Организм должен адаптироваться, привыкнуть к ним.

Ещё мы сами выращивали бананы. Деревья стояли рядом с баней и с кухней. Бананы были маленькие, но вкусные и сладкие. Когда видели, что гроздь уже поспевает, её обрубали, занесли в блиндаж на пару дней, она доходила в темноте и прохладе. Они отличались от тех, которые мы покупаем в магазинах. Привозили с рынка капусту, картошку, фрукты.

Однажды приехал зам. по тылу бригады и предложил нам взять свинью. Мы согласились на обмен: за свинью отдали ему козла и пару коз на развод.

Пётр Ивановский её посмотрел и говорит: да она поросная, через 5–6 дней будут поросята. И точно. Сидим, играем в нар-

ды вечером после ужина. Прибегает дежурный с огромными глазами: наверное, рождает. **Пётр** пошёл, принял роды, обмыл этих всех поросят – через месяц такие носились «торпеды»...

Как праздник – мы готовили молочного поросёнка, набивали его кашей и на противень в полевую кухню **КП-125**. Топили её, кстати сказать, красным деревом. Ещё есть **КП-130** – она уже на солярке. А у танкистов есть **ПАК-200** на базе **Зил-131** – тоже на солярке, на два котла и духовой шкаф, как раз для танкового батальона.

Когда я командовал батальоном, у меня хозотделение готовило обед из трёх блюд на ходу за 50 минут. И больше всех ездил в отпуск командир хозяйственного отделения. Вопрос отпуска решали на общем собрании. Если говоришь: два человека могут поехать в отпуск, то первая кандидатура всегда была командира хозотделения, потому что он их всех кормил. Так было, когда я в Чехословакии служил. Он и котлеты делал, и пирожки, и плов в полевых условиях. Очень был толковый парень. Солдаты вообще не хотели уезжать с полигона. Но спали там мало: больше четырёх часов спать не давали, потому что проводилась очень интенсивная боевая подготовка. Когда солдат приезжал в расположение части, ему говорили: возьми метлу, подмети территорию, так для него это было счастье. Ему танки и стрельба очень надоедали.

– **Танки какие были?**

– Танки были **T-62**. Кстати, о танках: мне повезло, потому что я заканчивал Харьковское гвардейское танковое училище, где изучали самую современную технику. Там было конструкторское бюро, которое возглавлял знаменитый **Морозов**, который с **Кошкиным** и **Кучеренко** создали танк **T-34**. В общем, живая легенда. Он каждый год приезжал к нам на выпуск. Завод там свой был. Он теперь Украине достался. Я изучал новейшие образцы (**T-64**, **T-72**, **T-80**), а служить пришлось и на старых машинах – **T-55**, **T-62**. С таким багажом мне легко было учиться в бронетанковой академии, где изучали все моди-

фикации машин, как свои, так и зарубежные. Изучали не только устройство, правила эксплуатации, но и самые эффективные способы применения танков, включая зарубежный опыт. Один из преподавателей рассказывал, как наши танки **Т-72**, проданные в Сирию, действуя из засады, уничтожили израильскую танковую бригаду (60 танков **Меркава**) за две минуты боя. Даже был приказ по израильской армии – в открытый огневой бой с танками **Т-72** не вступать. Это ещё раз подтверждает, что **наши танки – лучшие в мире!**

– **Вы знаете все наши танки, включая и новый Т-90?**

– И этот тоже.

– **Чем сейчас занимаетесь?**

– Живу в г. Самаре, работаю в Самарской губернской думе. У меня два сына, взрослые уже ребята. Старший закончил один из престижных военных вузов России, сейчас живет и работает в г. Москве. Младший – экономист, окончил университет в Самаре, сейчас трудится в Санкт-Петербурге. Семья – это моя опора и гордость!

P.S. После описываемых мною событий прошло уже почти 25 лет. Быстро летит время, многие детали нашей жизни в Африке стираются из памяти, плохое забывается. Это, наверное, естественно, всё помнить невозможно, да и сами воспоминания уже переосмыслены. Должен сказать, что нам повезло: мы имели возможность увидеть другой мир, внести в его развитие свою маленькую лепту, сделать чуточку лучше. Это была наша жизнь, мы были молоды, амбициозны, внутри нас кипела романтика. И САМОЕ ГЛАВНОЕ, НА МОЙ ВЗГЛЯД: задание правительства страны мы старались выполнять добросовестно, честно и с достоинством, несмотря ни на что.

В заключение хочу сказать: дай Бог всем ветеранам и участникам тех событий крепкого здоровья, счастья, благополучия и долгих лет жизни!!!

Баранов А.В.

В расположении 19-й бригады. **А.В. Баранов** – крайний справа.
Слева – тропический вариант внедорожника **УАЗ-469**

Возле внедорожника УАЗ-469

Жильё советских советников и специалистов 19-й бригады
зимой в саванне

На пироге на рыбалке. **Баранов А.В.** – последний

С трофейной западногерманской штурмовой винтовкой Г-3 (G-3)
калибра 7,62 мм

Советники и специалисты 19-й бригады.
Баранов А.В. – второй справа

Советские военные советники и специалисты 19-й бригады
у своего жилища

Тихомиров Александр Николаевич,
старший лейтенант запаса, военный
переводчик¹

– **Когда ты служил в Анголе?**

– Я служил в Анголе в 1987–1989 гг. Приехали мы в июне 1987 г., улетели в июне 1989 года.

– **Расскажи, пожалуйста, каким образом ты оказался в Анголе. Как тебе об этом сообщили, ожидал ты этого или нет, что по этому поводу думал?**

– Я изучал в Ленинградском университете испанский язык. Проходил стажировку в Республике Куба – год обучался в Гаванском университете. Предполагалось, что по окончании университета я поеду в Республику Куба, по линии ГКЭС, гражданским переводчиком. Уже даже подыскивали мне там нормальное место. Во время учёбы я работал с делегациями при посольстве. Предполагалось, что я, как и основная часть наших выпускников, по линии ГКЭС поеду в Республику Куба.

Но на военных сборах нам сделали предложение, от которого, как сейчас говорят, нельзя отказаться. Было сказано: пишите рапорта о том, что добровольно хотите в Вооружённые Силы, а кто не напишет добровольно, тот поедет в Таджикистан, Узбекистан, в те самые «Термез, Кушка и Мары – три советские дыры». Кто напишет «добровольно» – поедет в Афганистан, Анголу и другие «жаркие республики нашей страны».

¹ Запись сделана 8 мая 2010 г. в Санкт-Петербурге подполковником запаса Ждаркиным Игорем Анатольевичем.

Все, кто с нами на сборах был, – коллеги и с английским языком, и с испанским, португальским, французским, – рапорты написали. Стало понятно, что после окончания университета я попадаю в Министерство обороны и поеду служить военным переводчиком на два года «куда пошлют». Хотя потом выяснилось, что призывали не на два, а на три года. Первоначально говорили, что призывают на два.

Когда сдавали серьёзные экзамены по языку в кадрах, ездили специально для этого в Москву, ещё будучи студентами последнего курса университета, проходили дополнительную медкомиссию. А так как я до этого год профессионально работал на Кубе переводчиком и работал на синхроне на Фестивале молодежи и студентов в Москве в 1985 г. (нас сразу на синхронный перевод поставили, потому что в Ленинградском университете языковая подготовка была очень приличной), экзамен я сдал прилично.

– **Это было управление кадров 10-го управления Генерального штаба?**

– Я сейчас уже точно не помню. Дали адрес в военкомате, сказали: езжай туда, в кадры, там будет медкомиссия и там же будут принимать язык. Кто-то сдал, кто-то нет, ребята языком по-разному владели.

Я сдал сразу, как говорится, «влёт». Говорил по-испански практически без акцента, это сами кубинцы признавали. Мне сказали: раз ты на **Кубе** уже был, поедешь по линии Министерства обороны на **Кубу**.

А в **мае 1987 г.**, то есть примерно за месяц до окончания университета, я встретил своего коллегу – был такой **Володя Печерский**. Он потом тоже в Анголе оказался, первый год служил военным переводчиком в Союзе, другие два – в Анголе. И он мне говорит: был в военкомате, где ему сказали, что мы, испанисты, едем с испанским языком не на Кубу, а с португальским и в Анголу. Так я об этом и узнал: от приятеля, в коридоре общежития университета.

Но мы-то были испанисты! И пикантность ситуации состояла в том, что у меня в красном дипломе с отличием стояли две четвёрки: одна по военной кафедре, вторая по португальскому языку, который у нас был вторым. Потому что когда сокурсники учили в Питере португальский, я в это время учился в Гаванском университете, как раз испанский совершенствовал. А когда приехал, меня, чтобы диплом не портить, преподаватели попытались португальскому языку обучить, но, в общем, условную четвёрку поставили. Я понимал, что я недостаточно владею португальским. Когда меня выпускали, так и сказали: мы Вам четвёрку по португальскому языку ставим, но при условии, что Вы никогда не согласитесь работать с португальским языком, потому что Вы им не владеете! Не раз бывали такие ситуации, что испанисты приезжали работать с португальским языком, и им приходилось устраивать на месте нечто вроде дополнительных курсов.

А в Министерстве обороны логика была совсем другая: так как экзамен по испанскому я сдал отлично, а в дипломе португальский есть, то, видимо, считалось, что я и им владею хорошо. И объявили: поедете в Анголу с португальским языком. И – самое интересное – уточнили: не забудьте написать завещание. Это меня, конечно, сильно удивило, мягко скажем. Нам сказали: если завещание не напишете, то всё, что вы там заработаете – а деньги-то немаленькие по тем временам – отойдёт государству, а так хоть родственникам достанутся. Я спрашивал, для чего это, и услышал в ответ, что там, бывает, постреливают. Конечно, это насторожило. С другой стороны, выбирать было не из чего, так что решил: ну и ладно. Тем более, предупредили, что строим там никто не ходит, все обращаются друг к другу «**Иван Иванович**» или «**Пётр Петрович**», «здравствуйте», и так далее. Во многом это оказалось правдой, так и общались.

Потом вызвали официально и сказали: езжайте в «десяtku», там будет полковник **Сунцов** или **Иванцов**, точно не помню, два коллеги с похожими фамилиями, один на отправке, другой на приёме. Всё – закрутилось, попал в систему.

– От многих ветеранов приходилось слышать, что когда они прилетали в Анголу, первая мысль была: «Боже, куда я попал?» Помнишь, как ты летел, что чувствовал, какие мысли пришли в голову, когда прилетел на место службы?

– Дело было так. В Москве нас отправили на улицу Матросская Тишина, где выдали костюмы. Ведь в СССР тогда был дефицит, все ходили в одинаковых костюмах. Правда, выдали хорошие летние португальские ботинки. И мы, все наряженные практически одинаково – в шерстяных костюмах, а на дворе июнь – сели в самолёт на международный рейс. «Аэрофлот», кстати, марку держал: на всех международных рейсах и обслуживание было хорошее, и виден был «фирменный стиль», стюардессы, всё красиво, качественно. Правда, раньше на рейсах можно было курить, а с нами летели полковники, в частности, полковник **Донцов**, который сам, видимо, не курил, и потому нас гонял. Приходилось всё время бегать в тамбур. Вот тут я уже почувствовал, что кажется, я действительно в армии (смеётся)!

А когда прилетели, впечатление было, конечно, тягостное. Потому что хоть я и бывал уже на Кубе, но уровень развития и благосостояния не шёл ни в какое сравнение! На Кубе улицы чистые, никакой разрухи нет, все коммунальные службы функционируют нормально, вполне прилично одетый народ на улицах, все в джинсиках ходят, чистые, электричество есть, магазины работают, хоть и по карточкам! Куба от Союза мало отличалась – ну, победнее, но не сильно, все нормально развито! А здесь... Пока проехали от аэропорта Луанды до военной миссии... Во-первых, все чёрные кругом – довольно странное с непривычки ощущение, на Кубе хоть есть и белые, и мулаты, а тут – одни чёрные, белых лиц совсем не видно! К этому я месяца два-три привыкал, ловил себя на мысли, что странно, они все тёмные, со своим белым цветом кожи чувствуешь себя не в своей тарелке.

Во-вторых, у нас прямо в аэропорту забрали паспорта и сказали: эти свои паспорта вы увидите через два года, когда по-

летите обратно, – те, кто полетит. Документов и погон вам тут никаких не будет, общение только по имени-отчеству, безо всяких званий. Ежели чего – сами знаете, в пистолете один патрон или гранату держите для себя, потому что если в плен попадёте, мы вас за своих признавать не будем. Поэтому лучше в плен не попадайтесь: по джунглям затаскают на верёвке за собой, от малярии там загнётись или от того, чем вас кормить будут, если будут, или от климата этого...

Приехали мы в военную миссию. Там нас несколько дней инструктировали, что в каком округе происходит, где что находится, куда предстоит ехать, что можно есть и чего нельзя, как проходит акклиматизация. Инструктаж, между прочим, был очень правильный и полезный. Сейчас наши туристы ездят по жарким странам и привозят оттуда тропические болезни, потому что не знают, как себя вести, никто же не учит – продали путевку, и всё, ежайте! А нас хоть по минимуму в первые дни сориентировали.

Потом, когда нас начали распределять по округам, наверное, учитывали, что университет окончил, хотя не знаю, что там у меня в личном деле было написано. Я приехал в звании лейтенанта, не так, как ребята-ускорники². К ним в основном относились как к детям, старались ими заткнуть любую дырку. А тут – всё-таки выпускник университета приехал. Более вежливо общались. Тем более, статус у ЛГУ всегда был высокий. В итоге мне сказали: будешь работать с химиками, транспортниками, медиками, назвали определённую номенклатуру. И добавили: поскольку знаешь испанский, то если что-то понадобится разбирать с кубинцами, то это тоже будет твоя работа. Такие надобности возникали, конечно, в основном по праздничным дням.

– **Часто доводилось с кубинцами работать?**

– Периодически. Меня и ещё одного парня, курсанта **Вадима Бадамянца**, почему-то всегда посылали к кубинцам, причём по всяким общественно-политическим поводам. Видимо,

² Ускор – десятимесячные курсы иностранных языков.

учитывали то, что я на Кубе работал с делегациями высокого уровня – скорее всего, где-то в личном деле это проскочило. Поэтому и посылали к ним – например, на Первое января, это день кубинской революции: «поезжайте-ка, товарищ лейтенант, вот курсанта с собой ещё возьмите, и выступите-ка там от имени советской военной миссии, поздравьте-ка кубинских товарищей с Днём Революции».

– **То есть, посылали не переводить, а самому выступать?**

– Именно, поезжай и от нашего имени там выступай. Приехала за нами 1 января 1988 г. кубинская машина, и лейтенант **Тихомиров** и курсант **Бадамянц** от всей советской миссии, в отглаженных рубашках, сели в эту машину и поехали выступать перед кубинскими товарищами. Нас «проинструктировали»: мол, скажите, что мы дружим, поздравьте их. Мы действительно дружили – отношения с кубинцами были очень хорошие.

Мы приехали почти ночью, там ведь темнеет быстро. Огромный плац, освещённый прожекторами. Там был выстроен как минимум полк, буквой «П». Все в парадной форме, в белых перчатках. Стоит микрофон. И объявляют: нас приехали поздравить товарищи из советской военной миссии, сейчас они нас поздравят от имени советской миссии с революционным праздником.

И выходит к микрофону лейтенант **Тихомиров** (*смеётся*)! Ну, лейтенант **Тихомиров** всё-таки учился на Кубе, и нас учили хорошо: я наизусть помнил письмо **Че Гевары** к **Фиделю**, есть такой знаменитый документ. А **Че Гевара** – фигура на Кубе культовая. Даже **Камило Сьенфуэгос** был не настолько культовым, как **Че Гевара**. Это сейчас **Че** на всех футболках, а раньше такого не было. На Кубе почти на каждом углу висел его портрет – этот знаменитый, в берете.

Вот я и решил... Поздравил и говорю: а теперь, коллеги, поскольку мы так хорошо относимся друг к другу, помогаем,

в качестве подарка я вам прочитаю письмо **Че Гевары к Фиделю**. Эмоций хороших по отношению к кубинским ребятам у меня было много, и я прочитал им в микрофон это письмо. А у них глаза на лоб лезут: советский офицер, без акцента, на испанском языке и наизусть! Впечатление, конечно, было феерическое! Всё это рассказал, поздравили их от советской миссии. Офицеры скомандовали «смирно», и весь этот полк как хлопнул каблуками! Такой звук был звенящий. Понравилось страшно, конечно, им. Хорошо, что мы не растерялись. По отзывам потом слышал, что кубинцы были в восторге, что советские с таким уважением относятся к их традициям, их взглядам, тем фетишам, которые для них важны, знают их историю. А тогда – сказали нам спасибо, угостили, потом снова дали машину, и мы поехали к себе в миссию.

– То есть, никто там даже не заметил, что приехал лейтенант, а не полковник или хотя бы майор?

– Может, внимание они и обратили, но поскольку мы были у них в гостях, они нам ничего не сказали. Потом, во-первых, было темновато. А во-вторых, погоны – у них погоны были, и знаки различия тоже, и звёзды, а у нас никаких погон не было. На испанском говорит хорошо – может, посчитали, что приехал тот, кто надо. Не знаю, какие они выводы сделали.

– Во время службы в Анголе много доводилось работать именно с кубинцами? Участвовать в совещаниях, в боевых действиях?

– Конечно, специально на кубинцев нас там не ориентировали. Единственное, где мы сталкивались напрямую – это Куито-Бие, помнишь, 4-й округ. Мы туда прилетели, там какую-то операцию готовили, потому что были сведения, что с территории ЮАР проникли какие-то группы, которые собирались проводить активные действия вместе с местными партизанами. А в Куито-Бие довольно сильная была кубинская миссия, и, как я понимаю, довольно серьёзная группировка войск там находилась.

Мы приезжали туда несколько раз. Принимал участие в совместном планировании ряда операций, только точных фактов сейчас уже не помню. Речь шла, насколько я понимаю, о координации действий: кто и где должен находиться, кто и где разведку проводит, кто куда докладывает, как будут взаимодействовать подсоветные ангольские войска и так далее. Помню совещание, в котором ангольские коллеги участия не принимали вообще! Были только советские и кубинские офицеры. Кроме таких случаев, с кубинцами я не работал, в основном с ангольцами.

– На совещаниях пригодился твой опыт синхронного перевода?

– Не то слово. Этот опыт нужен – если владеешь этим навыком, то фактически управляешь разговором. Потому что бывают случаи: заходит подполковник и начинает говорить что-то невнятное. А потом спохватывается: чего не переводишь? Я ему: так вы же ещё ничего не сказали. Потому что из всех этих вводных конструкций переводить, в общем-то, нечего. Можно, конечно, попытаться перевести эту белиберду, но она никакой информации не несёт, и ничего, кроме смеха, не вызовет. Когда у меня уже и португальский более-менее нормально пошёл, навык синхронного перевода³ очень пригодился. Если решаются какие-то спорные вопросы, то именно на тебя начинают кричать и топтать ногами, а не на того, кто это сказал! Приходилось и осаживать: уважаемые, вы это не мне, вы ему скажите, я инструмент здесь, а не собеседник.

Опыт синхрона, опыт работы с делегациями полезен для построения разговора таким образом, чтобы он был информационным по сути, и чтобы тебе самому было удобно переводить, когда формируешь течение разговора. Как дирижёр в оркестре. Этому нас специально учили. Учили и корректировать

³ Синхронным переводом способны заниматься лишь 10% переводчиков. Для этого необходимо не только очень хорошее владение иностранным языком, но и врождённый навык. (*Прим. ред.-сост.*).

какие-то шероховатости: бывает ведь в разговоре, все люди горячие, начинают руками махать, кричать.

– **И «мать-перемать» тоже?**

– Ну, «мать-перемать» – такого не было. На совещаниях с подсоветной стороной старались быть корректнее, матерились только при каких-то частных контактах. Не припомню в официальной обстановке каких-то грубых выражений или матерщины. Всё-таки все были заинструментированы по уши, старались цензурной лексикой пользоваться и даже фразы строили неприлично вежливо. Однако я всё-таки работал с делегациями высокого уровня – Генштаба, например. У них были и политические мотивы – не дай Бог, международный скандал, или ещё в Союз сообщат и меры против них примут. Да и нас учили: если и бывают какие-то шероховатости в речи, то их надо поправлять, потому что хороший переводчик – это тот, который сглаживает такие «углы». Нас в университете специально ориентировали, что в разговоре мы, переводчики, должны строить разговор так, чтобы люди получили максимально полную информацию и остались довольны и друг другом, и тобой.

– **Как часто доводилось ездить в командировки по округам?**

– По округам – раз или два раза в месяц. Бывало – на три дня, на неделю, на две недели. Это зависело от задач, которые надо было решать. Много ездил, когда работал с транспортниками. Понятно, что сообщение по воздуху – только до окружной столицы, а дальше формирование колонн, расфасовка грузов по колоннам, и вперёд на места. Охрана там бывала и ангольская, и кубинская. Нужно было и сопровождение колонн организовать, и с авиацией связаться для поддержки. Попадали и в такие места, куда нога белого человека не ступала – например, район Сауримо, где вообще не было ни кубинских, ни наших войск. А мы ездили туда на алмазные прииски – самолёт случайно не пришёл, и ангольские товарищи повезли нас от города Сауримо до города Дундо по старой португальской трассе. Ею мало

кто пользовался, и местами она заросла. Нас посадили в разные грузовики: если один на mine взорвётся, то хоть в других люди живы останутся. Только мы их не послушали, решили, что если судьба на mine подорваться, так уж лучше всем вместе, но вместе как-то надёжнее. Поехали в одном грузовике. Дали нам негра, он пулемёт на крышу кузова поставил, и так всю дорогу стоя ехал, по кустам посматривал.

Приехали на место. Пигмеев видели. Интересно, конечно: полянка рядом с дорогой, стоят маленькие кимбы – домики плетёные. Я думал вначале, что это какие-то загончики для животных, потому что домики совсем маленькие. Вижу: оттуда дети с копьями вылезают! А подъехали поближе – у детей лица совершенно взрослые! Тут стало понятно: это настоящие пигмеи. Они выскочили оттуда стремительно, смотрят на нас ошалевшими глазами. Я понял, что белых они не видели никогда, потому что подбегали к нам, шупали за форму, пальцами показывали, пытались за лицо потрогать, за руки. Наши ангольские товарищи себя сразу почувствовали такими мощными, цивилизованными (*смеётся*)! Начали пигмеев угощать печеньем, они ели его с удовольствием, в общем, расстались довольные друг другом.

Похожая ситуация произошла в самом Дундо: мы приехали, собрались дети, начали галдеть, трогать за форму. Наши ангольские коллеги вынуждены были их разгонять. Наверное, если бы к нам в Россию, куда-нибудь в Рязанскую область в тридцать втором году привезли чёрного, ребятишки бы сбежались глядеть, потому что необычно! Я себя в такой роли примерно и почувствовал.

А Дундо – «бриллиантовый район» на заирской границе, где алмазы добывают. А охраной этого района без участия советских советников командовал португальский полковник! Ну, поскольку мы были всё же коллеги, ангольцы нас туда привели, мы немного посидели в доме этого полковника, выпили, закусили. Чем этот полковник был интересен – когда шла война за

независимость (1961–1975 гг.), он отличался большой свирепостью, чуть ли не сам резал головы ангольским партизанам и на кольях выставлял для устрашения! Боролся с партизанами активно и эффективно. А когда эти партизаны пришли к власти в 1975 г., они его нашли в Португалии (!), он уже в отставке был. И поскольку на своей шкуре знали, как он умеет лупить партизан, предложили ему очень хорошие деньги, хорошее обслуживание (денщиков одних у него было человек десять, и это только те, которых я видел!), билет с открытой датой в Лиссабон. И всё это только для того, чтобы он организовал охрану этого «бриллиантового района» от оппозиционеров **УНИТА**⁴. Насколько я могу судить, с него там пылинки сдували и выполняли его распоряжения раньше, чем он успевал их отдать. Он нас вполне вежливо принял, мило пообщались. Хотя у меня сложилось впечатление, что ангольские коллеги не хотели нам его показывать и вообще афишировать, что он у них есть.

Сводили нас в Дундо в музей быта при королеве **Жинге**, то есть что было до колониального захвата – шикарный там музей! Что меня там поразило, так это самогонный аппарат: демонстрировали, как в этой провинции до португальского завоевания производили спиртные напитки! Вся конструкция классическая – только всё это в виде глиняной печки выложено, медные какие-то трубки, железо использовано местами! Демонстрировали, как делали эту «капороте» или «каньому».

Чем ещё запомнился этот визит? Чисто, свет, вода, местные ребята на корте в теннис играют. Совершенно чистый городок, цивилизация почти европейская. Показали нам заирскую границу. Понятно, что в нашем понимании она никак не охранялась, местные племена живут – часть на ангольской территории, часть на заирской, друг к другу в гости ходят и никто их не останавливает.

Попали мы сюда случайно – не пришёл в Сауримо самолёт. Сообщили, что самолёт прилетит в Дундо, и мы на нем

⁴ От оппозиционных группировок **ФНЛА** и **УНИТА**.

улетим. Большим желанием там, как мне показалось, не горели советским все эти достопримечательности показывать, просто нас девать было некуда до отправления. Так мы совершенно случайно с таким интересным португальским полковником познакомилась, который гонял своих нынешних коллег, когда они были партизанами, а он представлял колониальную администрацию (*смеётся*)! Такие бывали интересные случаи.

– **А из чего обычно состояли колонны, которые вы формировали? Какие машины, какие грузы?**

– Машины охранения – обычные «Уралы», с кабинами и бортами, обшитыми железом и бронеплитами, без крыши. На них чаще всего ездила кубинская охрана. В кузове ставились зенитные установки для применения по наземным целям, специальные дополнительные щитки наварены по бокам, такие, как башни на линкорах. Всё это кубинцы мастерили сами. Если было известно, что по дороге мост взорван или просто речку надо преодолеть, то шли **КРАЗы** – машины инженерного обеспечения, краны...

– **Понтоны?**

– Ну да. Грузы были – рис, топливо, консервы, медицинских материалов не помню, и боеприпасы, конечно.

– **Как осуществлялось сопровождение колонн с воздуха?**

– В основном сопровождение с воздуха обеспечивалось кубинской авиацией, если охрана была кубинская. Например, знаменитая дорога Менонге–Куито–Куанавале: колонны, которые ходили там, прикрывались с воздуха вертолётами **Ми-24** с кубинскими экипажами. Кубинцы их называли «бычок» (*novillo*), на бычка он был похож в их понимании. Хоть я и не знаток тактики применения вертолётной авиации, думаю, они работали сменными парами. Задача была отвисеть немного впереди над колонной, обнаружить засаду, если таковая была, и попытаться её нейтрализовать. Чтобы советские вертолётчики сопровождали колонну, я не сталкивался.

– **А были совместные кубинско-ангольские колонны?**

– Возможно, они и были, но у меня впечатление, что кубинцы свои колонны водили сами.

– **Ваша помощь при этом требовалась?**

– Наша помощь кубинцам не требовалась, они знали всё, что надо, совсем не хуже нас, может, и лучше.

– **Очень многие переводчики рассказывали про свою работу в Анголе следующее: приезжаешь – а там никто не говорит по-португальски. Или – кто-то говорит по-испански, кубинцы те же, а испанский и португальский хоть и похожи, но понять кубинцев трудно. А советник требует: ты же переводчик, так переводи! Были подобные трудности непосредственно у тебя?**

– Ну, «переводчик – так переводи!» – это правильно. Как я уже говорил, я приехал с таким знанием португальского языка, которое слабо, в общем-то, позволяло что-либо переводить нормально, несмотря на все мои навыки синхронного перевода. Помню, как в первый раз я поехал в командировку. В меня оставили каком-то помещении, советники вышли. Тут заходит португалец и задаёт вопрос, а я не понимаю, о чём он спрашивает! Потом переспросил, и, наконец, догадался, корень слов примерно одинаковый: он спрашивал, почему я тут один-одинёшенек сижу. Только ведь постоянно переспрашивать не будешь. Поначалу бывало, что из двадцати фраз, которые сказали, две-три перевёл, как попало. Многие советники, к счастью, меня понимали: парень только приехал – ну, ладно, привыкай! Месяца два-три пройдёт, всему научишься, ничего страшного, ты мне самое главное говори, а по карте я сам разберусь. Потом я уже сам ездил, рассказывал всё, что надо.

Ездишь, например, с медиками, много раз в медицинское училище, где ангольцев готовили. У них свои тетрадки, конспекты, они по ним занятия проводят, а я перевожу. А потом мне медик говорит: слушай, у меня тут другие задачи, а ты уже столько раз меня переводил, всё знаешь, вот тебе тетрадка, рас-

скажи им всё это на португальском, – а там по-русски всё написано. Какая разница, буду я читать, а ты переводить, или сразу ты – всё равно они только тебя будут слушать, меня они не понимают! В результате я фактически преподавал в медицинских училищах организацию и тактику медицинской службы. Конспекты у наших врачей были грамотные. Сам уколы делал, пока с медиками работал, если надо было.

Я знаю, что некоторые ребята на операциях переводили и потом принимали участие в операциях. Бывало, конечно, что и в обморок падали. Я сам гробовой командой командовал, когда наших (советских) покойников в кубинский морг отвозили, в холодильник. Когда впервые туда попал – честно говоря, сам чуть в обморок не упал. Запах формалина, и вообще не по себе, голова покруживалась. Так что представляю, каково было переводить на операциях, особенно в первый раз. А потом – ничего, привыкали. Негры ведь тоже, бывало, падали в обморок, не могли делать операции. И переводчики работали в качестве медсестёр, инструменты передавали хирургам, скальпели, зажимы, прочее. Хирурги порой просили: «Пока ты ему объяснишь, давай лучше сам помоги!» Человека спасти надо, а пока переводишь, он ведь умереть может! Слава Богу, сам я с операциями не сталкивался, но уколы и перевязки делал, это было.

Не знаю, как называется гробовая команда на самом деле, а выглядело это так. Мне дали двух мамлеев в подчинение – то есть младших лейтенантов.

– **Ангольских?**

– Нет, наших, переводчиков. Полковника одного убило⁵ и переводчика из Киевского университета, **Олега Снитко**, я с ним в **Анголу** летел одним рейсом, в соседних креслах сидели, сок попивали, беседовали, два месяца прошло – и его убили... Задача была – принять погибших, в клубе гроб поставить и цветы, прощание организовать, фотографии найти, потому что вывозили в цинках, так чтобы родственникам фотографии пере-

⁵ Полковник **А.И. Горб**.

дать. Чтобы запечатлеть последние почести, церемонию прощания, чтобы не просто запаяли в цинк и увезли...

Ещё мы ездили в аэропорт, решали вопросы с ангольской таможней, потому что тело не так просто отправить, санитарные нормы надо соблюсти. Давлением и подмазыванием занимались, короче. Я как раз столкнулся с тем, что этот гроб уже запаяли, уже положили в ящик из-под БМ (ракеты для РСЗО **БМ-21**), подвозим его на грузовике к нашему гражданскому самолёту. Надо загружать гроб через люк в багажное отделение, а по трапу спускаются новоприбывшие. Спускается один такой – привет, ребята, вы из военной миссии? Мы: да. Он: а я на замену **Андрея Иваныча** такого-то приехал! Ему же интересно, мы для него первые русские, которых он в Анголе видит! И спрашивает: как там этот **Андрей Иваныч**? А мы: а **Андрея Иваныча** только что в ящике в багажное отделение погрузили. Не знаю, что испытал этот человек. Только с трапа сошёл и оказалось, что приехал на замену человека, которого убили. Мы с ним столкнулись.

– **Полковник Горб Андрей Иванович, который погиб в районе Куито-Куанавале?**

– Да-да-да. Человек приехал ему на замену, и спросил нас о нём. Он по трапу сойти ещё не успел, а ему уже показывают, что с такими, как он, может случиться! Наверное, сильное впечатление у него от **Африки** осталось, ужас, конечно!

– **По поводу перевода с языка куаньяма.**

– А, по поводу куаньяма – это уже из серии приколов. Надо было выяснить, ушла ли колонна **СВАПО**. Приезжаем мы туда. Стоят эти товарищи в очень похожих на советские фуражки тридцатых годов кепках-восьмиклинках, в пиджачках, но все с автоматами. Спрашиваю: по-английски говорите? Нет. По-португальски – тоже нет. По-французски – тоже нет. По-испански – ноль. Я на четырёх языках говорю – никакого результата. А переводить-то надо, «переводчик – так переводи!» Я вспомнил, как на Кубе один наш товарищ покупал молоко.

Это была примерно такая же сцена. Заходит мужичок, только приехавший, по-испански ни бум-бум, подходит к продавцу-кубинцу и говорит: «М-м-м!» и делает движение, как за сиськи дергает, потом опять – «м-м-м!» и показывает то же самое! Кубинец смотрел, смотрел, потом спрашивает: «Молоко?», по-русски, потому что давно с русскими работал.

Я стал примерно также объясняться: «др-р-р» и показываю, будто баранку от машины кручу, а потом на часы. Мне в ответ показывают: два часа. Я говорю, что колонна ушла в два часа. Старший группы мне и говорит: «Видишь, молодец, всё перевёл, а говоришь, что не знаешь!» Там люди с юмором все. А эти племена только на куаньяма разговаривали, других языков не знали. Наверное, был у них старший, который португальский знал, но в тот момент его не было. А они сидели, как партизаны на завалинке – впрочем, они и были партизанами. Вот так я переводил с куаньяма на русский (*смеётся*)!

– **Каковы были первые впечатления от первого боя или от первого обстрела? И где это случилось?**

– Случилось это в Луэне в 1987 г. Ближе к концу года, месяц я сейчас уже не вспомню, конечно. Записей я никаких не вёл. Мы были с полковником **Маркиным Петром** – отчества не помню – по транспортным делам. Там работал такой **Миров Иван Иванович**, главным был советником по транспортным делам. В тот раз **Ивана Ивановича** куда-то отправили в другое место, и мы полетели в Луэну с товарищем **Маркиным**, он, насколько я помню, был из Одесского военного округа. Всё, что надо было, мы сделали, колонну сформировали, грузы кучками на складах разложили и к отправке приготовили. А самолёт, как обычно, не пришёл! И нам пришлось оставаться в Луэне на субботу и воскресенье. Делать в эти дни, конечно, совсем было нечего, но следующий самолёт прибудет только в понедельник.

Была, конечно, идея использовать «частника»: там ведь работала не только советская авиация, ангольцы нанимали ещё и

международную авиацию для гражданских грузовых перевозок. И туда летал «Геркулес». Вот он в пятницу прилетел, уже было известно, что нашего самолёта не будет, и я предложил – давай, мол, на «Геркулесе» улетим, зачем нам здесь до понедельника торчать! И даже с экипажем «Геркулеса» договорились, они согласились без проблем. Платы за проезд не взяли, только попросили, чтобы мы связались с Луандой, им бы оттуда назвали наши фамилии – для отчёта, что они пассажиров на борт брали. Никаких паспортов, ничего не потребовали – лица-то белые, и так ясно, солидарность, мы же все – Европа! А **Пётр Маркин** не хотел сообщать, что собрался лететь на «капиталистическом» самолёте, решил – нет, лучше останемся. Остались. Дали нам комнатку. Света, естественно, не было, на улице темно.

Только мы, что называется, штаны сняли, в трусах стоим. Вдруг – такой квакающий звук, и как дало! Началось. А Луэна – там холмы на окраине, где мы остановились. И две водокачки. Одна действующая, другая нет. Водокачка, которая располагалась рядом с нами, была недействующая, но **унитовцы** ночью перепутали и попытались провести атаку на недействующую водокачку. Начали обстреливать из-за холмов из миномётов, а дом советской миссии метрах в ста от этой водокачки находился! Там рядом заброшенная железнодорожная станция, португальская.

Чем они ещё стреляли, как мне потом знающие люди объяснили: ставят большую деревянную рогатку, в неё – бээмовский⁶ снаряд. Летит он, конечно, в белый свет как в копейку, однако в зависимости от того, как эту рогатку поставить, куда-то это всё-таки попадает.

Наступает группа **унитовцев**, которая должна была эту водокачку взорвать. Стрельба. В нашей военной миссии все бегают, люди уже на балконах залегают, **БТР**⁷ во дворе заводят,

⁶ Ракету от РСЗО **БМ-21** или от **БМ-14**.

⁷ **БТР-60ПБ**.

а темень-то кромешная, свет же включать не будешь, понятное дело! Завели этот **БТР**. Народ уже, смотрю, вещмешки собирает, потому что обстрел шёл очень сильный – и автоматный, и миномётный. Народ уже на балконах, некоторые лежат, огонь из-за мешков с песком ведут, все бегают, надо ли эвакуироваться – непонятно.

Тут, наконец, «проснулись» местные ангольские войска, а напротив стояла батарея гаубиц **Д-30**⁸. И вот такая картина: из-за холма **унитовцы** в наш дом, то есть в эту водокачку, минами шарашат, а в ответ эти **Д-30** – через наш же дом, через наши головы и по ним, в темноту, наугад. Я думаю: вот сейчас опустит анголец ствол этой гаубицы чуть пониже, и ровненько влепит в наш второй этаж! А лестница в нашем доме снаружи. И крыша шиферная, и никакой другой крыши на этом доме нет. И вот мы с **Петром** стоим в трусах, и непонятно, что делать: бежать во двор – а если туда мина попадёт, двор-то – колодец, со всех сторон обстроян, и тогда все осколки соберем, или же сидеть в комнате – а если крышу пробьёт, крыша-то прямо над нами, так тоже прямиком по голове попадёт. Альтернатива небогатая, в общем. Ощущение такое, что ноги просто к полу примерзают, стоишь, и куда двинуться? В голове какие-то мысли работают, а ноги плохо двигаются. Потом, слава Богу, как-то разобрались, куда-то всё же выбежали. Но, видимо, эти гаубицы стреляли хорошо или же **унитовцы** поняли, что водокачка не та, но довольно быстро всё это прекратилось.

А в командировку только с пистолетами ездили – автомат тяжело таскать.

– **Когда формировали колонны, самим ни разу не приходилось ходить с этими колоннами?**

– Мы ходили с колоннами. И на **Куито-Куанавале**, помню, ходили. Но Бог миловал, как говорится, никаких проблем у нас не было. Естественно, по бокам дорога была заминирована, но впереди шли сапёры и разминировали. Когда я сам ездил в такие рейды, нападений на колонны не случилось.

8 Д-30 калибра 122 мм.

– Ты был в Куито-Куанавале, когда там уже были расставлены кубинские блокпосты?

– Там были не только кубинские, но и ангольские блокпосты. Ямки на обочине, шлагбаум импровизированный из какого-нибудь корявого бревна, навес, где стоят часовые.

– Это уже 1988-й год?

– Точно не помню, или конец восемьдесят седьмого, или начало восемьдесят восьмого. По времени не могу привязать, там ведь нет зимы и лета, там дождь или не дождь.

– Да, некоторые товарищи вспоминают, что время там просто сливалось и смешивалось, и сейчас трудно вспомнить, в каком месяце что случилось или даже в каком году. Были такие ощущения, что время остановилось, и уже трудно вспомнить, когда что происходило?

– Ну, кроме того, уже двадцать с лишним лет прошло, ты не забывай. Привязаться к месяцу тяжело ещё и потому, что там всё время лето, только оно делится на дождливое и сухое. Поэтому и смешивается. У нас – четыре сезона, можно привязаться к весне, к осени, так далее. А к дождям привязываться – так и в сухой период гроза могла быть.

Опять же – куда едешь. Одно дело, когда едешь к экватору поближе, а другое – в Менонге, а там пустыня, которая всегда одним цветом. Однако раз я видел в пустыне заморозки! Это точно была тамошняя зима. Вышел я как-то из землянки, и смотрю: песок блестит. Смотрю внимательнее – точно, иней. Да, зимой иногда на земле бывают заморозки. Надеваешь на себя свитер, куртку, а солнце всходит – и начинаешь раздеваться опять до футболок. А к вечеру – обратно одеваться.

– Вернёмся к формированию колонн. «Уралы» использовались для прикрытия, а какие ещё машины были задействованы, куда грузили боеприпасы, еду, топливо и прочее? Может, были топливозаправщики?

– Бензовозы я помню. Тягачи – однозначно не советского производства. А боеприпасы на бразильские «энижеты» укла-

дывали. На **25-е (Энжеза-25)** в основном еду, а на **50-е (Энжеза-50)** – боеприпасы.

О самолётных перевозках помню больше. Я ведь в аэропорту много работал, грузили и бомбы, и топливо. Бомбы – каждая в деревянной клетке. Однажды было страшно, когда на взлёте или на посадке отстрелили тепловую ловушку. Она полетела между самолётами, один из которых бомбами загружался, а другой – топливом. Хорошо, что от этой ловушки ничего не загорелось, потому что весь аэродром взорвался бы к чёртовой матери! Она ударилась в большую загородку из шин, рассыпалась и постепенно затухла. Вот такой случай был.

– **«Уралы» в качестве транспортных машин не использовались?**

– Я не помню. Помню в основном «энжезы».

– **По возвращении из Анголы ты не остался служить в Вооружённых Силах?**

– Я такой задачи для себя и не ставил. Мои интересы находились не в военной плоскости. Когда я приехал, выяснилось, что нас призывали не на два, а на три года. Но два года я уже отбыл на службе, а в восемьдесят девятом году началось сокращение штатов в армии. Очень удобно было пустить под сокращение тех, кто призывался с гражданки – то есть, таких, как я. У меня спросили, не хочу ли я делать карьеру в армии, и я ответил, что, в общем-то, нет. Уволился по сокращению штатов. В девяностом году за свои деньги переучился на специалиста по внешнеэкономическим связям в **ЛИМИ**, Ленинградском институте международного менеджмента. Это было первое, ещё советское, платное образование. Учили четыре месяца, и учили хорошо. Читали лекции те, кто не понаслышке разбирался в рыночной экономике, и наши, и итальянцы. Тогда же я устроился на работу в выставочное объединение «Линект», где работаю по сей день. Занимаемся морской, транспортной, авиационной тематикой. С этого года открывается небо: будут разрешены полёты частной лёгкой авиации на высоте до 300 метров. Это фак-

тически дает зелёный свет деловой авиации, тому, что уже существует во всем мире.

А морская выставка – это гражданская морская выставка «Нева», она вышла на четвёртое место в мире, если не считать китайского сегмента.

– **Вы имеете награды от флота, это так? Лично ты?**

– Мы являемся членами **Союза российских судовладельцев**, членами Ассоциации морских торговых портов, членами Союза производителей нефтегазоборудования. Я сам – член Морского Совета при правительстве Санкт-Петербурга. Наши выставки несут не только торговую нагрузку, но и продвигают некоторые отраслевые интересы. Нельзя назвать это лобби в полном смысле слова, но всё же некое общественное продвижение. Мы продвигаем на международный рынок и российский флот, и нашу продукцию, и связи, некоторые политические задачи по укреплению позиций наших судовладельцев в морской отрасли, в транспортной сфере, в экологической. В прошлом году была десятая морская выставка «Нева», она проводится уже девятнадцать лет. И Морская коллегия при правительстве Российской Федерации за подписью вице-премьера **Иванова Сергея Борисовича**, председателя Морской коллегии, вручила мне в связи с достигнутыми выставкой успехами медаль «**За заслуги в морской деятельности**». До этого, когда с флотом были определённые проблемы, эту тему никто не поднимал, весь флот уходил под иностранные флаги. Мы вместе с Союзом российских судовладельцев пытались продвигать интересы нашего флота. В 2003 г. в связи с 300-летием Санкт-Петербурга проводили Морской форум России, приложили к этому определённые организационные и финансовые усилия. Поэтому у меня есть ещё медаль от Союза российских судовладельцев, от Ассоциации морских торговых портов, поскольку некоторые функции мы выполняем в интересах этой ассоциации.

– **Пару слов о семье.**

– Женат. Дочка окончила экономический факультет Санкт-Петербургского университета.

Учения в Анголе. 1988 г.

Тихомиров – третий слева. Куба. 1985 г.

Куито-Куанавале 1987 г.

Корольков Владимир Анатольевич, старший лейтенант запаса¹

О службе на юге Анголы

После окончания одногодичных курсов ускоренного перевода при Военном красном знаменном институте, бывшем военном институте иностранных языков, наш курс португальского языка был отправлен в Анголу в сентябре 1986 г.

– **Какое впечатление произвела Ангола?**

– Ангола произвела, конечно, удручающее впечатление, потому что когда мы вышли из самолёта, все были мокрые как куры, вынутые из супа. Мини-тепловой удар был получен одномоментно. Потом мы приехали в миссию, расположенную в центре столицы страны – Луанде.

Там переоделись во всё тропическое, впечатление от происходящих событий было как во сне. Непонятно, куда и зачем попали, что нас ждёт в будущем...

Португальский язык нас спасал в Москве. При наличии денег и при большом дефиците мест мы могли пойти в гражданском в любой ресторан – в «Прагу» или в «Арагви», где на португальском языке «объясняли» халдею (швейцару) всё, что помнили из учебника португальского языка о жизни **Владимира Ильича Ленина**. Он смотрел на нас квадратными глазами и пропускал – иностранцы всё-таки. Так оттачивалась манера поведения переводчика, который в любой ситуации должен быть находчивым и за словом в карман не лезть.

¹ Запись сделана 24 апреля 2008 г. к.и.н. **Г.В Шубинным**.

Что было в Анголе в первые дни, я слабо помню, потому что мы бурно отметили наш приезд. И все ждали – кого и куда распределят...

Меня распределили во 2-ю бригаду. Коллеги смотрели на меня с жалостью, жали руку и обещали приехать в гости. Но что такое 2-я бригада я понял, только попав туда.

Летели мы на **Ан-12** на юг до Лубанго в штаб округа в провинции Кунене. Очень красивый и просто потрясающий город, построенный ещё португальцами, в свое время (по легенде) был курортным местом для лётчиков «люфтваффе» во время Второй мировой войны.

И когда я проснулся в Лубанго, у меня было полное ощущение deja vu: я тем летом отдыхал в Крыму, и у меня было полное впечатление, что я опять нахожусь в Алуште – вокруг горы, опоясывающие город, похожий стиль строений, прозрачность воздуха и зелень вокруг. Стоя на балконе нашего общежития, две минуты соображал, где же я нахожусь? Потом понял, что я уже в Африке и сильно поразился сходству.

Затем меня отправили в Лубанго во вторую бригаду – 300 километров на **Уазе (УАЗ-469)**. Была оказия, переезжали какие-то люди, меня взяли на прицеп и повезли туда.

Первое впечатление от 2-й мотопехотной бригады было удручающим: в саванне с редким кустарником, иногда переходящим в рощи баобабов, на территории 15 километров рассеяна эта закопанная в землянки бригада.

– Вооружения бригады?

– Танковые подразделения – танки **Т-55** (два батальона по 22 танка, итого – 44 штуки), взвод РСЗО **БМ-21** (четыре штуки) и **БМП-1**, **БРДМ-2**, **БТР-60ПБ** и приданный взвод **Зу-23-2** (четыре штуки). **Стрела-10** (два взвода – восемь штук). В общем, использовалась достаточно старая техника. А **Шилок** и **Оса-АК**, и даже **ЗГУ-1** и **ЗПУ-4** у нас не было.

Основным вооружением бригады служили пушки **Д-30** калибра 122 мм. Рассчитывали постоянно дальность стрельбы –

на какое расстояние мы можем подпустить подразделения противника, как прикрыть фланги. Пушек **ЗИС-3** (калибра 76 мм) и **М-46** (калибра 130 мм) у нас не было.

От границы с Намибией от нас было 100–140 километров – вообще как таковой её не было. Там начиналась уже низина, а в болотистой местности растительность была более обильной. Однажды по нашим подсчётам мы уже заехали в Намибию, а по картам – ещё не доехали 20 километров до границы. Негров спрашивали – они не понимали ни на португальском, ни на английском, ни на куаньяма. И люди были совершенно по-другому одеты – пастухи в оборванной одежде и в рваных шляпах с широкими полями времён конкистадоров – где они их достали, я не понимаю. Объяснялись языком жестов.

Местные племена произвели на меня неизгладимое впечатление. Примерно такое же, как и я на них. В первые полгода я старался приспособиться к португальскому языку, потому что книжный португальский язык, который мы изучали в институте, совершенно не совпадал с разговорным.

В первый же день приехал наш полковник из Лубанго и взял меня с собой куда-то, где ему надо было объясняться по технике с командиром нашей бригады. И он спрашивает – сколько у вас в наличии танков? Я перевожу как учили – сколько у вас боевых машин? Командир бригады на меня смотрит и спрашивает – а что вы имеете в виду? Какие боевые машины? И вдруг наш полковник смеётся и спрашивает: танк штейнь? (Сколько танков?) Кяторзе (Четырнадцать).

– Понял, как надо разговаривать? – спросил меня полковник. Я понял очень крепко и начал спрашивать всех местных, как что называется. Но простые бойцы обычно называли **лендровер лендрровером**, пушку – канон. Обычно аббревиатурами обозначалось. Автомат – **АК**. И только начальник вооружения знал, что это **АКМ**.

Я пытался узнать, как называется какое-то животное или цветок, но все эти мои попытки были обречены на неуспех, по-

тому что любой цветок называли просто цветок. А любое животное от червячка до льва они называли бишу (животное). Один раз прибегает местный кадр говорит: рядом с вами бишу съела корову. Оказалось, что лев пришёл ночью в соседнюю деревню в полукилометре от нас, где стояло несколько африканских хижин – кимб. Причём и в центре нашей бригады ночью каким-то образом оказался лев и сожрал корову.

Нас охранял взвод из 12 человек. Они не только охраняли нашу миссию, но и готовили еду и исполняли хозяйственные нужды. Повар уже наблатыкался русских слов – готовил блины и картошку. Готовил он, естественно, на дровах, благо дров там было много. Дерево (забыл название) имело очень пористую древесину и давало большой жар. Местность там была достаточно лесистая. А дизеля мы использовали для электроэнергии, но не для приготовления пищи.

– **Что-нибудь смешное?**

– Вспоминаю празднование 8 марта 1987 г., когда нас пригласили местные товарищи на какую-то виллу, где жили командир бригады и несколько ангольских офицеров с жёнами. Начиналось всё очень хорошо – на поляне накрыли большой стол, выступали молодёжные группы и пели песни, женщины в красных рубашках плясали, флажками махали. В общем, застолье затянулось до часа ночи. А когда пришло время разъезжаться по домам, то все наши были пьяные, кроме меня. А я имею права с 1983 г., и мне говорят – садись за руль **УАЗ-469**.

А со старшим **Лёней** мы всё время дискутировали – потому что просёлок был разбитый: от нашей миссии до штаба бригады – волнообразные кочки, через которые **Лёня** всегда ездил на первой скорости, переваливаясь. Я говорю: **Лёня**, ну нажми на газ, поедем на второй передаче – километров 40.

Нет, нельзя, – отвечал он. Трансмиссию угробим, лопнут рессоры, лучше всего преодолевать препятствия на пониженной передаче. А я говорю: чем выше скорость, тем выше реактивная сила и меньше кочки будут чувствоваться.

И вот думаю – дай испытаем мою теорию. На двух **УАЗиках** едем, на переднем я. А ночью ехать в Африке – тьма крошечная, ничего не видно, только в свете фар иногда блестят глаза тушканчиков или ночная бабочка отражается и быстро упархивает.

И я, втопив педаль газа на скорости 80 километров в час, лечу на всех парах через саванну; вторая машина, конечно, отстала. Но действительно, до поры до времени не трясло. Пока не въехали на всём скаку в танк **T-55**.

– **Как он там оказался?**

– На следующий день командир взвода объявил смотр строя и песни. Он должен был проверять чистоту танков у своих подчинённых. Те выкатили, не долго думая, в час ночи танк из защитной траншеи прямо на середину дороги и начали его протирать водой, а потом, как водится, бензином. Я удивился смекалке негров: вместо того чтобы спать, вытащили танк и начали его чистить.

Но на крутом повороте я тоже скорость не снижал и въехал прямо в танк. Хорошо, что ехал на **УАЗике**, который у нас уже капитально ремонтировался раза четыре и был уже практически списан, но наш техник-прапорщик **Володя Близнюк** из Кишинёва «поднял его из руин», и он более-менее ездил. И я со всей дури в этот танк вписываюсь. Танк даже не подвинулся, конечно. **УАЗик** превратился в хлам, причём даже синяка ни у кого не было. Все перепугались, из машины выбежали – капот в гармошку, но никто не пострадал.

Я выучил у местных аборигенов несколько фраз – здравствуйте, как дела, как здоровье, как ваша семья, не хотите ли сфотографироваться, любите ли вы конфеты.

– **И сколько стоит?**

– Такой вопрос там не задавали – был прямой товарообмен. Мы меняли 90 килограммовый мешок сахара на 90 килограммов мяса (полтуши коровы нам отрезали). Ставили на весы, взвешивали один в один.

У местных племён был в субботу или в воскресенье день обмена бюстгальтеров на мыло. Кто-то получал от Красного Креста и от муниципалитета тапочки, мыло, полотенце, бюстгальтеры, трусы, маленький пакет риса, муки, сахара. Стоит женщина и из пакета ест сахар. Я говорю своему охраннику: спроси, зачем она ест сахар? Как зачем – для здоровья. Так же они ели таблетки. Считалось, что любая таблетка однозначно прибавляет здоровье. И у туземцев радость: даёшь ему таблетку – значит, белый человек заботится о его здоровье.

Я начал практиковаться в местном языке. Подхожу с цветным фотоаппаратом «**Полароид**» к двум красоткам и спрашиваю на местном диалекте: можно с вами сфотографироваться? Одна из них падает в глубокий обморок, а вторая с криком убегает. Местный охранник объясняет – они белого человека видели два раза в жизни, а тут он подходит с какой-то штукой непонятной, наводит на них и ещё говорит на их диалекте – такое воспринималось на уровне чуда или колдовства.

– **Сколько ангольцев служило во 2-й бригаде?**

– Порядка трёх тысяч бойцов.

– **Про генерала Королькова?**

– Я в 1987 г. в отпуске провёл в два раза больше времени, чем следовало. У меня тогда сын родился, а до этого я отдыхал на юге. На службу опоздал. Прихожу в «десятку» числа 15 сентября.

На меня там смотрят и говорят – ты должен был улететь в июле. Где был? Болел. Где справки? Есть справки. А чего раньше не вылетел? Билетов не было. Каких билетов – вон касса под боком (на Фрунзенской набережной) – пошёл быстро. В общем, говорят – чёрт с тобой, лети в Луанду, там с тобой разберутся. Прилетаю туда, смотрю – ситуация накалилась, и я зашёл к захавшему туда **Пете Ивановскому** – что делать? Пиши рапорт, говорит: свои ошибки искуплю кровью. Моя вина тяжела, но отправьте меня на передовую, то есть во 2-ю бригаду.

Генерал на меня орал, а наш кадровик сидел рядом и спрашивает: а кстати, генерал армии **Корольков**, командующий ракетными (или сухопутными войсками – уже не помню), это не ваш дядя? А меня чёрт дернул ответить: ну почему же дядя?

– Свободен, – сказал генерал и рапорт подписал, и я поехал опять во вторую бригаду. Они решили, что это мой отец. А попасть два раза в Анголе в одно и тоже место было почти невозможно. Обычно через полгода-год производили ротацию: тех, кто сидел в бригаде, посылали в Луанду и наоборот. Но Луанда мне не нравилась: жарко, влажно, болезни, делать после работы нечего – сидишь, спиваешься в этом муравейнике и выйти некуда...

А во 2-й бригаде хотя мы и сидим в лагере, но предоставлены сами себе. У нас было очень хорошее продовольственное обеспечение бригады – и тушёнка, и выпивка, свой повар, свои продукты – меняли тушёнки и сгущёнки на фермах на овощи и фрукты.

Наших было там от 8 до 12 человек в разное время, а переводчик – я один. На второй год **Диму Герасимова**, случайно оказавшегося в бригаде под предлогом нехватки одного переводчика, удержали на полгода. Мы там хорошо куролесили. Я – в ПВО, а он работал в бригаде.

Там во 2-й бригаде было весело – люди весёлые, климат весёлый, особенно их зимний период – температура +50 градусов в тени, а ночью –1. Подходишь с утра умываться, а вода в бачке замёрзла. Не спасает никакая одежда и матрасы – ночью тебя трясёт от холода, организм не может перестроиться из-за такого перепада температур. Местные там мёрзли, как мухи – не выдерживали сосуды и сердце. Была мечта купить в отпуске шерстяные носки и лисью меховую шапку.

«Сухой закон» тогда пытались распространить и на Африку. Особенно бдительно за этим смотрел замполит и сказал: вместо того чтобы спать, я буду заниматься спортом. В послеобеденное время в пик жары (сиеста) он занимался в тенёчке ганте-

лями. Дозанимался до такой степени, что организм ослаб, и он подхватил что-то похожее на малярию и упал в обморок. Когда отвезли в госпиталь, малярия не подтвердилась, но истощение организма и полный упадок сил и его более-менее привели в чувство. В жару надо ходить в форме, в кепке или панаме...

Самый смешной момент был, как мы ездили за мясом. У нас почему-то не было мяса, и мы обратились в муниципалитет, чтобы нам выделили быка в муниципальном стаде. Мы приезжаем – в загоне пасутся коровы и быки. Приносим бумагу с печатью, что миссии советских специалистов выделяется туша быка. Нам говорят – вот ваш бык пасётся. Берите с собой. Но нам нужен не живой бык, а мясо. А он: вам дали – вы его и бейте. Пришлось из автомата в быка стрелять. Пока мы его застрелили – это была целая испанская коррида. Бегал, в него попасть не могли, автоматы были не пристрелены. У меня чехословацкий идиотский автомат с откидывающимся прикладом. А мы не готовы были, что будем быка терзать. И было его, бедного, жалко – весь израненный. Короче, позвали местного умельца, и он с одного выстрела быка застрелил.

Смешной момент был, когда поехали мы как-то раз менять сахар (у нас было много сахара) у местного племени в 40 километрах от стоянки нашей бригады. Приехали туда часов в семь вечера и начали обмен. Мы торопились, но не тут-то было. Выходит вождь племени и говорит: такая радость – белые люди приехали, вы не можете просто так уехать – мы сейчас стол накроем. У них там столешницы из спиленного баобаба. Сели мы за стол. А я не отпускаю нашего охранника **Жустиньо**, потому что не понимаю местный язык. Вождь говорит только на местном языке, а **Жустиньо** нам переводит. Нам дали выпить местный буафо – крепкую настойку на маисе. Мы выпили за здоровье вождя, произнесли речи. Я думаю, надо завязывать, а то вождь начнёт своих жён к нам подталкивать: если у них кто породнится с белым человеком – авторитет и статус местного вождя сразу поднимается, вождь занимает главенствующее по-

ложение у себя в округе, а все остальные должны ему подчиняться.

Вождь говорит – нет, вы не должны уезжать, теперь попробуйте наше фирменное блюдо. Принесли глиняные пиалы, а там что-то типа морской капусты. Я говорю нашим – не ешьте. Да ты что, отвечают, это смертельная обида. И эти два дурака наших съели. А так как я перевожу, то местные не видят, ем я или нет. Я говорю **Жустиньо**: спроси, пожалуйста, заместителя вождя, что это такое. Тот отвечает: это самое почётное наше блюдо – специальная травка, которая растёт на поляне, её собирает любимая жена вождя, потом пережёвывает два часа. Затем травку замачивают в подсолнечном масле, высушивают на крыше, и её пережёвывает вторая жена вождя. Замачивают опять в масле, опять сушат на крыше, потом пережёвывает третья жена. Потом замачивают в моче молодого поросёнка, высушивают и подают к столу с маслом. Понятно, что наши идиоты это сожрали. И я всю дорогу ехал в очень весёлом состоянии. А те на меня всё удивлялись – чего ты смеешься?

Мы приехали как раз к ужину, и я рассказал рецепт. А потом скрывался от этих идиотов до полуночи – они пытались в меня выстрелить. У этих двоих приступ: выпили тут же все запасы виски, чтобы промыть кишечник алкоголем. Кричали – почему эта сволочь **Корольков** нам не сказал? Я сразу на несколько часов слинял. Они по кустам из автомата стреляли, думая, что я там, кричали – сволочь, мы тебя убьём. Это урок на всю жизнь – жрать там ничего незнакомого нельзя.

Но наши военные советники были не большие энтузиасты вылезать за пределы 2-й бригады и предпочитали сидеть в двухместных землянках, где мы жили. Только у старшего была отдельная землянка. У нас была построена беседка, своего рода зал заседаний. Там мы планировали военные мероприятия, собирались каждое утро. Я читал политинформацию, прослушанную вечером по радио на английском и пор-

тугальском из транзисторного приемника, что во всем мире говорят про Анголу...

– **Охота?**

– Ездили, конечно. Стреляли из **АКМ**, из пистолета **Вальтер** калибра 9 мм я убил там 41 змею. Рекорд.

– **Зачем? Просто так? Заползали куда не надо?**

– (Укоризненно) Змею убивают не просто так, а из инстинкта самосохранения. Идешь, а она сидит на дереве и может свалиться тебе или твоему товарищу на голову, поэтому её надо убить.

Поймите, там всё что ползает, живёт и растёт – очень вредоносное для человека. Оцарапал руку какой-то колючкой – рана не заживает неделю, потому что каждое растение содержит яды. Не всё можно есть. Даже если едят местные, белому лучше не есть. Непонятно, какой будет реакция организма на незнакомый продукт. Например, мобоку – типа хурмы или ореха. Размером с хороший круглый помидор в толстой кожуре. Его хранили до полугнилого состояния и потом ели. Вкус просто потрясающий и невероятный, но пахнет дерьмом. Считается деликатесом. Ни разу ни в одной книге – ни у **Джералда Даррелла**, ни у других – нет даже намёка на мобоку.

Или плод баобаба – висит такая восьмигранная груша в корке. Корку отдираешь, а там начинка напоминает нашу засохшую пастилу. Её размачиваешь в воде и ешь.

По поводу заколдованного для белых места. Оно находилось на подъезде к порту Намиб (бывший Моссамедеш). По преданию, эта территория была заколдована местными шаманами ещё в незапамятные времена против португальцев. Так рассказывали уроженцы тех мест, служившие солдатами у нас в бригаде. И несколько раз, когда, несмотря на предупреждения, туда пытались проехать наши колонны, двигатели машин и грузовиков (в том числе с дизельными двигателями) глохли, останавливались. Люди пытались пройти пешком, но некоторые ломали себе ноги. И все возвращались. То есть это проклятие существовало на самом деле.

По поводу женских причёсок (подсолнечное масло на голове, смешанное вместе с коровьим дерьмом), откуда идёт традиция. Дело в том, что племя **мамуила** считается одним из самых красивых на юге Африки. И португальские колонизаторы как могли этим активно пользовались. Тогда старейшины постановили: надо женщинам и девушкам племени носить причёски, смазанные коровьим дерьмом и подсолнечным маслом. Запах получается исключительный! Количество посягательств со стороны португальцев сразу резко сократилось. Соответственно, сократилось и число новорождённых мулатов.

По поводу болезней. Один кубинский полковник в Лубанго влюбился в красивую ангольскую мулатку, танцовщицу. Она его наградила болезнью под названием «гонконгская роза». Это когда член распухает в виде розы и разрывается. Противоядия почти не существует – остается только ампутировать член. И он застрелился, к сожалению.

Другая страшная вещь – манговые мухи. Человек срывает манго, села на руку мушка, он потерял кожу руки и потом в институте тропических болезней в Москве ему делали два года операции – выковыривали червячков и личинок из руки. И комиссовали.

Малярия – тоже очень опасная болезнь. Не дай бог её не долечить, последствия страшные – полный паралич или смерть. Причём она переносится по-разному, строго индивидуально. Нет иммунитета, можно раз 15 ею переболеть.

Кубинцы появились в Каапе в 1987 г. Сдвинулись с 13-й параллели на юг. Их было много, причём наблюдалась постоянная ротация. Приходят одни кубинцы, а через неделю появляются уже другие, 30% старых кубинцев осталось, а 70% – новые приехали. Куда делись прежние – непонятно, наверное, их перевезли в другой район Анголы. Мне запомнился женский кубинский батальон ПВО **Зу-23-2 «Зеушка**, все девушки – в основном мулатки с боевыми наградами. В целом контингент

кубинцев состоял из чёрных и мулатов, белых кубинцев я не видел.

Нагнали туда кубинцы войск прилично. Причём не только войска, но и строительные бригады, которые в Кааме построили аэродром. Сначала в радиусе трёх километров они подготовили площадку и закатали её бетоном. Впечатляла строительная техника, работавшая днём и ночью. Они привезли с Кубы небольшие грейдеры, бульдозеры, типа **КАТО**, **Катерпиллер**.

– **И для чего они это делали?**

– Чтобы наносить авиаудары истребителями-бомбардировщиками **Миг-23МЛ** по Намибии. В планах кубинцев было ножевым фланговым ударом перейти границу Намибии и идти на её столицу Виндхук.

– **Кубинцы собирались наступать туда из Каамы?**

– Да, с **Миг-23** можно было работать по половине территории Намибии, чтобы прикрывать с воздуха войска.

На юге Анголы было сосредоточено, как говорили некоторые кубинцы, 800 или 1000 танков **Т-54** и **Т-55**. (Если **Фидель Кастро** говорил о 600 танках, а позже – о 1000, значит, на самом юге Анголы их было не меньше 600).

А ведь к ним должно быть обеспечение – бензовозы, мастерские по ремонту, гусеничные тягачи для эвакуации техники. Один раз мы проснулись ночью – вся земля гудит. Это кубинские танки шли маршем, их было страшное количество. А остальное вооружение у кубинцев – **БРДМ-2**, **БТР-60ПБ**, **БМП-1**. И когда юаровцы получили разведывательные данные, что концентрируется такое большое количество танков...

– **У южноафриканцев было примерно 100 танков «Олифант» в Анголе и Намибии, и кубинцы их раздавили бы².**

² Для сравнения – в Куито-Куанавале было менее 2000 кубинских военнослужащих, из них лишь 1000 человек (при помощи РСЗО, артиллерии и танков) смогли отразить несколько попыток южноафриканских войск захватить данный населённый пункт, а остальные кубинцы охраняли дорогу между Мennonге и Куито-Куанавале и танкоопасные направления возможных фланговых

– Могу предположить, что их противотанковые средства не могли бы обеспечить полную защиту от такой кубинской танковой армады. Ну, подорвали бы **ПТУРСами** или артиллерийскими снарядами какое-то количество кубинских танков, если бы попали...

У кубинцев была великолепная организация полевых военных госпиталей. Прекрасное оборудование. Отличные стоматологи. У меня три пломбы, ими поставленные, 20 лет стояли. Делали сразу три зуба одновременно.

В 1988 г. через нас летали на вертолётах группы министерства обороны Анголы, кубинские (наши совместные группы) и дипломаты в Виндхук на переговоры.

– **По поводу кубинского бригадного генерала Очоа.**

– Его соседом был князь **Куракин**, эмигрировавший на Кубу ещё до революции.

Совершенно случайно в 1990 г. я познакомился с его дочерью **Марией Куракиной**, которая приехала в СССР как турист. Меня просили из испанского посольства побыть её гидом несколько дней. Она говорила только по-испански. А мой португальский и кубинский испанский имели точки соприкосновения.

Я водил её по Москве, показывал достопримечательности. А она мне заодно рассказала про генерала **Очоа** – князь **Куракин** растил его с детства. Мария рассказывала, что на всей Кубе были три заядлых алкоголика и бабника: это князь **Куракин**, писатель **Хемингуэй** и генерал **Очоа**.

Генерал **Очоа** был известной личностью не только на Кубе, но и в Эфиопии и Анголе. Он и герой Кубы, и герой Анголы. Я имел удовольствие встретить его трижды на юге Анголы в Кааме в 1988 г., когда кубинские войска перебрасывали на крайний юг Анголы для строительства там аэропорта.

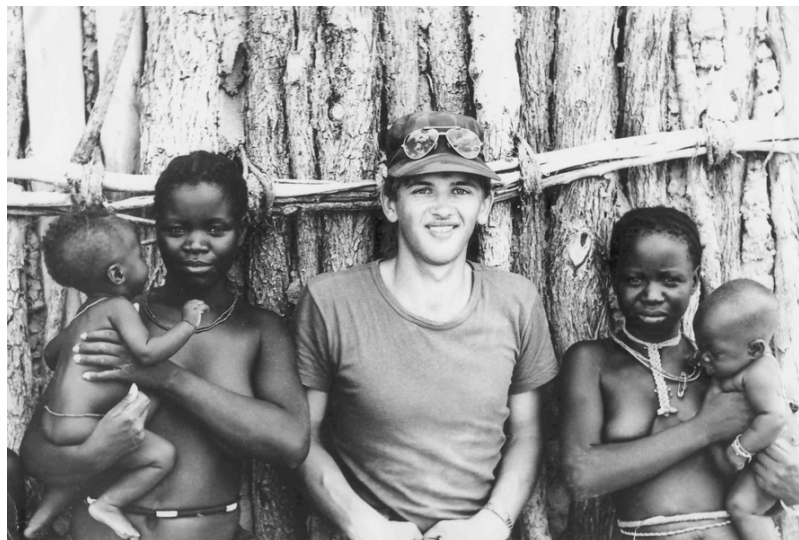
Кубинские военачальники приезжали к нам с визитом. Всё это оканчивалось дружеской пирушкой с кубинским ромом и

ударов войск ЮАР. (Прим. ред.-сост.).

сигарами. В каком качестве **Очоа** присутствовал среди кубинцев – не совсем понятно, как проверяющий или как командующий. Он был одним из руководителей кубинцев (**Очоа** руководил кубинскими войсками в Куито-Куанавале, а всей кубинской операцией на юге Анголы командовал генерал **Фриас**).

Естественно, мы не спрашивали, с какой целью он приезжал, это было крайне неудобно – **Очоа** был всемирно известной величиной в нашем военном мире. Мы радовались, что столь славный генерал почтил нас своим присутствием.

А затем генерал **Очоа** был приговорен **Фиделем Кастро** (кубинским военным трибуналом) к смертной казни за наркоторговлю как один из основных обвиняемых. Вместе с ним были расстреляны полковник **ла Гуардия** и два капитана.

В гостях у племени Куаняма

Советники 2-й мотопехотной бригады

В. Корольков с представителями племени Мамуила

Фестиваль песни в расположении кубинцев

Полуденный отдых

С трофеями кубинцев – штурмовой винтовкой **R-4**
и грузовиком **Самил-20**

Причёска племени
Мамуила

Красавицы племени **Мамуила**

Португальская статуя Христа

Красотки племени Мамуила

Образец причёски

На празднике ОМА (Союза ангольских женщин)

На захваченном грузовике Самил-20

Португальское наследие

Молодые Куаньяма

Захваченный кубинцами бронетранспортёр **Каспир**

Смотр кубинских трофеев (южноафриканские грузовики **Самил-20**)

Карнавал победы

С трофейной
штурмовой
винтовкой **R-4**

С помощником начальника
политотдела

Поймали и убили питона

Трофейный
комплект
экипировки ЮАР
(кроме АКС)

Перед отпуском. Серпантин в Лубанго

Секрет причёски: коровий помёт и кукурузное масло

Смотр невест

Святой источник

Кубинские «компаньерес» на досуге

Католический храм.

Дедешко Владимир Иванович, офицер запаса

О службе в Анголе

– **Как вы оказались в Анголе?**

– Родина послала.

– **Когда?**

– В 1987 г.

– **И сколько времени вы были в Анголе?**

– Два года.

– **И где служили?**

– Каама в 1987-1988 гг. и Куито-Куанавале в 1988-1989 гг.

– **Какая у вас военная специальность?**

– Автомобилист.

– **То есть вы чинили грузовики и другую автомобильную технику.**

– Да. Я был зампотехом (заместитель командира по технической части) бригады.

– **А какие именно автомашины были в бригаде?**

– Во 2-й бригаде в Каама были старые грузовики **ГАЗ-66**, **Урал-375**. Совсем разбитая техника. Потом, к концу 1987 г., получили новые дизельные **Уралы-4320**.

Колонна дизельных грузовиков **Урал-4320** в количестве 60 единиц шла из порта Намиб. Колонну расстреляли из засады **унитовцы**, и дошли до 2-й бригады (насколько я помню) лишь 50 **Уралов** из 60. Как нам сказали, десять грузовиков были сожжены между городом Лубанго и городишком

¹ Запись произведена 27 октября 2010 г. к.и.н. **Шубиным Г.В.**

Рио де Арейя (в переводе – песочная река), где стояла часть нашей бригады.

– **Сколько грузовиков полагалось по штату в бригаде?**

– Штатного расписания не было. Сколько дадут, столько техники и имелось. Техника, как я уже сказал, была вся разбитая. Даже здоровые **БТР-60ПБ**. У нас же мастера сделали так, что в нём два бензиновых двигателя, синхронизированных в работе. Если один двигатель выходит из строя, значит, **БТР-60ПБ** стоит на месте, потому что двигатели маленькие, слабенькие, бензиновые от грузовиков **Газ-51** и **Газ-52**. (Разницы нет между двигателями грузовиков **Газ-51** и **Газ-52**. У них один и тот же двигатель. **Газ-51** отличается от **Газ-52** только облицовкой кабины). Вот эти же двигатели стояли на **БТР-60ПБ**. Левый двигатель работал на первую и третью ось, а правый двигатель работал на вторую и четвёртую ось. Машина слабенькая, в эксплуатации сложная. Потому что, как говорится, двух капель воды нет одинаковых, а тут два карбюраторных двигателя синхронизировать и заставить работать с одинаковой частотой оборотов количества вала просто нереально. Потом **БТР-60ПБ** у нас сняли с вооружения. На **БТР-80** уже стоял один дизельный двигатель от **Камаза**.

– **Сейчас у нас БТР-60ПБ модернизируют – ставят один дизельный двигатель вместо двух карбюраторных.**

– У нас во 2-й бригаде имелась пара внедорожников **Уаз-469**, РСЗО **БМ-21** на шасси **Урал-375**. Хорошие машины. Мы ходили на боевые операции с **БМ-21** в составе бригады. В этом случае это уже была не просто 2-я бригада, а бригада плюс при данные подразделения.

– **А кроме пушек Д-30 калибра 122 мм были ли ещё артиллерийские орудия?**

– Я видел пару **сорокапяток** (противотанковое орудие калибра 45 мм). Это небольшие пушки с боекомплектами, но их не брали на операции.

Были в бригаде **Зеушки (Зу-23-2)** – скорострельные орудия

ПВО. Замечательная штука, стреляет хорошо и не ломается. Её цепляли на буксир, как прицеп к машине, на сидении находился стрелок, и в случае необходимости она в секунды разворачивалась и была по **унитовцам**.

Но у нас в бригаде не было запчастей для техники. *Зампотех* бригады полковник **Валерий Павлович Бобовников** не разрешал из двух или трёх неисправных **БТР-60ПБ** сделать один исправный, то есть переставлять двигатель с одного на другой, чтобы из трёх **БРТ** хотя бы один работал.

Были в бригаде два плавающих танка **ПТ-76**. Один в рабочем состоянии, а другой использовали как ДОТ² на позиции. Мы не могли его починить, потому что вышла из строя коробка передач и главный дифференциал.

У нас не было никакой инженерной техники. **МТО** (машина технического обслуживания, инженерный подъёмный кран) на шасси **ЗИЛ-131** с лебёдкой я просил у кубинцев. К лебёдке цеплялись дуги, получалась стрела подъёмного крана, натягивался трос, и мы ставили коробки передач, вынимали двигатели **БТРов**, поднимали крышки двигателей у танков (крышка бронированная толщиной сантиметра 2–2,5). Своей инженерной техники не было, повторюсь, поэтому обращался к кубинцам. Ребята-кубинцы никогда не отказывали в помощи.

Бригада имела десять танков **T-55**³. Все они были в рабочем состоянии, но завести некоторые из них удавалось только с толкача. Один уже заведённый танк упирался в другой и толкал. Так с толкача танки и заводили. Потому что аккумуляторов не было, *масла* мы в старые добрые советские времена «доставали», бензин (солярку) выпрашивали, запчасти «находили», снимая откуда угодно. *Если и присылали запчасти, то это бывало очень редко, и приходили десятком ненужных наименований, а необходимо было всегда то, что чаще всего отдавали в округа.*

У меня впечатление, что когда в СССР обновляли вооруже-

² Долговременная огневая точка.

³ По сведениям **В. Королькова** во 2-й бригаде было 22 танка **T-55**.

ние (у нас уже были в Союзе **Т-72** и **Т-62**, а потом пошли танки **Т-80**), то старое оружие (в том числе танки **Т-55**) поставляли с разные страны мира, включая Африку. А **Т-55** прекрасно воевали в Анголе.

– **19-я бригада ходила в рейды на УНИТА?**

– Бригада и сидела на боевых позициях, и ходила в рейды на **УНИТА**, хотя иногда попадала на войска ЮАР (в 1987 г.)

Был у меня советником командира во 2-й мотострелковой бригаде замечательный человек **Кипкеев Курманбий Ихияевич**. Очень грамотный и толковый офицер. Побольше бы таких офицеров!

– **О Кипкееве очень хорошо отзывался переводчик Михаил Маргелов⁴.**

– Я знаю **Мишу Маргелова**. Он служил со мной вместе во 2-й бригаде. Он внук знаменитого генерала армии **Маргелова** – бывшего командующего ВДВ СССР.

– **Он уволился в этом (2010) г. из армии с полной выслугой в звании капитана второго ранга и живёт в Петербурге.**

– **Миша** ходил на боевую операцию, на которую я не попал. Во время её проведения бойцы не получали никакой провизии. После операции **Миша** приехал – он еле на ногах стоял от голода. У них были только галеты и сгущёнка, а с водой проблема. Мы же не всякую воду пьём. Анголаны (ангольцы) привыкли пить воду из лужи, а мы если брали воду из лужи, то кипятили её. Находили таблетки для обеззараживания.

А **БРДМ-2** был у нас в бригаде почти разъездным автомобилем. Использовали его как рабочую лошадку. Но потом я себе присмотрел в лесу **БТР-152** на базе грузовика **ЗИЛ-157**. Его ещё называли «**колун**». В 1988 г. мы передислоци-

⁴ См.: воспоминания капитана второго ранга **М.Г. Маргелова** в книге «Воспоминания непосредственных участников и очевидцев гражданской войны в Анголе». М. 2009, С. 248-275.

ровались с Каамы в Шангонго. Выдвинулись ближе к границе с Намибией километров на 50 или на 100 (я уже точно не помню). И на *мата* (так называли редколесье, саванну) я нашёл брошенный неизвестно когда **БТР-152**. Аккумулятора и карбюратора не было, шины спущены. Совершенно бесхозный бронетранспортёр, брошенный кем-то в незапамятные времена.

Когда передислокация закончилась, я нашёл карбюратор, взял аккумулятор с **ГАЗ-66**, залил бензин, накачал колёса. Хорошая машина. Я потом нашёл резину (покрышки) на этот **БТР**. Единственно, что неудобно было – разлетелся радиатор. Я его паял (ходил к кубинцам). Всё дело в том, что закрепить радиатор тогда не было возможности. Я искал щепочки, резиночки и подкладывал под него, чтобы он не болтался. Я использовал **БТР-152** как рабочую лошадку.

У меня был случай, мы с командиром (**Кипкеевым**) поехали в Лубанго на **БРДМ-2**. У нас не было ремней вентилятора, поскольку не было запасных частей. А расстояние – около 180 километров. 90 километров через редколесье, через саванну по песку и 90 километров – асфальт.

И получилось так, что порвался ремень охлаждения, приводящий в действие помпу (водяной насос), которая гоняет охлаждающую жидкость. Мы остановились, я пытался из верёвок сделать ремень, но проедешь 100 метров, и двигатель нагревается. Жарища, воды нет. Как раз проходил мимо нас **Урал** ангольский. Командир с ними доехал до Лубанго, нашёл там этот ремень, и с попутной ангольской машиной передал его мне. Я поставил ремень вентилятора и вернулся в бригаду. Командир потом приехал на попутной машине в бригаду через несколько дней.

А я пока ждал запчасти – сутки был без воды. Днём броня до + 80 градусов нагревается (при + 50 в тени). Я нырял в моторный отсек, пытался что-то сделать, но всё было бесполезно.

– **Когда кубинцы пришли на юг Анголы?**

– Они впереди нас прошли (к границе с Намибией). Я помню, в апреле 1989 г. они уже выходили с юга Анголы.

Ранее прошли две кубинские бригады, выдвинулись вместе с нами к югу Анголы к местечку Шангонго и Пеу-Пеу. Техника у них была даже постарше, чем у нас. Но кубинцы к своей технике относились просто изумительно, они её берегли. У них были даже грузовики **Газ-51**. И ещё они делали замечательные вещи. Они унифицировали наши **уазики (УАЗ-469)**. Двигатели у **УАЗ-469** слабенькие бензиновые, а тем более по песку колёса вязнут. Температура большая. Кубинцы делали просто – с брошенного ангольского **БТР-60ПБ** снимали двигатель и устанавливали на **УАЗ-469**. У них и сварка была, а львиную долю запчастей я доставал у них. Я служил с зампотехом обеих кубинских бригад. Одного из кубинцев звали **Роман**.

– **Вооружение ПВО кубинцев.**

– **Волга (С-75)** и **ОСА-АК**. Кубинцы благополучно сбивали южноафриканские **Миражи**. Юаровцы летели высоко и боялись близко подходить, а **Волга** имела радиус ракет, по-моему, в 56⁵ километров. При мне кубинцы в зоне видимости сбили два истребителя-бомбардировщика **Мираж**.

Тут же две разведроты кубинцев и анголан выдвинулись вперёд, к предполагаемому месту падения. Они не нашли обломки самолётов, зато захватили в плен катапультировавшихся южноафриканских лётчиков. Это было или в конце 1987 или в начале 1988 г. у Шангонго.

Кубинские разведроты двигались ромбом – так их обучали наши инструкторы. Там были великолепные кубинские разведчики и их командир батальона **Кайру** (высокий кубинец с бородой). Он заканчивал рязанское десантное училище. Нормально

⁵ **С-75** имеет радиус ракет 34 километра, а **С-125** – 25 километров. Южноафриканских лётчиков «ловили» на этом кубинцы, когда те подлетали на «безопасное» расстояние в 30 километров, думая, что их «наблюдает» радар от **С-125**, а не от **С-75**. (Прим. ред.-сост.).

говорил по-русски, человек с великолепным чувством юмора.

– **Кубинцы не говорили, сколько раз у них были бое-**
столкновения с юаровцами?

– Были, но что считать боевым столкновением? Бой на неделю? Бой на сутки? – такого не было, а перестрелки происходили постоянно и с **унитовцами**, и с юаровцами. Были взрывы мин, и противопехотных и противотанковых. Слышится взрыв – разведчики уходят в поиск, а на месте взрыва оторванная стопа и обломки велосипеда. А кто убит – юаровец или **унитовец** – неизвестно, ведь по велосипедной оси нельзя определить – что за велосипед и кто был его хозяином. После взрыва противотанковой мины от человека почти ничего не остаётся. Минные поля, поставленные кубинцами и **фалловцами**, пытались разминировать или **унитовцы**, или юаровцы для прохода боевой техники.

– **Трофейная техника?**

– Южноафриканские бронетранспортёры **Каспир** (три) и **Буффало** (один) захватывали кубинцы.

– **Защита у них (Каспиров и Буффало) противотанковая хорошая.**

– Но, собственно говоря, на противотанковой мине не очень страдает и наш **Урал**. Его можно запросто восстановить. Я сам восстанавливал. Если у него разрывает от подрыва передний мост, его надо менять. С новым мостом машина снова работает. Нельзя только ставить мосты от бензинового **Урал-375** на дизельный **Урал-4320** и наоборот. У них разность в количестве зубчиков, разные крутящие моменты дифференциалов.

Можно было ставить мост с бензинового **Урала** только на бензиновый и мост с нового дизельного **Урала** только на дизельный. Иначе мосты работали не синхронно (количество оборотов заднего моста не соответствовало оборотам переднего моста, и разница с угловых скоростях не соответствовала), и через некоторое время эксплуатации заменённый передний мост выходил из строя. И грузовик **КРАЗ-255** так же можно восста-

новить после подрыва.

– **Были ли бразильские грузовики Энжеза?**

– Да, но только в Куито-Куанавале. **Энжеза-25** с дизельным двигателем. В Куито-Куанавале я тоже ремонтировал технику.

– **Я слышал, что все три разновидности грузовика Энжеза были слабые, недолговечные, за что их не любили.**

– Ничего она не ломалась. Не надо лазить в двигатель и мешать машине работать. А у меня **Энжеза** не ломалась. Она похожа на **Газ-51**, только с дизельным двигателем и немножко бронированная (бензобак), а дверцы, пассажирская и водительская, обтянуты дерматином. Замечательная машина, мне она очень нравилась.

– **Какая разница была в технике между 2-й бригадой (в Кааме и в Шангонго) и техникой в 19-й бригаде в Куито-Куанавале?**

– В Куито-Куанавале было больше импортной техники. Правда, в Шангонго полицейские катались на мопедах фирмы **Сименс**. Мотоциклов я не видел. В Куито-Куанавале кроме грузовиков бразильских **Энжеза** были и большие итальянские **Скани**. Они ходили по «дороге жизни» между Лубанго и Куито-Куанавале.

Также по «дороге жизни» ходили и **сваповцы** – хорошие ребята. Они были обучены гораздо лучше, чем анголане. Когда **сваповцы** останавливались на привал, то тут же рассыпались от колонны как горох в стороны. Автоматчики, охрана.

– **Как часто вам приходилось быть под обстрелами?**

– Первый раз нас обстреляли, когда мы с командиром поехали стираться на речку Кунене. Я даже сначала даже не понял, что нас обстреливали из автомата. Когда ездили в Лубанго или из Лубанго, рядом рвались мины, выпущенные из миномётов.

А в Куито-Куанавале вся драка была из-за аэропорта, который находился за рекой Куито. И как только приземлялся самолёт, юаровцы обстреливали нас из дальнбойных артиллерий-

ских орудий **G-5** и самоходок **G-6** калибра 155 мм. Это продолжалось довольно долго, уже после подписания перемирия. Юаровцы стояли недалеко, за речкой.

Был в Куито замечательный артиллерист **Виктор Фархисламович** (фамилии не помню). Мы с ним ездили и на рыбалку, и на его артиллерийские позиции на этой самой **Энжезе**.

Говорит – отвези меня на батарею. Мы приезжали на батарею (четыре орудия **D-30** калибра 122 мм). Он называл цели и командовал: или беглым огнём или залпом по юаровцам. Цель, которую преследовал – нащупать, где находится артиллерийская батарея противника. И через полминуты-минуту в ответ летели южноафриканские 155-мм снаряды.

Из Куито-Куанавале я уехал в Союз и служил в армии до мая 2000 года. Прослужил почти 21 год. Ушёл с минимальной пенсией. Тогда зарплаты (в 1990-е годы) по полгода не платили. Хотя если бы платили зарплату, может, ещё продолжил бы службу. Сейчас работаю в частной фирме по специальности.

Шангонго. Слева направо: водитель кубинец, начальник связи кубинской армии, **Дедешко**

На переднем плане слева направо: советский лейтенант (переводчик), зам.по тех. кубинской бригады подполковник **Милляун Роман**, зам. по тылу кубинской бригады **Монтанья, Дедешко**

Кубинский полевой госпиталь. Дедешко с доктором (слева) и медсёстрами

1 апреля 1989 г. Шангонго. Начало вывода кубинских войск. На заднем плане слева направо: **Дедешко** , кубинский полковник

**Кипкеев К.А. на переднем
плане**

9 мая 1988 г. Шангонго. Советские военные специалисты с кубинцами (кубинцы приехали поздравить с Днем Победы)

Приложение к воспоминаниям ветеранов войны в Анголе

*Из переписки по электронной почте
военного переводчика майора запаса Сергея Шкариненко
с к.и.н. Геннадием Шубиным 08.12. 2010 – 12. 12. 2010.*

[Сергей Шкариненко]

Вот выдержка с южноафриканского сайта... это будет вам интересно: [В выдержке говорится, в частности, что носителем планирующей управляемой бомбы **H2 (Ш2) Raptor (Raptor)** (Хищник) с радиусом до 60 км в ВВС ЮАР был бомбардировщик (тяжёлый морской штурмовик) **Буканир (Buccaneer)**. Управлял бомбой штурман бомбардировщика. Именно этой бомбой был уничтожен 3 января 1988 г. мост возле Куито-Куанавале¹.

Данная бомба могла устанавливаться на модифицированные истребители-бомбардировщики **Мираж FIAZ**, но в ЮАР в 1992 г. списали все **Буканиры**, а в 1993 г. из состава ВВС страны были выведены все **Миражи FIAZ**. А к тому времени бомбу можно было запускать, не управляя, и она могла лететь до цели, следуя заложенной в ней программе, используя спутниковую систему GPS].

[Геннадий Шубин]

Сергей! Очень и очень любопытно! Спасибо большое!

¹ До этого мост подрывали местные агенты **УНИТА**, затем южноафриканские боевые пловцы и в третий раз мост был разрушен южноафриканской управляемой планирующей бомбой. (*Прим. ред.- сост.*).

Технологии почти 25 лет назад были у юаровцев на высоте. Я не знал, что южноафриканский истребитель **Чита** не мог быть носителем управляемой авиабомбы **Н-2** (фактически – крылатой ракеты), а мог истребитель-бомбардировщик **Мираж FI-AZ**, что не удивительно, ведь бомбардировщик **Буканир** – здоревенная штуковина.

[**Сергей Шкариненко**]

Ну, вот тогда ещё по истории этого моста и применении боевых пловцов я в свое время (полковнику) **Коломнину** давал инфу и, по-моему, он кое-что использовал: [В южноафриканской сноске, в частности, сказано, что операция «Кулидж» началась 25 августа 1987 г. Южноафриканских боевых пловцов высадили за 40 км выше по течению реки с вертолёта, и они шли 16 километров. За 24 километра стали плыть вниз по течению сначала по поверхности, чтобы экономить сжатый воздух, затем под водой, а у самого моста неожиданно встретились с препятствием (металлическая сетка от дна до поверхности). Они перелезли через неё поверху, а ангольская охрана моста открыла огонь из автоматов и стала забрасывать их ручными гранатами. Под огнём и под взрывами пловцы прикрепили мину к основанию одной из опор на глубине. Один из них был ранен в левую руку. По завершении задания они были вынуждены сопровождать раненого, плывя по поверхности днём, и были дважды атакованы ангольским патрулём; в ответ пловцы отстреливались из пистолетов. Однажды одного из пловцов укусил крокодил, но тот отбил его ножом по глазам рептилии, у другого пловца крокодил сорвал ласту. Вниз по течению они плыли семь часов, пока не добрались до условленной точки, где их подобрал вертолёт].

[**Геннадий Шубин**]

Сергей. Впечатление, что южноафриканцы, скорее всего, врут. По данным переводчика **Олега Грицука**, никто в них не

стрелял с моста у Куито-Куанавале, а стреляли уже после, когда они были в нескольких километрах ниже по течению. Про «водных демонов»² я вам уже писал.

Полковник в отставке **Митяев**, когда я ему в конце декабря 2010 г. рассказал о якобы имевшем место нападении ангольской охраны на южноафриканских боевых пловцов, сказал: «Лгут южноафриканцы», и добавил, что не помнит выстрелов и взрывов гранат в ночь, когда заминировали и взорвали мост.

[**Сергей Шкариненко**]

Здесь интересен сам факт применения боевых пловцов в этой ситуации.

До этого они себя проявляли в водах около Луанды и Мосамедеша (в Атлантике), а тут на реке с крокодилами, которых там до чёрта было, оказывается. Я посмотрел на фотки **Ковтуна** (он выложил книжку на сайте, посмотрите) и пришёл в ужас! Мы купались, прыгая с берега в глубину, и не представляли, что их столько там. Пиявок было много, отдирали их с ног, а ещё червей местных для рыбалки пытались копать у реки, так они там такие же красные как у нас, но с боковыми плавниками.

[**Геннадий Шубин**]

Мне полковник **Митяев** говорил, что в реке у Куито крокодилов не было – артобстрелы их распугали. Может, выше и ниже по течению их хватало?

[**Сергей Шкариненко**]

Я тоже так думал, пока не залез на наш сайт и не прочитал книжку **Ковтуна**, где выложена фотка с 20 крокодилами как раз у моста. Я ему про мои впечатления о фотке тоже написал.

2 Ангольские часовые, охранявшие ночью мост через реку Куито, решили, что люди в чёрных прорезиненных костюмах, перелезавшие через металлическую сетку, были «водными демонами» или «водными дьяволами», и огня по ним не открыли. (*Прим. ред.-сост.*).

[Геннадий Шубин]

Сергей, кстати, перешлите **Митяеву** эту фотку из книжки, чтоб развенчать его заблуждения (как и мои) насчёт крокодильчиков у моста...

[Сергей Шкариненко]

Если бы я знал тогда, то и близко бы к речке не подошёл. Ангольцы показали однажды на противоположной стороне колышущийся тростник и всплывающие куски водорослей со дна и сказали, что это крокодил. Через полсекунды я был на берегу с волосками дыбом по телу. А ангольцы близко к воде не подходили, а если умывались, то только по колено в воде и посматривая по сторонам. В других речках купались тоже, но там говорили, что крокодилы есть или ниже по течению, или после водопада (например, Куэмба, в 4 ВО)...

Вспомнил про местную рыбалку: так как на этих странного вида червяков рыба явно не шла, то вскоре выработали другую тактику. Недалеко от места, где мы обычно купались, местные анголанки приходили мыть свои кастрюли и посуду, поэтому рыба как раз там и собиралась. Размером та рыбка была как наш лещ, где-то 3–4 кг, тоже плоская. Так вот, мы ждали, когда анголанки закончат своё мытьё (не стеснялись нас, а может и специально раздевались – мы ведь для них тоже экзотикой своего рода были!) и своих кастрюль. Через некоторое время к этому месту подходит рыба. Её было хорошо видно с бугра. Вариант был один – **АКМ**, только оставалось вычислить место, куда направить выстрел (угол преломления в воде, как вы знаете, искажает реальное местоположение предмета). Умудрялись попадать. У меня где-то в альбоме была такая фотка с простреленной большой рыбой в руках на дороге от речки к Куито-Куанавале. Наши «умники» пытались глушить рыбу гранатами, но я такую рыбалку не понимал и никогда (на неё) не ходил.

[Геннадий Шубин]

Очень интересно. И вы так в обе свои командировки рыбку ловили из АКМ?

[Сергей Шкариненко]

Нет, только в Куито-Куанавале. В Каае речки на лето пересыхали полностью, но с первыми дождями русло резко наполнялось, поток шёл достаточно быстрый, и непонятно откуда появлялись сомы килограмма так на 1,5 вот этих мы ловили на леску, крючок и любую живность...

Капитан **Сергей Шкариненко** с супругой в Уамбо

Уамбо 1986-1987 гг. Слева направо – **Шкариненко, Фарфилов,**
супруга **Шкариненко**

Старший офицер спецназа Министерства юстиции¹ в звании подполковника².

Воспоминания о командировке в Чечню

– Я хочу рассказать, как мы входили на Северный Кавказ. Мне понравилось то, что мы входили на своих машинах. Это нам очень помогло – набрали много продуктов, что впоследствии помогло нам бесперебойно и постоянно хорошо питаться.

Сначала мы ворчали – в автобусах спать неудобно. А в итоге получился медленный подход и медленный настрой. Автобусы шли прямо отсюда, из Москвы. Мы выехали ночью часа в три-четыре утра.

– **Марка автобусов?**

– **ПАЗики** были. Ехали туда трое суток, в дороге случались поломки. То один автобус ломается, то другой, то **Шина (ГАЗ-66)**.

Поначалу нервничали, а потом привыкли. Новый (2000) год встретили в дороге, где-то под Ростовом, в поле.

Первые ощущения после приезда – просто не хотелось ни с кем говорить. Организм был напряжён. Хочу отметить – такое отношение к командировке и к последующей опасности помогает человеку потом выжить.

¹ Офицер просил не называть его фамилии при публикации воспоминаний.

² Запись произведена 9 февраля 2002 г. к.и.н. **Шубным Геннадием Владимировичем**.

Можно провоевать десять лет, но ничему не научиться. А можно полгода служить под руководством хороших командиров, и первые дни войны показать себя лучше, чем человек, который провоевал, может быть, десять лет.

Всё зависит от морального настроения человека, от того, как он относится к товарищам, думает о себе или нет. Если он думает о себе, то значит, уже обречён на провал. Если он думает о других, о команде – уже большой плюс и ему, и всей команде.

Однажды вместе с **Андреем Соловьёвым**, который прошёл первую чеченскую компанию полностью, принимали вместе душ. И вдруг представляем, что моемся в последний раз, больше такой возможности у нас не будет. Но оказалось, что это было не в последний раз.

Приехали туда – тоже пыль, грязь. Пошли к товарищам по оружию. У них уже база была налажена. Подошли, говорим – ребята, можно ваш костёр использовать? – Да, конечно, у нас, может быть, даже ещё продукты остались.

Мы нашли воды, вскипятили кофе, чтобы быстро перекусить. В гараже была горячая вода. Подумали, почему бы не использовать. Взяли картонные коробки, положили на землю. Принесли три бака воды и ковшик. И прямо на этих коробках помылились от грязи. Мы опять чистые, легли спокойно отдыхать. Как хорошо!

Ещё хочется отметить, что первые недели две в Чечне было мы чувствовали себя очень неуютно, постоянно озирались. Но потом организм мобилизуется, и уже ничего не боишься. Просто надеешься на себя, всё контролируешь, и это помогает во многом.

Честно говоря, и усталость не чувствовалось на первых порах, ее просто не было. Спать приходилось мало. Помимо своих прямых обязанностей я стал готовить пищу на отряд. Для меня самое главное – чтобы еда была нормально приготовлена. И что интересно – за всё время командировки ни у кого не было изжоги, никто не мучился с желудком. Старался не использовать

концентраты, если была возможность готовить из нормальных продуктов.

Очень удивило, что люди, которые проходили уже не первую командировку, разогревали еду на паяльной лампе, каждый сам для себя. Я приглашал подойти к нам и воспользоваться газовой плитой. Готовили всегда на всех. Многие сейчас вспоминают, что мы ели сыр вместо хлеба. Что ещё меня удивило в Чечне: газ был везде, как у нас на огородах вода. Куда бы ты ни пришёл – дом разрушен, но газовая труба начеканена, запечатана. Шланг подсоединил – вот тебе и газ.

Наш отряд одним из первых догадался, что можно газ использовать. А поначалу всё было примитивно – на костре или на паяльной лампе.

И что ещё хочется отметить – кто-то приходит туда со злобой, с ненавистью, поэтому таким бывает тяжело адаптироваться. Я не говорю, что испытываю к чеченцам симпатию, но когда приходишь к ним с нормальным отношением и просишь о чём-нибудь, они никогда не жадничали – давали несколько банок тушёнки или гущёнки.

Мы нашли взаимопонимание с какой-то женщиной, она нам пекла хлеб. Правда, сначала боялись – может быть, отравит. Но потом подумали – никто их не обманывал, никто не грозил. Она нам постоянно пекла лаваша, а даже однажды приготовила торт.

Она и себе, конечно, что-то взяла. Но зато мы всегда были, как говорится, с хлебом. Никакой проблемы в этом плане не было. Помогали русским, которые там остались в оккупации. И в то же время «чехи» (чеченцы) нам помогали. Никаких конфликтов никогда с ними не было. Если ты мирный житель – пожалуйста, живи, тебя никто не будет терроризировать и унижать. Поэтому и к нам относились хорошо. Некоторые из них приходили и говорили: ребята, не переживайте, всё будет спокойно. То есть они, вероятно, обладали какой-то информацией. Пото-

му что мы и под День освобождения Ичкерии попадали, и под другие национальные праздники.

Они говорили: всё будет спокойно, а если не верите, я к вам свою семью приведу, пусть она у вас побудет как бы в заложниках.

Получалось, что так мы вели переговоры. К нам приходили и говорили: вот, моя команда здесь, мы воевать не хотим. Вас никто не тронет, только и нам дайте гарантию.

С нами разговаривали непосредственно полевые командиры. Мы ходили к полковому командиру, он дал нам оружие, боеприпасов, гранаты, которых нам своя группировка не давала. Дал нам АГС-17 на станке (ленточный гранатомёт) – хорошая штука. «Утёс» нам дал – у них всё было приспособлено. «Утёс» – это крупнокалиберный пулемёт калибра 12,7 мм.

Хочу отметить, что в Чечне надо уметь пить. Я даже был горд за свой отряд в этом плане. Не было такого, как в других отрядах. Уметь пить? В том плане, что люди приходят туда и начинают жрать водку, теряют контроль над собой, начинают буйнить. А наши и орловские ребята – по чуть-чуть, по чуть-чуть, всегда навеселе и не холодно. И в тоже время никто никогда не терял головы.

Я понял, что если ты будешь думать не только о себе, а о команде, о коллективе, то в целом всегда всё получится очень хорошо.

Ведь очень многие погибали. Однажды получилась спонтанная операция из-за того, что в темноте мигнул огонёк. То есть кто-то зажёл маленький фонарик устанавливая гранатомёт. Он то включался, то выключался. Заметил это я. Началась стрельба, в нас полетели гранаты. Я прямо по радиии открытым текстом говорю соседнему отряду из МВ2: неужели трудно из подствольника (подствольного гранатомёта «Костёр») у автомата АК-74) попасть в окно здания?

Здорово нас обстреляли, благо мы в укрытии были, и никого не задело. Гранаты могли бы и залететь, но Господь нас

сохранил. Людей, прошедших Чечню, реабилитировать надо. Но мне кажется, всё зависит от состояния человека – если он к этому готовился, то ему и реабилитационный центр потом не нужен. Да, я видел остекленевшие глаза у многих бойцов, в основном у тех, кто срочную службу служит.

А однажды двое из комендатуры дуэль устроили между собой: напившись, начали что-то делить. Наши ребята сумели их разоружить, благо у нас опыт есть при захвате и при освобождении заложников.

То же самое на базаре – был там какой-то ОМОНовец. ОМОН – не знаю какой, не буду ребят обижать. Но знаю, что это был ментовский ОМОН. На базаре (один) начал пугать «чехов» – поел шашлык, а не заплатил – достал гранату. Народ кругом. Олег ему прямо с ноги как дал – успели гранату перехватить – он его завалил, отключил. Сработали профессионально.

Вот два таких случая, когда человек просто не отдавал себе отчёт в своих поступках, а наши ребята сумели разрядить ситуацию. По местности такие новости разносились как по телефону. И сразу они к нам относились по-хорошему. Были люди, которые ничего не боялись – раз он воевал и если нам сейчас помогает, то он за себя всегда в ответе.

Ну, конечно, что ненавидят они нас, тоже было видно. Особенно дети 10–12 лет. Едешь на машине, а они вслед плюют – я тебя зарежу – по шее рукой проводят. И даже было такое, что стоит пацанчик – может, ему лет пять-шесть, а другой повзрослее. И только отъехали – он руки положил на плечо: вот бы сейчас из гранатомёта бахнуть в машину. Бывало такого очень много. Хоть они нас и ненавидят, но подход к ним есть: их не трогай – и они нас, может, не будут трогать. Общий язык находили, всё было нормально и они были всегда довольны, особенно когда что-то дашь – тушёночки, сгущёночки, чего-то еще.

Когда я служил в батальоне противодиверсионной борьбы в Вооружённых силах, у меня был командир, которому я очень благодарен. Батальон создали из офицеров-афганцев на базе

воздушно-десантной дивизии Тульской и благодаря командиру я был подготовлен к экстремальным ситуациям не только морально, но и практически. К военным действиям я уже был готов, даже не участвуя в них.

Когда служил, почерпнул богатый опыт из рассказов сослуживцев и из обычных тренировок – как работать в лесу, как жить в полевых условиях. Вооружённые силы дали мне очень много. И что интересно – когда к человеку относятся нормально, то нет дедовщины. Дедовщину искоренили, когда офицер повернулся к солдату лицом. В Чечне было крайне важно, чтобы люди жили одной семьёй. В армии я почерпнул столько знаний за шесть лет контрактной службы, что мне этих знаний хватало по самое горло.

Где я служу в министерстве юстиции? Наш отряд создан для освобождения заложников, захваченных на территории тюрьмы. Если в тюрьмах происходят бунты, мы можем выполнять операции по захвату, по освобождению, по арестам в любых условиях. Отряды расположены в Санкт-Петербурге, Туле, Тюмени. Я знаю, что ребята хорошо работают в контакте с милицией и с СОБРОм. Вообще Санкт-Петербургский отряд – очень сильный. Но всё зависит от командира: какой командир – такой будет и отряд.

Руководство, конечно, не всегда отвечает необходимым требованиям. Командовали наши ребята – командиры штурмовых отделений, капитаны в основном. А на нашего командира надеяться было нечего. Ну, если он это услышит! И вообще, компетентных людей в министерстве юстиции меньше, чем в армии.

МВД, министерство юстиции – это низовой уровень, потом идёт министерство обороны, потом ФСБ. В армии многие поступали в военные училища, отслужив срочную службу или закончив Суворовские училища. В училище преподавали этику, эстетику, в человека вкладывали хорошие знания не только на военном, но на общекультурном уровне.

А взять министерство юстиции. Пришёл выпускник сель-

скохозяйственного института – ему присвоили звание младшего лейтенанта, и он с этим сельскохозяйственным институтом дорос до майора, до полковника. Какие у него могут быть знания по сравнению с кадровым офицером? Да никаких. А он – полковник, он руководит отрядом. И вот представьте, что получается.

Поэтому там, где командир – военный, кадровый – там отряд хороший, и наоборот. Когда человек попадёт в сложную ситуацию, посмотрите, кто у него командир. Конечно, приказ придется выполнять, но выполнять его нужно очень осторожно.

А по поводу чеченской молодёжи можно сказать, что в возрасте от десяти и, наверное, до 30 лет – это поколение, потерянное для нормальной жизни. У них ненависть, сплошная ненависть. Они выросли на войне и умеют только убивать. Вот у кого фанатизм! Для них героями были их полковые командиры. Какие раньше были кумиры – **Гойко Митич**, **Спартак**. А для них теперь только одна война, ненависть и война. И бесполезно наводить там порядок, пока это поколение не уйдёт.

Конечно, среди них есть люди, которые когда-то учились в институтах и в войне перспективы не видят. Они поняли, что так продолжаться не может, и стараются уехать оттуда. В Москву, в другие города, поступить на учебу, выучиться и продолжить нормальную жизнь в бизнесе или как-то ещё. В общем-то, вырваться из этого. Очень у многих чеченцев – кого ни спросишь – родственники в Москве или в других городах.

Как мы возвращались? За нами пришёл автобус «**Икарус**» в Моздок. Уезжали с Гудермесского вокзала. А ребята орловские там ещё оставались. А ярославский отряд пошёл проверять железнодорожную линию – там в одном месте она делала резкий поворот, а впереди был овраг. Они там обнаружили фугас. А мы отправлялись на поезде в Моздок. Если бы фугас не обнаружили, то мы бы улетели под откос в этот овраг.

Я не пойму, почему нам не дали машины и мы должны бы-

ли ехать до Моздока на местной электричке. И как раз был заложен фугас на подрыв поезда. Ребята обнаружили, потом нам сообщили. Мы это до сих пор вспоминаем этот случай.

Доехали до дома мы нормально. После всего пережитого я долго не мог разговаривать с женой, почти всё время молчал. И что интересно: после командировки смотришь на всех окружающих и думаешь – ну что стоит человеческая жизнь? Ничего. Любой из нас в любую минуту мог погибнуть. И мы ещё что-то доказываем друг другу. Кому доказывать? Что? У тебя сейчас есть всё, а через минуту – ничего. Поэтому что мы делим друг с другом? Просто смотришь на всё как бы со стороны, из-за стекла – а тебя как будто не видят. Смотришь – копошатся, суетятся. Муравьиная возня – вокруг эта жизнь здесь.

Коновалов Иван Павлович¹

– Если говорить о всех чеченских войнах, то я работал на обеих компаниях как военный журналист ОРТ (Первого канала) с января 1995 г. по лето 2000-го.

В ночь с 31 декабря 1994 г. на 1 января 1995 г. наши войска вошли в Грозный и получили серьёзный отпор. Я приехал туда через неделю, когда по всему периметру шли очень жестокие бои. В то время весь мой военный опыт заключался в двух годах службы в армии в Монголии (тоже достаточно жестокий опыт). До сих пор помню: когда из аэропорта Грозного Северного я на ехал на машине, какой-то безумный человек кричал: «Ребята, кто едет на улицу Красных фронтовиков?» Никто не ехал туда, я говорю: «Вот, еду я и мой оператор». – «Садитесь, поехали».

Машину, грузовик с тентом, подкидывало на ухабах. Я выглянул наружу, и увидел Сталинград – всё полуразрушено, всё горит, на дорогах трупы. Вот тогда для меня началась война.

Потом мы заехали в какой-то дворик, где эта машина была нужна (а это был большой грузовик, может быть, **Урал**, с очень длинным кузовом) – туда загружали русских беженцев. Какая-то бабка кричала, что хочет взять с собой телевизор, потому что у нее телевизора больше никогда в жизни не будет. Всё время идёт обстрел, постоянно сыплются осколки. Беженцев загрузили и поехали дальше, а мы остались.

Вышли на улицу, завернув за дом, а вдоль улицы стреляют. С другой стороны мотострелки кричат: «Вы кто такие?» – «Журналисты». – «Ну, идите сюда». Мы перебежали через до-

¹ Запись сделана 9 марта 2011 г. к.и.н. Г.В. Шубиным.

рогу. Там дворик небольшой, и туда врывается **Шилка** (счетверённая установка ПВО на гусеничном шасси). Внутри четверо ребят, пацаны лет по 19. В борту огромная дыра. Я спрашиваю: «Что случилось?» – «А мы шли, стреляли по окнам, и нам всадили». Прошло насквозь, но, слава Богу, все живые. Только водителю волосы опалило. Вроде бы это был **РПГ-7**.

Потом туда же въезжает такой очень колоритный персонаж, подполковник(?), у него позывной был «Слово». Он кричит: «Ты крови боишься? Ты кто такой?» Я ответил, что журналист, и он выдал троекратно по-русски всё, что он об этой войне думает.

Я говорю: «Ты чего кричишь-то?» Он мне: «Ты крови боишься?» – «Нет, не боюсь». – «Пошли со мной». Мы с ним сели в **БТР** и поехали. Выезжаем на улицу, вдоль неё идёт дикая стрельба. Он кричит: «Выпрыгивайте из **БТРа**» (**БТР-80**). Я выпрыгиваю, за мной мой оператор, который всё снимает, всё это сохранилось. Мы бежим в арку, там морпехи, идет активная перестрелка. Кругом пули всё время цыкают. А он ехал к ним для координации.

Что ещё мне запомнилось: я забежал в арку, а там стоит грузовик и перегораживает путь. Ребята из этой арки стреляют по окнам и переговариваются: «Вон духа сбил» и т.д. А слева проход в другой двор. Вижу, мне оттуда машут, говорю: «Пошли туда». Мы забегаем туда, я натыкаюсь на огромное тело. «Что случилось?» – «Да вот, говорят, разведчика (не помню, кажется, **Серёга**) убили». Буквально пока я заходил, его убили.

Целый день шла стрельба, мы бегали, снимали. Потом вернулись... Там было такое место, где жили ребята, возможно, правозащитники. Они стали мониторить (обозревать) происходившее. Смелые люди. К ним наши федералы хорошо относились. В подвале, где они были, матрасы навалены, беженцы, все кричат – дурдом...

На следующий день мы были на позициях, снимали, стре-

ляли опять². Краеведческий музей раздолбали взрывами, чучела волков, сов и т.д. разлетелись, а наши **БМПшники** их поставили на **БМП (БМП-1)** и гордые ездили. Мы стояли около музея, потом отошли метров двадцать, и миномётные разрывы – раз, два. Никто не обращает внимания. Я не знаю, кто стрелял. Буквально метрах в пятидесяти от нас рвалось, и всем «по фигуре». Ну, думаю, раз все так реагируют – и я должен так же себя вести.

Другой момент. Когда мы работали, к нам вдруг подошли десантники. Действительно, там линия фронта – и вдруг мы оказались одни, сами по себе. Десантники нас сначала арестовали, потом рассмотрели удостоверения: «Ребята, всё понятно – Первый канал, пошли к нам». А у нас к видеокамере было четыре аккумулятора, но работал только один.

Его нужно было заряжать, и в этом была проблема. Я спросил, можно ли там зарядиться от генератора. – «Да спокойно, вечером поедете, всё будет нормально». – «А вдруг нет?» – Да мы уже две недели воюем, можете с нами посидеть как люди?» – «Пойдёмте». Сидим в подвале в Доме пионеров, бывшем штабе басаевского батальона. Десантура его отбила и устроила там свой центр. В подвале стояли какие-то железные койки, на полу развели костёр. Было много тушёнки, а главное – захватили коньячный завод, поэтому коньяк хранили в ведре. А в другом ведре – грязь со снегом, чтобы запивать. Есть такая система «Родничок». Выпил коньяку, потом ведро со снегом через «родничок» для очистки пропустил и запил, закусил тушёнкой. Сидим, разговариваем про каких-то кинозвёзд, про эстраду. А про войну вообще не говорили, потому что она всем уже осточертела. И вдруг раздаётся дикий крик: «Духи атакуют!» Началась отчаянная пальба. Костёр залили, все побежали, прячутся за стена-

² Российские офицеры (да и солдаты иногда) брали трофейные боевицкие **АКМ** (калибра 7,62 мм) и воевали с ними, а **АК-74** (калибра 5,45 мм) просто висел у них на плече. Он же на них записан. **АКМ** убойней и надёжнее, чем **АК-74**. (Прим. И. Коновалова).

ми, лезут наверх, изо всех окон стреляют, а у оператора камера не работает. Я сижу, думаю: что ж делать, как не повезло.

Что мне понравилось: наши пошли в атаку, а один лейтенант даже крикнул: «За родину!» или что-то похожее и бросил гранату в окно, а те обратно её выбросили. Естественно, взрыв. Все бросились кто куда. Атаку чеченцев отбили, у нас был один тяжелораненый – парень, который на часах стоял. Когда его уносили, он матерился, но вёл себя мужественно. И вот опять костёр развели, сидим. Атаку отбили, но этому лейтенанту посекло немного заднее место осколками. И вот он стоит около костра без штанов, а один из офицеров вынимает пинцетом у него из задницы осколки гранаты и поливает коньяком.

Там было много приключений. Работал я на втором чеченском конфликте в 1999–2000 гг. **В.В.Путин** дал понять войскам, что они имеют полную поддержку в руководстве страны, поэтому действовали с умом, без лишних потерь. Хотя там тоже было достаточно эксцессов.

Был такой случай. Там улицы идут к центру параллельно, и всё время с другой стороны бил снайпер. Когда я бежал, со мной был оператор **Миша Сотников**, тоже донской казак, как и я. Я ему: «**Миша**, беги сюда». И вдруг вижу, как передо мной пуля ударила в дерево. Мне показалось, что я увидел, как она летит. У меня был такой же случай в Афганистане в 2001 г. Оператор снял, как я лежу в маленьком окопе, и пуля бьёт у меня над головой. Правда, там я пулю не видел.

Могу сказать, что второй штурм Грозного был спланирован по-настоящему, хотя, конечно, не обошлось без жертв. Но подход уже был другой. Штурм проводился исключительно с точки зрения военного искусства. Использовались тяжёлая артиллерия и штурмовая авиация. Уже на начальном этапе была применена сталинградская тактика. В чём она состоит? Занимаем дом за домом, движемся постепенно, зачищаем окружающую территорию. Смотрели, если можно решить проблему своими силами – решали сами, если это невозможно, то тогда... Наши

использовали миномёты, штурмовую авиацию. Огонь тяжёлой артиллерии старались не вызывать.

Танки тоже старались использовать во втором штурме очень ограниченно. Они действовали на улицах с серьёзной разведкой пехоты вокруг. Я помню огромные груды сожжённой техники при первом штурме в 1996 г., которая была потеряна не потому, что наши танкисты трусы или неумехи, а потому что их бессмысленно послали огромными колоннами, которые очень легко расстрелять. Это азбука любого партизана.

– **А про другие командировки что можешь сказать?**

– Я много где был. В 2001 г. в Афганистане, почти у границы с Таджикистаном. Туда переправлялись через реку на пароме, потом на высоту куда добирались на конях. Это было место контактов местных моджахедов и Талибана.

Потом эту плёнку меня умоляли продать, отдать телекомпани. Поднялись на высоту, где был небольшой пост моджахедов, а внизу их позиции по земле, куда легко прорваться. Наверху пулемёты стояли, **ПКМ**. Позиция талибов была примерно в 1 км. Мы разговаривали через переводчика, поскольку они по-английски не говорили... Они вообще к нашим хорошо всегда относились, с огромным уважением. И к советским солдатам, с которыми они воевали.

И вдруг началась отчаянная стрельба. Я лежал в маленьком окопе, а пули били прямо над головой. Это снял мой оператор, материал попал в сюжет. Когда моя жена увидела, то готова была порвать меня на куски.

Начался массированный огонь. По нам начали бить со всех сторон, головы не могли поднять. А внизу была тяжёлая артиллерия. Когда всё стихло, мы двинулись вниз.

Я ведь был телевизионным журналистом, надо было сделать из происходящего сюжет. Это, говоря честно, эксклюзив. А тут уже везут трупы моджахедов и при нас хоронят. Это удивительно – сюрреалистическая картина.

– **А талибы не прорвались?**

– Так они и не пытались. Они просто устроили дикую пальбу.

– **А сверху не могли по ним шарахнуть?**

– Может, и могли. Я не знаю, какую они использовали артиллерию. Потом я был в Пакистане. Через Пакистан прошёл с телегруппой в Афганистан уже с другой стороны. В Желалабаде при мне местная верхушка переметнулась к американцам и моджахедам и сбросила талибов. Это произошло буквально на моих глазах. Меня поразил лагерь талибов в районе Тора Бара. Уже подходили американцы, авиация долбила. Может, это моджахеды подбросили, но я видел огромное количество руководств по изготовлению самодельных взрывных устройств. Не просто руководство, скачанное из Интернета. Я всё думал: не встречу ли здесь «поваренную книгу русского анархиста», но не встретил.

Не знаю, была ли это провокация ребят, захвативших лагерь, или правда. Но, думаю, что правда. Потому что там было всё разрушено. А долбили конкретно американцы – всё в дырках. Причем рядом плотина, её не тронули.

– **Что ещё в Афганистане запомнилось интересного?**

– Ну вот, например, могу вспомнить дорогу от пакистанского пограничного поста Торхам до Желалабада. До Желалабада сколько ещё сожжённой советской техники стоит! Танки, БТР, БМПшки.

– **Все разобранные? Я понял, что всё, что можно было пустить на запчасти, снималось?**

– Да, но корпуса стоят. Могу рассказать историю, которая произошла в Желалабаде. Там находился мраморный дворец губернатора, только непонятно, какая власть. Я сижу на парашуте. Командиры бегают кругом, что-то творится непонятное. И вдруг один мне говорит: «Эй, товарищ! Русский?» – «Русский». – «А я учился в ташкентском танковом училище». – «А за кого воевал?» – «За моджахедов». – «А ты был в армии афганской народной?» – «Да, был. Но потом пе-

реши́л к моджахедам». И он так гордился, что может немного по-русски разговаривать.

Я отмечал в разговорах с местными, что война для них – данность, она есть всегда. У нас есть метро, а у них есть война. Я помню с одним полевым командиром разговаривал, и он мне сказал: «Здесь было много людей: англичане, русские, американцы. Когда все уйдут, а американцы ведь тоже уйдут, кого будут вспоминать? А вспоминать будут о тех, кто построил, а не разрушил. А построили только русские».

Мои родители, отдыхая во Вьетнаме, были на экскурсии в одном небольшом городке, и гид, показывая им здание, построенное французами, отметил: «Американцы не построили ничего, только напалмом бомбили, а французы, надо отдать им должное, оставили нам великолепную архитектуру».

– Но переходя к Багдаду и «заварушке» 2003 г., американцы заранее всех купили?

– Трудно сказать. Там было много ребят из подобия испанских интербригад из разных арабских стран, они сражались. Верхушка всё сдала.

– Ты говорил, что одна из причин – не ретранслировались приказы. Мне попадались данные, что французские репортеры беседовали с одним майором иракской армии, и он говорит: «Вы поймите, мы ждали врага у Багдада и вооружены были совсем неплохо, а когда подошли американцы, мы их встретили огнём, но у меня уже осталось 10% бойцов. А 90% разбежалось. Что мы могли сделать?»

– Тут очень сложно. Я могу сказать, что во время боёв в Багдаде видел, как арабы серьёзно отбивались. Тогда обстреляли из американского танка гостиницу «Палестина». Это вообще была странная история. Я вышел за минуту до того как танковый снаряд попал между балконами. У меня не было ни бронжилета, ни других средств защиты. Это был бы труп, точно. Меня бы, наверное, даже в лицо не узнали. Они пытались пе-

рейти через мост, а с той стороны моста стояли арабы и отстреливались. И мост не был взорван, что тоже странно. Американцы заходили на мост, потом уходили. И всё время стреляли. Я вышел в коридор, раздался взрыв, а когда вернулся, всё было разрушено. Поднимаюсь наверх, а там украинца, работавшего на Рейтер, убило. Мы его знали, хороший был мужик.

Перед началом войны журналисты жили в трёх гостиницах: «Аль Рашид», «Аль-Мансур» и «Палестина». Руководство разведки Ирака объявило: все журналисты должны съехаться в «Палестину», потому что эта зона объявлена журналистской, и в неё стрелять не будут.

И единственная телегруппа, наша, осталась в «Аль-Мансуре». Гостиница стояла в ста метрах от министерства информации, которое бомбили каждую ночь. А мы там жили как короли. Постели нам не меняли, конечно, прислуга разбежалась. Мы вламывались в соседний номер, вытаскивали бельё и меняли себе сами.

Днём зону вокруг министерства информации не трогали. Журналисты собирались там, работали до ночи, потом расходились. Война в основном шла ночью. И произошёл такой случай. Я работал тогда на 6 канале. Я звоню утром на канал, а мне говорят, чтобы я позвонил домой. Звоню. Жена рыдает: тебя убили! Я ничего не понимаю: «Что случилось?» – «Объявили, что тебя убили!» Оказывается, она всё время смотрела телевизор, и мой канал передал, что разрушена гостиница, которая стояла рядом с министерством информации, и все, кто там жил, погибли.

Потом у меня прямое включение, и ведущий меня спрашивает: «**Иван**, ночью был налёт на министерство информации, и все журналисты, находившиеся рядом, погибли. Что вы об этом знаете?» И я начинаю в эфире орать: «Вы что, не знаете, что я живу здесь? Вы поэтому и получаете эксклюзивную картинку! А вы передаёте, что все погибли! И моя жена это слушает! И жена моего оператора! Вы что делаете?» Ведущая ушла за ти-

повые фразы: «Спасибо за сообщение». Мы и «Аль-Джазира» были последними журналистами, кто оставался на этой стороне реки. С другой стороны нас снимали и периодически сообщали, что мы погибли. А потом пришли из иракской разведки и сказали, что американцы уже на подходе, и мы должны переселиться в «Палестину». Я говорю, что я туда не поеду, потому что там все живут друг у друга на голове. «Так ты только из-за этого туда не переселялся?» – «Ну да. У нас тут целая гостиница».

На верхнем этаже нашей гостиницы стояли несколько зениток, стрелявших вечером и ночью. Они защищали небо от крылатых ракет.

Секретная служба всё же заставила нас переселиться в «Палестину» в хорошие номера. Переселили, после чего нас там обстреляли из танкового орудия американцы.

– А ты рассказывал, что когда иракцы били из 76-мм пушек, их задавили танковым огнем.

– Да, с пяточка на другой стороне реки. Там стояла батарея – три или четыре пушки (ЗИС-3 калибра 76 мм). Было очень хорошо видно, что это не танки, а американские бронетранспортеры **Бредли** – они «мочили» из всего, что есть. Арабы-артиллеристы убежали. Я потом с этими ребятами (из армии США) общался, вполне нормальные ребята.

Там среди морпехов было двое русских, прекрасно говоривших на русском языке. Один в 14 лет уехал на Запад, другой в 18. Снайпер один. Когда они вошли, была эйфория – война кончилась. Журналисты же народ избалованный – жратвы нет, ничего нет, выпивки нет, кольцо блокады, и тут прорвались, война закончилась, вошли американцы.

Вот американцы идут ночью патрулировать гостиницу, а тут один поддатый вышел из гостиницы: «О, ребята, заходите к нам, покурим кальян, выпьем виски». – «Мы не можем». – «Да ладно, заходите». И вот они всю ночь с нами просидели. Побратались. Я был единственным переводчиком. Была ещё

болгарская журналистка, она это всё сняла и потом выдала на болгарском телевидении: русский журналист общается с американскими солдатами.

У меня было две съёмочных группы – с начала войны одна, а перед тем как кольцо блокады замкнулось, ещё одна прорвалась ко мне. Я осуществлял общее руководство. Они все побратались, форму нашу надели, стреляли из штурмовой винтовки **М-16** (калибра 5,56 мм). Мы курили кальян, разговаривали про американскую и про русскую историю. Мне эти ребята очень понравились. И все они были со Среднего Запада, то есть вроде наших крепких ребят из провинции. Они были очень удивлены: «Мы, конечно, понимаем, что русские не медведи, но удивительно встретить человека, который лучше нас знает американскую историю, кино, литературу... Мы этого ничего не знаем».

– А вот ещё ты рассказывал историю: когда уже замыкалось кольцо блокады, американцы запускали маленькие беспилотнички, которые сбивали.

– Понятно, американцы не хотели пользоваться пилотной авиацией. Какой в этом смысл? Беспилотников много сбивали. Я помню историю, когда иракцы сбили что-то вроде самолёта, экипаж спрыгнул в реку и сплавлялся вниз. Я помню грандиозную операцию по их отлову. Считалось, что они где-то здесь. Перегораживали реку, ныряли. Выглядело очень смешно. Беспилотник вообще легко сбить.

– То есть необязательно даже систему ПВО использовать?

– **Зеушкой (Зу-23-2)** вполне возможно сбить. **Раптор** (американский тяжёлый беспилотник) они не сбивали, он высоко летает. Мне сложно про это говорить. Кажется, там сбивали в основном среднего веса беспилотники.

– Что ещё интересного было в 2003 г., что запомнилось?

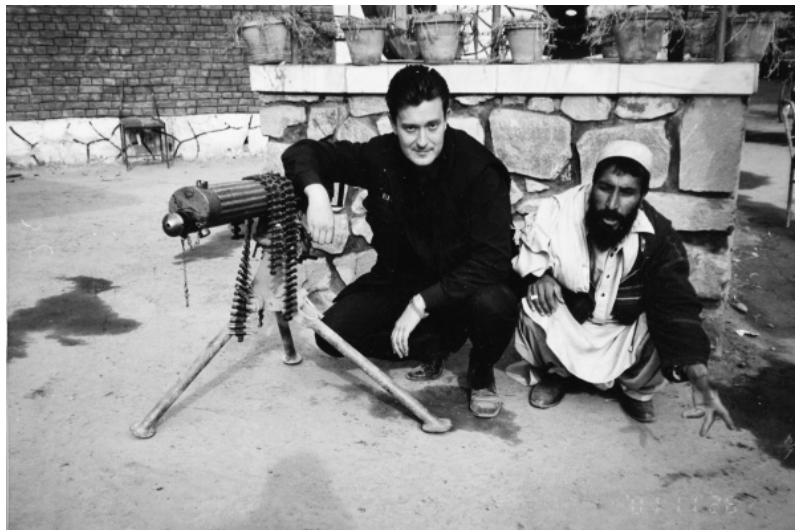
– Интересное происходило ежедневно, очень сложно что-

то выделить. Например, когда атаковали в первый раз серьёзно Багдад с воздуха – это было вечером третьего дня войны – мы остались одни в «Аль-Мансуре». Все ушли за речку, в «Палестину». Было предчувствие: сейчас начнётся. И зачем-то я поехал вниз на лифте. Вдруг взрыв, лифт останавливается, пошёл дым. Думаю: «Наверное, атака». Нажимаю кнопку, лифт идет вверх. Приезжаю на свой этаж, прихожу в свой номер и что я вижу? Перед нами справа министерство информации, а дальше дворцы **Саддама Хуссейна** и всё взрывается, как в аду. А мои операторы это всё снимают большой камерой, а звукооператор – маленькой цифровой.

Когда наступил небольшой перерыв, они пошли вниз снимать. Я остался наверху. Звоню на 6-й канал, и меня ведущий **Миша Осокин** спрашивает, что там происходит. Я отвечаю: «Американцы утверждают, что будут производить точечную атаку, но сейчас они разносят город к чертям!» В трубке слышны взрывы – **Осокин** говорит: «**Иван**, немедленно спускайтесь в бомбоубежище, вы нужны нам живым на следующий эфир!»

Ирак. Багдад. Апрель 2003 года. Операция Шок и трепет. Подбитый из РПГ-7 американский танк **Абрамс**

Афганистан. Джеллалабад. У старого английского станкового пулемёта **Виккерс** калибра 7,71 мм (0.303 дюйма). Патронная лента металлическая

Афганские фотки, ноябрь-декабрь 2001 года. Пушка **М-30** (122 мм) и пушки **ЗИС-3** (76 мм) на разгромленной авиацией НАТО базе Талибов

На войне в Чечне. Осень 1999 г. В районе Грозного. Начало второго штурма. Техника. Слева-направо **БМП-2**, **БТР-60ПУ** или **БТР-60ПУ-12 (9С482)** управленческий и **МТ-ЛБС** (санитарная модификация **МТ-ЛБ**)

**Воспоминания ветеранов войны в Анголе
и других локальных конфликтов**

Редакторы-составители:

**к.и.н. Кузнецова-Тимонова Александра Владимировна
к.и.н. полковник запаса Токарев Андрей Александрович
подполковник запаса Ждаркин Игорь Анатольевич
к.и.н. Шубин Геннадий Владимирович**

Редактор Гришина Н.В.

Компьютерная верстка Рудакова Е.Е.

Издатель Белый Н.Б.

**Утверждено к печати учёным советом
Института Африки РАН**

Издательство «Memories»

101000, Москва, Б. Златоустинский пер. д. 2/8, стр. 1

Тел. (495) 107-86-26

www.membook.ru

e-mail: info@membook.ru